

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ**

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 26/2023

г. Донецк 2023

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» Минюста России

ВЕСТНИК

ДОНБАССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Юридические науки

**Научный журнал
№ 26 / 2023**

Выходит 4 раза в год. Издаётся с 2016 г.

**Донецк
ДГУЮ
2023**

УДК 34

Главный редактор

Заместитель

главного редактора

Ответственный редактор

Ответственный секретарь

Редакционная коллегия:

Н. В. Барбашова, д-р юр. наук, профессор (*Донецкий государственный университет*)

А.И. Левченков, д-р юр. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права (*Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, г. Луганск*)

Я. В. Полякова, канд. пед. наук, профессор кафедры лингвистики (*Донбасский государственный университет юстиции*)

Е. Ю. Рьжкова, канд. юрид. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*)

Г. Н. Гапотченко, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), Р. Х. Гиззатуллин, д-р юр. наук (*Башкирский государственный университет, г. Уфа*), В. В. Груздев, д-р юр. наук (*Костромской государственный университет, г. Кострома*), С. Х. Джиев, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина*), О. Г. Дьяконова, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина*), В. С. Елисеев, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина*), В. И. Козюберда, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), В. А. Комаров, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), С. В. Лихачев, д-р юр. наук (*Курский государственный университет, г. Курск*), А. А. Лукьянцев, д-р юр. наук (*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону*), О. А. Малышева, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина*), С. Ю. Мироненко, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), А. М. Моисеев, д-р юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), А. А. Николаев, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), Э. С. Навасардова, д-р юр. наук (*Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь*), Т. И. Отческая, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина*), А. Н. Першин, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина*) А. А. Савченко, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), В. Г. Севка, д-р экон. наук (*Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, г. Макеевка*), А. А. Ситник, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина*), Л. Б. Смирнов, д-р юр. наук (*Северо-Западный институт управления – филиал РАНХ и ГС, г. Санкт-Петербург*), Ю. В. Степаненко, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина*)

Журнал зарегистрирован

в Научной Электронной библиотеке (НЭБ) – головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) (лицензионный договор № 596-11/2016 от 10 ноября 2016 г.); в Министерстве информации ДНР. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – Серия ААА № 000169 от 14.11.2017 г.

Внесен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Приказом МОН ДНР от 08.05.2018 г. № 433

Основатель и издатель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» г. Донецк.

Рекомендован к изданию Ученым советом Донбасского государственного университета юстиции, протокол от 26.09.2023 г. № 3

Язык публикации: русский, английский.

Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.

Адрес редакции:

ул. Лебединского, д. 9, г. Донецк, 283049

e-mail: Vestnik.DLA@yandex.ru

Вестник Донбасской юридической академии: сборник научных трудов. – Вып. 26. – Донецк: ДГУЮ, 2023. – 138 с. – («Юридические науки»).

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» Минюста России, 2023

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

**Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie
vy'sshego obrazovaniya «Donbasskij gosudarstvenny`j universitet yusticii»
Minyusta Rossii**

VESTNIK

DONBASSKOY YURIDICHESKOY AKADEMII

Yuridicheskiye nauki

Nauchnyi Zhurnal

№ 26 / 2023

Vykhodyt 4 raza v god. Izdaetsia s 2016 g.

**Donetsk
DGUYu
2023**

UDK 34

Editor-in-chief

N.V. Barbashova, Advanced Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Donetsk State University*)

Deputy editors-in-chief

A.I. Levchenkov, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law (*Lugansk Academy of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Lugansk*)

Executive secretary

I.V. Poliakova, PhD in Pedagogy, Professor of the Department of Linguistics (*Donbass State University of Justice*)

Executive secretary:

E.Yu. Ryzhkova, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*)

Editorial board:

G.N. Gapotchenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), R.H. Gizzatullin, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Bashkir State University, Ufa*), V.V. Gruzdev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Kostroma State University, Kostroma*), S.Kh. Dzhioev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), O.G. Dyakonova, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), V.S. Eliseev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), V.I. Kozyuberda, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), V.A. Komarov, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), S.V. Likhachev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kursk State University, Kursk*), A.A. Lukyantsev, Doctor of Juridical Sciences (*Southern Federal University, Rostov-on-Don*), O.A. Malysheva, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), S.Yu. Mironenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), A.M. Moiseev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), A.A. Nikolaev, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), E.S. Navasardova, Doctor of Juridical Sciences (*North Caucasus Federal University, Stavropol*), T.I. Otcheskaia, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), A.N. Pershin, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), A.A. Savchenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), V.G. Sevka, Advanced Doctor of Economical Sciences (*Donbass National Academy of construction and architecture, Makeevka*), A.A. Sitnik, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), L.B. Smirnov, Doctor of Juridical Sciences (*North-Western Institute of Management Branch of RANH and GS, St. Petersburg*), Iu.V. Stepanenko, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*)

The journal is registered

Of the Scientific Electronic Library (SEL) – the chief executive of the project on determining Russian Science Citation Index (RSCI) (license agreement № 596-11/2016 of November 10, 2016).

In Ministry of information of DPR. Testifying to registration of means of mass information is Series of AAA № 000169 dated 14.11.2017.

Included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for obtaining the scientific degree of the candidate of sciences should be published, for the academic degree of the Doctor of Sciences Order of the Ministry of Education and Science of the DPR dated 08.05.2018 No.433.

Founder and Publisher

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice»

Recommended for publishing by Academic Board of Donbass State University of Justice. The Minute № 3 dated 26.09.2023.

Language of publication: Russian, English

All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only by the permission of the author and publisher

Address of editor office:

9, Lebedinsky Street, Donetsk, 283049

e-mail: Vestnik.DLA@yandex.ru

Herald of Donbass Law Academy: collection of scientific papers. – Issue 26. – Donetsk: DSUJ, 2023. – 138 p. – («Juridical science» series).

© Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice», 2023

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials

СОДЕРЖАНИЕ

Барбашова Н.В., Базака В.В.	
Военный конфликт как катализатор террористических актов против окружающей среды: на примере государства Украина.....	7
Бордюгов Л.Г., Рубцова И.В.	
Использование цифровых технологий в судебной автотехнической экспертизе.....	19
Войтов А.В., Седнев В.В.	
Криминологический портрет экстремиста.....	28
Голобородько В.И.	
Роль и место мер административного принуждения в деятельности полиции	37
Горбатый Р.Н.	
Проблемы уголовно-правовой квалификации заражения ВИЧ-инфекцией....	47
Капитонова М.С., Южанина В.С.	
Правовое регулирование деятельности СМИ в Российской Федерации.....	55
Козачёк Е.С.	
Пособничество в уголовном праве: физический и интеллектуальный способы.....	64
Мавлиханова Р.В.	
К вопросу о конституционно-правовом статусе прокуратуры Российской Федерации.....	71
Мироненко Н.С.	
Эффективность деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений.....	80
Мироненко С.Ю.	
Непосредственный объект применения запрещенных средств и методов ведения войны.....	89
Николаев А.А., Титов А.Н.	
Административно-правовой статус гражданина, его прав и свобод.....	97
Павленко П.И.	
Проблемные аспекты деформации правового сознания: историко-правовой анализ.....	108
Седнев В.В., Войтов А.В.	
Юридические экспертизы как инструмент денацификации.....	115
Сиренко Б.Н.	
Развитие учений о причинах и условиях совершения правонарушений.....	125

CONTENTS

Barbashova, N.V., Bazaka, V.V. Military conflict as a catalyst of terrorist acts against the environment: the example of the state of Ukraine.....	7
Rubtsova, I.V., Bordyugov, L.G. Use of digital technologies in judicial autotechnical expertise.....	19
Voitov, A.V., Sednev, W.V. Criminological portrait of an extremist.....	28
Goloborodko, V.I. Role and place of administrative coercive measures in police activities.....	37
Gorbaty, R.N. Problems of criminal law qualification of HIV-infection.....	48
Kapitonova, M.S., Yuzhanina, V.S. Legal regulation of media activities in the Russian Federation.....	55
Kozachok, E.S. Assistance in criminal law: physical and intellectual method.....	64
Mavlikhanova, R.V. On the issue of the constitutional and legal status of the prosecutor's office of the Russian Federation.....	71
Mironenko, N.S. The effectiveness of the activities of the internal affairs bodies for the prevention of crimes.....	81
Mironenko, S.Yu. The direct object of the use of prohibited means and methods of warfare.....	89
Nikolayev, A.A., Titov, A.N. Administrative legal status of a citizen, his rights and freedoms.....	97
Pavlenko, P.I. Problematic aspects of the deformation of legal consciousness: historical and legal analysis.....	108
Sednev, W.V., Voitov, A.V. Legal examinations as a tool of denazification.....	116
Sirenko, B.N. Development of teachings about the causes and conditions of offenses.....	125

УДК 341.3:343.4:349.6

Н.В. Барбашова, д-р юрид. наук, профессор кафедры административного и финансового права, Донецкий государственный университет (г. Донецк)

(e-mail: n.barbashova@mail.ru)

В.В. Базака, магистрант, Донецкий государственный университет (г. Донецк)

(e-mail: bazaka225@gmail.com)

ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ КАК КАТАЛИЗАТОР ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ ПРОТИВ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВА УКРАИНА

В статье исследуется роль военных конфликтов в качестве катализатора террористических актов против окружающей среды. Выполнен анализ причин, способствующих возникновению таких терактов. Приведенные примеры террористических актов во время вооруженного конфликта показывает, что все террористические акты, использующие в качестве инструментария окружающую среду, направлены исключительно против гражданского населения с целью его устрашения, являются экоцидом, противоречат нормам международного гуманитарного права и не обусловлены военной необходимостью.

Ключевые слова: экологический терроризм, окружающая среда, экологический вред, вооруженный конфликт, международное право.

Barbashova, N.V.,

Bazaka, V.V.

MILITARY CONFLICT AS A CATALYST OF TERRORIST ACTS AGAINST THE ENVIRONMENT: THE EXAMPLE OF THE STATE OF UKRAINE

The article examines the role of military conflicts as a catalyst for terrorist attacks against the environment. An analysis of the reasons contributing to the occurrence of such terrorist attacks has been carried out. The given examples of terrorist acts during an armed conflict show that all terrorist acts using the environment as a tool are directed exclusively against the civilian population with the aim of intimidating them, are ecocide, contradict the norms of international humanitarian law and are not due to military necessity.

Key words: environmental terrorism, environment, environmental harm, armed conflict, international law.

Актуальность темы исследования. Использование окружающей среды в качестве средства воздействия на противника в вооруженных конфликтах имеет давнюю историю [8, 4]. Современный уровень развития технологий сделал такой вид борьбы достаточно легко реализуемым и несопоставимым по масштабам негативных последствий с ранее известными способами. Военные конфликты являются своеобразным «ящиком Пандоры», «оправдывающем» насилие на национальной, религиозной и социальной почве, масштабные разрушения социосферы, уничтожение природных ресурсов. По своей сути эти

факты массового уничтожения людей и устрашения населения для достижения своих преступных целей являются также отличительными признаками террористических актов. Терракты всегда приводят к массовым человеческим жертвам, масштабным разрушениям материальных ценностей, нивелируют духовные ценности, сеют вражду между различными социальными, религиозными и национальными группами, все чаще становятся катализаторами возникновения международных и внутренних вооруженных конфликтов. В то же время они все больше используются как средство ведения военных действий в целях массового уничтожения людей и устрашения населения. Особую опасность для гражданского населения во время военных действий приобретают террористические акты, в которых в качестве объекта преступного воздействия используется окружающая среда. Современные примеры использования актов экологического терроризма во время вооруженного конфликта и недостаточная эффективность международных документов по противодействию таких деяний делают актуальной тему настоящего исследования.

Анализ научных исследований. Масштабные негативные последствия для окружающей среды, вызванные экологическими терактами или нанесением чрезмерного сопутствующего ущерба окружающей среде при вооруженных конфликтах, противодействие этим деяниям мирового сообщества с помощью правового инструментария стали предметом исследования значительного числа ученых, среди которых отметим Н.А. Соколову, У.Ю. Маммадова, А.Я. Рыженкова, О.Л. Дубовик, Ю.А. Саранкину, С.С. Алексанина, М.М. Богословского, А.М. Солнцева, Н.В. Остроухова, М.И. Брайдже, Стива Вандерхайдена (*Steve Vanderheiden*), Грегори Роуз (*Gregory L Rose*), М.Уолцера (*M. Walzer*), М. Боте (*M. Bothe*), Т. Смит (*Smith T.*) и др.

По своей сути экологический терроризм в вооруженном конфликте представляет собой специальную военизированную тактику по преднамеренному уничтожению природных ресурсов. Как отмечает Грегори Роуз (*Gregory L Rose*) [22], в настоящее время международное право не обеспечивает эффективные процедуры по привлечению к уголовной ответственности виновных лиц за экологические преступления: ни за экологические теракты, ни за нанесения ущерба окружающей среде вследствие осуществления военных действий. Борьба с терроризмом акцентирована на пресечении террористических актов, связанных с насилием против людей, безопасности авиации, судоходства, предотвращением повреждения инфраструктуры. Что касается актов терроризма, направленных против объектов окружающей природной среды, то такие правовые рамки международного сотрудничества отсутствуют.

По мнению М.И. Брайдже [3, С. 15], в настоящее время охрана окружающей среды в ситуациях вооруженных конфликтов приобретает все более ярко выраженный международный характер. Н.А. Соколова [16] в своем исследовании акцентирует внимание на факте осложнения защиты гражданского населения в случае негативного воздействия сторон

вооруженного конфликта на окружающую природную среду, что нарушает основные права человека, соблюдение которых требуют, в том числе, обычные нормы международного права. Враждебное воздействие на окружающую среду в ходе вооруженного конфликта способно стать причиной излишних страданий, не оправданных военной необходимостью.

По мнению Стива Вандерхайдена (*Steve Vanderheiden*) [25], уникальность терроризма заключается не в первичном объекте нападения, а во вторичных объектах, которым угрожают (и, следовательно, незаконно запугивают в определенных целях) будущими нападениями. Значительные атаки на неодушевленные объекты (окружающую среду) могут настолько терроризировать население, что оно станет бояться за свою личную безопасность и тогда такие действия структурно станут идентичными атакам, в которых основными целями являются люди.

Существующий в мировом сообществе тренд на борьбу с терроризмом, а также принятое значительное число международных документов по противодействию терроризму, в определенной степени вынуждают стороны вооруженного конфликта соблюдать нормы международного гуманитарного права в части не допущения насильственных действий к гражданам или их собственности, в том числе, опосредованно через природную среду, где в дальнейшем существование человека будет затруднено или даже невозможно. Как отмечает М. Уолцер (*M. Walzer*) [26], решающее моральное различие между терроризмом и другими тактиками «сопротивления» состоит в том, что терроризм «переступает моральные границы, за которыми, по-видимому, невозможны никакие дальнейшие ограничения», и как таковой никогда не сможет успешно привлечь симпатии более широкого сообщества. Недвусмысленно отвергая все моральные ограничения на действия, и стремясь к власти исключительно путем распространения страха и запугивания, терроризм апеллирует только к силе, а не к правосудию (даже если оно основано на обоснованных жалобах на несправедливость), и поэтому как форма недовольства обречен на провал.

Вместе с тем, многочисленные факты свидетельствуют, что при доминировании в одной из сторон конфликта идеи национального превосходства или религиозной нетерпимости, эта сторона пытается осуществлять широкомасштабные экологические теракты, максимально закамуфлировав свое участие в них [1, 2, 6, 10, 14, 15]. В данном контексте представляется актуальным исследование проблемы воздействия каталитического характера военного конфликта на совершение террористических актов с использованием в качестве инструмента воздействия состояние окружающей природной среды. В работе в качестве примера используется фактический материал по осуществлению экологических терактов Украиной в ходе проведения Россией Специальной военной операции, которая по общему признанию является наиболее масштабным военным конфликтом первой четверти XXI века.

Целью статьи является исследование проблемы и разработка предложений по совершенствованию международных документов по правовому противодействию актам экологического терроризма в условиях военного конфликта.

Изложение основного материала. Отличительными признаками терроризма, как это следует из многих конвенций и договоров о предотвращении конкретных видов террористических акций международного и регионального уровня, являются концентрация таких форм, как противозаконное применение силы или угрозы силой в отношении гражданских лиц, их жизни, имущества; нагнетание страха и хаоса, запугивание населения.

Ст. 205 УК РФ [18] определяет терроризм как деяния, связанные с совершением взрывов, поджогов или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями.

Более того, общей чертой принятых международных конвенций по противодействию терроризму является отсутствие положений, связанных с военными преступлениями. Такая позиция объясняется тем фактом, что подобные преступления представляют собой отдельный класс международных преступлений, который регулируется другими специальными договорами. Анализ взаимосвязи террористических актов экологического характера и актов применения насилия с использованием объектов окружающей среды в вооруженных конфликтах показывает приоритет последних.

Значительные усилия по защите окружающей среды во время вооруженного конфликта начались в 1970-х годах, главным образом в ответ на события, имевшие место во время Вьетнамской войны, в которой армией США было распылено 76 млн литров гербицидов, в том числе дефолианта Agent Orange, для уничтожения лесов, а число жертв составляет около 4,8 млн человек.

Как отмечают А.М. Солнцев и Н.В. Остроухов [17] до 70-х годов XX века в международных договорах, применяемых, как в мирное, так и в военное время, напрямую не упоминали окружающую среду в качестве объекта защиты во время вооруженных конфликтов. Ущерб, нанесенный США окружающей среде во время войны во Вьетнаме, заставил мировое сообщество обратить серьезное внимание на данную проблему. В результате нормы о защите окружающей среды во время вооруженных конфликтов были закреплены в Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 г. (Конвенция ЭНМОД) [9] и Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям о защите

жертв войны 1949 г., касающемся жертв международных вооруженных конфликтов 1977 г. (ДП I) [5].

Возникающие гуманитарные проблемы для человечества, связанные с созданием угроз экологического характера, послужили основанием принятия специальной Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду. Статья 1 Конвенции обязывает каждое государство-участника не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду, которые имеют *широкие, долгосрочные или серьезные последствия* (выделено авторами), в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику. Важным представляется подчеркнуть требование к каждому государству-участнику Конвенции не помогать, не поощрять и не побуждать любое государство, группу государств или международную организацию к осуществлению деятельности, связанной с созданием угроз экологического характера.

В Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 г. были включены ст. 35 и 55, посвященные вопросу защиты окружающей природной среды во время вооруженного конфликта. Согласно ст.35 ДП I, посвященной методам ведения войны «запрещается применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят *обширный, долговременный и серьезный ущерб* природной среде (выделено авторами)».

Наибольшие дискуссии вызывает проблема определения уровня запрещенного ущерба, который Дополнительный протокол I характеризует его как «серьезный», «обширный», «долговременный», а Конвенция ЭНМОД запрещает использование средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия [16, С. 89-91; 10;21, С. 339-348; 19]. Отмеченные коллизии норм в указанных документах существенно сказываются на эффективности их применения.

Статья 55 ДП I касается защиты природной среды: «При ведении военных действий проявляется забота о защите природной среды от обширного, долговременного и серьезного ущерба. Такая защита включает запрещение использования методов или средств ведения войны, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят такой ущерб природной среде и тем самым нанесут ущерб здоровью или выживанию населения. Причинение ущерба природной среде в качестве репрессалий запрещается».

По мнению ряда исследователей, система, которая сложилась за последние полвека в сфере установления роли вооруженного конфликта в нанесении ущерба окружающей среде и разрушении объектов жизнеобеспечения гражданского населения, содержит многочисленные пробелы и двусмысленности [19]. Как полагают М. Боте и др. (*M.Bothe and others*), в настоящее время остаются три ключевых пробела или недочета:

– узкое и нечеткое определение недопустимого экологического ущерба в положениях, прямо касающихся охраны окружающей среды во время вооруженного конфликта;

– неудовлетворительная защита элементов окружающей среды как гражданских объектов из-за легкой трансформации таких элементов в военные объекты;

– сомнения в практическом применении принципа соразмерности экологическому ущербу, который является так называемым сопутствующим ущербом в результате нападений на военные объекты.

Авторы отмечают приоритет военных действий, связанных с уничтожением природных объектов, перед их защитой, как среды обитания человека и других биологических объектов. По их мнению, как только вооруженные силы размещаются в охраняемом районе, этот район может эффективно способствовать военным действиям, его нейтрализация может дать определенное военное преимущество. Таким образом, он становится военной целью. Именно таким подходом руководствовались вооруженные силы США, оправдывая использование гербицидов во Вьетнаме, поскольку «деревья обеспечивали укрытие противнику». Такие рассуждения противоречат основным принципам гуманитарного права.

Как указывают К. Дроге и М.-Л. Тугас (*C.Droege and M.-L.Tougas*) [20, С. 20], вследствие того, что природная среда квалифицируется как гражданский объект, никакая ее часть не может быть атакована, если только это не военный объект. По их мнению, превращение гражданского объекта в военный объект происходит не так просто и часто, как может показаться на первый взгляд. Статья 52 (2) ДП I устанавливает в соответствии с международным гуманитарным правом критерии военных целей. Согласно этим критериям, военные объекты ограничены теми объектами, которые по своему характеру, местоположению, назначению или использованию вносят эффективный вклад в военные действия; и чье полное или частичное уничтожение, захват или нейтрализация, в сложившихся на данный момент обстоятельствах, дает определенное военное преимущество.

Дискуссионным является вопрос о применимости норм обычного права во время вооруженного конфликта. В частности Н.А. Соколова [16, С. 89] отмечает, что одним из основных постулатов применения международных договоров и обычаев в период вооруженных конфликтов сводится к тому, что нормы мирного времени продолжают действовать в той мере, в какой они не противоречат нормам МГП, являющимися *lex specialis*.

Отмеченные выше проблемы в оценке различными авторами правомочности негативного воздействия на объекты окружающей среды являются, по нашему мнению, следствием противоречивости норм отдельных международных правовых актов. В качестве примера рассмотрим «Руководящие принципы», приведенные в приложении к Докладу Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, посвященному Десятилетию международного гуманитарного права [13], которые резолюция

Генеральной Ассамблеи ООН 49/50 (1994) призвала все государства надлежащим образом включить в военные уставы, наставления и иные руководящие документы для военнослужащих.

Пункт 2 ст. 54 «Защита объектов, необходимых для выживания гражданского населения», в частности, запрещает уничтожать сооружения для снабжения питьевой водой и запасы последней, а также ирригационные сооружения, специально с целью не допустить их использование гражданским населением или противной стороной как средств поддержания существования, независимо от мотивов.

Однако п. 3 указанной статьи снимает указанный запрет в случае использования противной стороной для поддержания военных действий.

Согласно п. 1 ст. 56 «Защита установок и сооружений, содержащих опасные силы» установки и сооружения, содержащие опасные силы, а именно – плотины, дамбы и атомные электростанции, не должны становиться объектом нападения даже в тех случаях, когда такие объекты являются военными объектами.

Пункт 2 предусматривает отмену режима особой защиты:

а) в отношении плотин и дамб только в том случае, если они используются каким-либо образом, отличающимся от их нормального функционирования, и для регулярной существенной и непосредственной поддержки военных операций и если такое нападение является единственным практически возможным способом прекратить такую поддержку;

б) в отношении атомных электростанций только в том случае, если они вырабатывают электроэнергию для регулярной существенной и непосредственной поддержки военных операций и если такое нападение является единственным практически возможным способом прекратить такую поддержку.

Аргументация причин отмены режима особой защиты плотин, атомных электростанций не выдерживает никакой критики, потому как последствия разрушения указанных объектов носят планетарный характер и определяются как экоцид.

К аналогичному выводу приходит Т. Смит (*Smith T.*) при анализе статей 35, 55 Дополнительного протокола [24, С. 430]. По ее мнению требования этих положений о том, что ущерб окружающей среде должен быть одновременно «обширным, долговременным и серьезным», на практике делает эти статьи Дополнительного протокола I неприменимыми. Неэффективность данных международных договоров подтверждается тем, что с момента их принятия окружающей среде в результате боевых действий был причинен значительный ущерб и при этом никто не был привлечен к ответственности. Не изменило ситуацию и принятие в 1998 г. Статуса Международного уголовного суда (Римского статута) [12], в которой пункт (IV) части (2а) статьи 8 «Военные преступления» фактически дублирует ст. 34 (3) Дополнительного протокола I. Неэффективная работа Международного суда в части принятия

политизированных решений послужили основанием для отзыва подписи России [11].

Масштабный вред, наносимый окружающей природной среде во время современных высокотехнологичных войн, неэффективность существующей международной правовой базы по его предотвращению, стимулировали разработку международными организациями новых документов в сфере защиты окружающей среды.

Комиссия международного права на 71 сессии (Женева, 2019) в первом чтении приняла Проект принципов защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами [7]. Эти 28 принципов направлены на усиление защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, в том числе посредством превентивных мер для сведения к минимуму ущерба окружающей среде во время вооруженных конфликтов и посредством восстановительных мер.

В контексте проводимого исследования выделим здесь Проект принципа 19 «Средства воздействия на окружающую среду», который обязывает государства не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству.

Значительная роль в разработке нормативных актов, посвященных защите окружающей среды во время вооруженных конфликтов принадлежит Международному комитету красного креста (МККК) [23]. Отмечая жизненно важную роль природной среды в обеспечении выживания нынешнего и будущих поколений, в докладе указывается на недостаточную развитость международного законодательства в этой сфере. В частности, указывается, что современное договорное право не содержит конкретного требования о защите и сохранности окружающей среды в ходе военных действий во время немеждународного вооруженного конфликта.

Экологические теракты на Украине в ходе проведения Специальной военной операции. Проводимая в настоящее время Россией Специальная военная операция на Украине позволяет изучить особенности каталитического характера влияния вооруженного конфликта на террористические акты, проводимые по инициативе украинских властей. Внимание будет акцентировано только на масштабных террористических актах, подпадающих под категорию экоцид. Статья 358 УК РФ определяет экоцид как массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу.

Подрыв 6 июня 2023 года плотины Каховской гидроэлектростанции на Днепре привел к катастрофическим последствиям в экологическом, экономическом и социальном планах. В результате этого теракта погибли 57 человек, затоплено 28 населенных пунктов с общей численностью населения

около 38 тысяч человек. Из пострадавших в результате прорыва плотины Каховской ГЭС территорий Херсонской области эвакуировали около 4000 человек. Значительны социальные последствия теракта: многие люди остались без жилья, работы и средств к существованию. Большое количество людей потеряли свои сбережения и имущество.

Как и любое проявление насилия, разрушение с целью устрашения населения, подрыв Каховской ГЭС является экологическим терроризмом. Этот теракт привел к нарушению экосистемы реки, пострадали рыбные запасы и растительный мир. Подрыв Каховской ГЭС – это серьезное нарушение права человека на здоровую безопасную окружающую среду, включенному ООН в перечень фундаментальных прав и свобод человека.

Типичным примером экоцида является перекрытие в апреле 2014 года Северо-Крымского канала. Этот основной источник пресной воды для Крымского полуострова был закрыт спешно возведенной дамбой, что нанесло большой ущерб сельскому хозяйству региона, которое во многом развивалось, особенно на севере и востоке, за счет днепровской воды.

Ещё одним примером экологического терроризма является отключение воды для жителей Донбасса. Как и любой другой акт экономической блокады или политического давления на народ, отключение Донбасса от воды может быть рассмотрено как акт экологического терроризма. Несоблюдение международных норм и вмешательство в водный баланс региона привело к деградации природных экосистем и оказало долгосрочное негативное воздействие на общество и природу.

Особую опасность вызывают попытки киевского режима совершить террористические акты с использованием ядерных материалов. Здесь в первую очередь следует назвать обстрелы крупнейшей в Европе Запорожской АЭС. Угрозу населению составляют действия по созданию «грязной» атомной бомбы, обстрелы Курской АЭС, попытка применения боеприпасов, содержащих обедненный уран.

«Новым изобретением» киевских властей в сфере террористических технологий являются массированные атаки на гражданские объекты России ракетами и беспилотной авиацией, целью которых является посеять хаос и страх среди мирного гражданского населения.

Анализ приведенных выше примеров показывает: во-первых, что террористические акты, использующие в качестве инструментария окружающую среду, направлены исключительно против гражданского населения с целью его устрашения и являются экоцидом; во-вторых, субъектом террористических атак экологического характера является государство Украина; в-третьих, указанные террористические акты против окружающей среды не обусловлены военной необходимостью и противоречат нормам международного гуманитарного права. Здесь видится уместным указать на двойные стандарты стран Западной Европы, США и некоторых других, не только не осуждающих экологические теракты киевского режима, но и поддерживающих его, что делает их соучастниками экологических

преступлений. Такие действия фактически привели в настоящее время к разрушению системы международного гуманитарного права.

Обдуманная и целенаправленная политика и противоправный умысел, которые имеют место при большинстве международных преступлений экологического характера, должны предполагать более тяжелый режим международно-правовой ответственности [3, С. 14].

Выводы. Наблюдаемое в настоящее время обострение международной ситуации не является, по нашему мнению, основанием для прекращения тесной международной координации по вопросам экологического терроризма. Правительства должны работать вместе и обмениваться информацией, чтобы предотвращать террористические акты против окружающей среды в мировом масштабе. Видится необходимым широкое привлечение общественности и специалистов по проведению международных конференций и форумов по вопросам охраны окружающей среды и разработке рекомендаций по изменению и дополнению международных документов в части повышения их эффективности по противодействию актам экологического терроризма во время военных конфликтов. Военные конфликты становятся причиной не только гибели людей и разрушения городов, но и уничтожения безопасного и здорового состояния окружающей среды, поскольку по своей сути являются актами экоцида.

Список литературы

1. Алексанин С.С. Экологический терроризм – феноменология, виды, факторы, превенция / С.С. Алексанин, М.М. Богословский, В.Ю. Рыбников и др. // Экология человека. – 2018. – № 12. – С. 4-11.
2. Барбашова Н.В. Государство как субъект экологического терроризма: на примере внутрисударственного вооруженного конфликта на Украине / Н.В. Барбашова // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17.– № 7 (140). – С. 168-176.
3. Брайдже М.И. Международно-правовая охрана окружающей среды в ситуациях вооруженных конфликтов. Автореферат дис...канд. юрид. наук. М.: 2014 – 28 с.
4. Гаджиева С.Р. Война и экология. Конфликт между природой и человеком в период военных столкновений / С.Р. Гаджиева, Т.И. Алиева, З.Т. Велиева и др. // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 1 (43). – С. 264-266.
5. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. Принят 08.06.1977 г. Протокол I. – URL: https://en.wikisource.org/wiki/Geneva_Convention/Protocol_I (дата обращения: 20.08.2023).
6. Дубовик О.Л. Криминологические и уголовно-правовые предпосылки борьбы с экологическим терроризмом и экологическим экстремизмом в России // Lex russica. – 2018. – № 9 (142). – С. 75-90.

7. Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами. Проект. Комиссия международного права. Женева. – 2019 г. / Организация Объединенных Наций. A/CN.4/L.937. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G19/153/13/pdf/G1915313.pdf?OpenElement> – (дата обращения: 20.08.2023).
8. Коданева С.И. Охрана окружающей среды в условиях вооруженных конфликтов: международно-правовые аспекты. Обзор. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 2023. – С. 89-103. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-okruzhayuschey-sredy-v-usloviyah-vooruzhennykh-konfliktov-mezhdunarodno-pravovye-aspekty/viewer>. DOI: 10.31249/iajpravo/2023.01.07 – (дата обращения: 10.08.2023).
9. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду. Рекомендована для рассмотрения, подписания и ратификации всеми государствами резолюцией 31/72 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1976 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml – (дата обращения: 12.08.2023).
10. Маммадов У.Ю. Защита природной среды во время вооруженных конфликтов в контексте международного гуманитарного права // Российский юридический журнал. – 2015. – № 3 (102). – С.117-129.
11. Распоряжение Президента Российской Федерации от 16.11.2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда». Вступило в силу с 16 ноября 2016 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41387> – (дата обращения: 08.09.2023).
12. Римский статут Международного уголовного суда. В. Заключительный акт Дипломатической конференции полномочных представителей под эгидой Организации Объединенных Наций по учреждению Международного уголовного суда. – URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) – (дата обращения: 20.08.2023).
13. Руководящие принципы для военных уставов и инструкций об охране окружающей среды в период вооруженных конфликтов. (Документ ООН A/49/323, 1994 г.). Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 49/50 (1994). – URL: <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-10/101.pdf> – (дата обращения: 20.08.2023).
14. Рыженков А.Я. Экологический терроризм как глобальная проблема современности / А.Я. Рыженков // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – № 2. – С. 27-35.
15. Саранкина Ю.А. Биологический терроризм: понятие, сущность и основные направления противодействия / Ю.А. Саранкина / Крымский научный вестник. – 2016. – № 4 (10). – С. 58- 72.

16. Соколова Н.А. Международная защита окружающей среды в период вооруженных конфликтов: традиции правового регулирования и новеллы толкования. – 2021. – Том 74. – № 12 (181). – С. 84-95.
17. Солнцев А.М. Некоторые новации в сфере защиты окружающей среды до, в период и после вооруженных конфликтов / А.М. Солнцев, Н.В. Остроухов // Сетевое издание «Международный правовой курьер». – URL: <http://interlegal.ru/nekotorye-novatsii-v-sfere-zashhity-okruzhayushhej-sredy-do-v-period-i-posle-vooruzhennyh-konfliktov> – (дата обращения: 20.08.2023).
18. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ – (дата обращения: 20.08.2023).
19. Bothe, M., Bruch, C., Diamond, J., & Jensen, D. (2010). International law protecting the environment during armed conflict: gaps and opportunities // *International Review of the Red Cross*. – 92 (879). – P. 569–592. DOI:10.1017/s1816383110000597.
20. C. Droege and M.-L. Tougas (2013). The Protection of the Natural Environment in Armed Conflict – Existing Rules and Need for Further Legal Protection // *Nordic Journal of International Law*. – V. 82. – N: 1. – P. 21-52.
21. Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949 / Ed.: Y. Sandoz, Ch. Swinarski, B. Zimmermann; International Committee of the Red Cross. Geneva : Martinus Nijhoff Publishers, 1987.
22. Gregory, L. Rose (2022). Environmental Terrorism: Not Yet an International Crime // *Environmental Affairs*. – № 52 (2). – P. 161-170.
23. Kellenberger, J. (2010). Strengthening Legal Protection for Victims of Armed Conflicts The ICRC Study on the Current State of International Humanitarian Law // *International Review of the Red Cross*. – 92 (879). – 799-804. DOI: 10.1017/s1816383110000524.
24. Smith, T. The protection of the environment and natural resources in armed conflict // *International conflict and security law : A research handbook*. – Berlin : Springer, 2022. – P. 421-442. – URL: <https://doi.org/10.1007/978-94-6265-515-7> – (дата обращения: 20.08.2023).
25. Steve Vanderheiden (2005). Eco-terrorism or Justified Resistance? Radical Environmentalism and the “War on Terror” // *POLITICS & SOCIETY*. – Vol. 33. – No. 3, – P. 425-447. DOI: 10.1177/0032329205278462.
26. Walzer, M. (2004). Terrorism: A Critique of Excuses // Walzer M. *Arguing about War*. New Haven. – P. 51-66.

УДК 343.98

Л.Г. Бордюгов, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: Leonidbrd@yandex.ru)

И.В. Рубцова, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: riv81@bk.ru)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СУДЕБНОЙ АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Статья посвящена вопросам использования цифровых технологий в процессе расследования преступлений, связанных с дорожно-транспортными происшествиями, в частности при проведении судебных автотехнических экспертиз. Освещены проблемы, возникающие с появлением новых технологий в судебной автотехнической экспертизе.

Ключевые слова: *расследование преступлений, дорожно-транспортное происшествие, цифровые технологии, цифровизация, судебная автотехническая экспертиза.*

Rubtsova, I.V.,

Bordyugov, L.G.

USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN JUDICIAL AUTOTECHNICAL EXPERTISE

The article is devoted to the use of digital technologies in the process of investigating crimes related to road accidents, in particular during judicial auto-technical examinations. The problems arising from the emergence of new technologies in judicial auto-technical expertise are highlighted.

Key words: *investigation of crimes, road traffic accident, digital technologies, digitalization, forensic auto-technical expertise.*

Актуальность темы исследования. Под процессом «цифровизации» понимается «социально-экономическая трансформация, инициированная массовым внедрением и усвоением цифровых технологий, т.е. технологий создания, обработки, обмена и передачи информации» [20, С. 10] в различные сферы жизнедеятельности для повышения ее качества.

Суть цифровизации заключается в автоматизации процессов перехода информации в более доступную цифровую среду, в которой ее легче обрабатывать и анализировать. При этом уровень развития технологической инфраструктуры в настоящее время позволяет совершенствовать возможность хранения, передачи, а также скорость обработки информации.

Говоря о термине «цифровизация», следует отметить, что в настоящее время появилось много производных словосочетаний с данным термином, в частности «цифровая трансформация», «цифровое обучение», «цифровые технологии», «цифровая экономика» и т.д. Наиболее употребляемыми из

указанных словосочетаний являются «цифровые технологии» и «цифровая экономика».

Анализ научных исследований. В современном мире развитие общества приобретает все более динамичный характер, новейшие технологии, цифровизация обеспечивают преобразования во всех сферах жизнедеятельности. Цифровизация коснулась в том числе и права [10; 11]. Ряд работ посвящен вопросам использования цифровых технологий в судебной экспертной деятельности [2; 3; 4; 7; 9; 15]. Однако вопросы использования цифровых технологий в судебной автотехнической экспертизе в специальной литературе практически не освещаются.

Целью статьи является научное исследование и анализ проблемных вопросов использования цифровых технологий в процессе расследования дорожно-транспортных происшествий и, в частности, в процессе проведения судебных автотехнических экспертиз.

Изложение основного материала. Вместе с тем, следует отметить, что некоторые исследователи вопросов цифровизации в праве если не отрицают ее, то во всяком случае говорят о ней с большим скепсисом. И, возможно, они правы? Аргументируя свои мысли, они предлагают цифровизацию права «рассматривать лишь как один из дополнительных способов оптимизации правового регулирования при помощи цифровых технологий и не проявлять в ее отношении неоправданный фетишизм» [18, С. 115].

Следует также отметить, что научно-технический прогресс кроме благ несет и негативные последствия, «мировая история еще не знала подобной эпохи – времени как великих возможностей, так и потенциальных опасностей» [21, С. 9], в частности, появляются новые виды преступлений, преступниками используются современнейшие технические средства и технологии, приспособленные для достижения преступных целей [9, С. 4].

Все это только подтверждает необходимость внедрения цифровых технологий в правовую сферу и, в частности, в процесс расследования преступлений.

Е.Р. Россинская совершенно справедливо отмечает, что цифровизация «затронула проблемы использования специальных знаний при собирании и исследовании доказательств по уголовным, гражданским и административным делам и особенно судебную экспертную деятельность» [15, С. 88].

Судебная экспертиза как процессуальное действие играет важную роль в установлении истины в ходе предварительного расследования и в ходе судебного следствия.

Рассмотрим это на примере расследования дорожно-транспортных происшествий.

Расширение количества и сфер применения транспортных средств не случайно называют «войной на колесах», все это повышает вероятность увеличения материальных потерь, травматизма и смертности на дорогах страны. Ежедневно в дорожно-транспортных происшествиях погибает более 3 тысяч человек [5, С. 6].

С учетом того, что количество транспортных средств в мире и сфера их применения с каждым годом увеличивается, это неизбежно приведет к увеличению количества дорожно-транспортных происшествий.

Дорожно-транспортные происшествия являются колоссальной проблемой, которая беспокоит людей всех стран мира. Плата очень дорогая и ничем не оправданная.

Дорожно-транспортные происшествия делятся на следующие виды: столкновение; опрокидывание; наезд на стоящее транспортное средство; наезд на препятствие; наезд на пешехода; наезд на велосипедиста; наезд на гужевой транспорт; наезд на животных; падение пассажира; падение перевозимого груза.

При этом основными причинами дорожно-транспортных происшествий на автодорогах России являются несоблюдение водителями, пешеходами и пассажирами Правил дорожного движения, в частности:

- несоблюдение правил дорожного движения водителями (превышение скорости движения; нарушение правил обгона, маневрирования; управление транспортным средством в нетрезвом состоянии, несоблюдение безопасной дистанции; игнорирование требований технических средств организации дорожного движения (дорожных знаков, разметки и т.п.):

- несоблюдение правил дорожного движения пешеходами (переход проезжей части на запрещающий сигнал светофора, в неустановленном месте и т.п.);

- несоблюдение правил дорожного движения пассажирами;

- неправильный выбор водителями режимов движения, при которых становится невозможным управление транспортным средством, в результате чего возникают заносы, опрокидывание, столкновение и т.д.;

- снижение психофизиологических функций участников движения в результате переутомления, болезни, употребление алкоголя, наркотиков или под влиянием факторов, которые способствуют изменению нормального состояния (тяжелые семейные обстоятельства, проблемы на работе и т.п.);

- неудовлетворительное техническое состояние транспортных средств;

- неудовлетворительное обустройство и содержание дорог, их элементов или неудовлетворительные дорожные условия;

- неудовлетворительная организация дорожного движения.

Практика расследования дорожно-транспортных происшествий свидетельствует о том, что одним из основных доказательств по ним является заключение эксперта, выполненное на основании проведения судебной автотехнической экспертизы. Это обстоятельство, а также повышение требований к качеству расследования по данным делам обусловили рост потребности в проведении экспертизы дорожно-транспортных происшествий, т.е. судебной автотехнической экспертизы.

Судебной автотехнической экспертизой является комплексное научно-техническое исследование всех аспектов происшествия, выполненное лицами, обладающими специальными знаниями в области судебной автотехники. Этими

же знаниями определяется сущность судебной автотехнической экспертизы, ее задачи и виды.

Для объективного установления всех причинно-следственных зависимостей возникновения дорожно-транспортного происшествия и действий его участников необходимо использование научно-технической информации из различных областей знаний, в том числе криминалистики, медицины, психофизиологии, конструкции, теории и расчета транспортных средств, технологии их изготовления, обслуживания и ремонта, проектирования, строительства и эксплуатации дорог, организации и безопасности дорожного движения и т.д., а также следовой информации, зафиксированной на месте происшествия. При этом в контексте указанного выше основным процессуальным способом преобразования любой информации, как научно-технической, так и следовой, в доказательства является проведение судебной автотехнической экспертизы. Отсутствие такой информации «во многих случаях затрудняет» или делает невозможным решение поставленных перед экспертом-автотехником вопросов [7, С. 68].

В настоящее время современные транспортные средства являются сложными техническими устройствами, снабженными электронными блоками управления, цифровыми устройствами наблюдения и т.д., которые позволяют установить разнообразные параметры движения транспортного средства, что в конечном итоге является очень важным для установления обстоятельств дорожно-транспортного происшествия.

Поэтому первоочередной задачей эксперта-автотехника является определение всех таких устройств, установленных на исследуемом транспортном средстве, способов их установки и подключения, каналов коммуникации и т.д. Доступ к информации, содержащейся в них, может осуществляться через стандартные мультимедийные интерфейсы или через служебные интерфейсы, но в любом случае только с помощью специализированного программного обеспечения.

Также представляет интерес исследование обстоятельств дорожно-транспортных происшествий с применением компьютерной диагностики, информации, сохранившейся в EDR «черном ящике» и электронных блоках управления транспортных средств. Определенный интерес представляет исследование видеозаписей с целью установления обстоятельств дорожно-транспортных происшествий.

Следует отметить, что традиционные подходы к составлению схем к протоколу осмотра места дорожно-транспортного происшествия имеют ряд недостатков, в частности: невысокая точность фиксирования различных расстояний, несоблюдения масштаба и даже пропорциональности размеров, возможность внесения дополнительных сведений и т. д. Это в дальнейшем может сказаться на качестве проведения судебных автотехнических экспертиз.

Следует также отметить, что качество судебной автотехнической экспертизы зависит от внедрения и использования современных автоматизированных технических средств на всех этапах расследования

дорожно-транспортного происшествия, начиная с осмотра места происшествия и заканчивая исследованием обстоятельств происшествия.

Возникает также необходимость разработки нового методического обеспечения для экспертов-автотехников, которые до настоящего времени «вынуждены использовать и давать ссылки на методики 80-90 гг. прошлого столетия», хотя за прошедшее время существенно изменилась и конструкция, и динамика транспортных средств [16, С. 257].

Все это еще раз доказывает необходимость разработки и внедрения новых экспертных технологий, т.е. «последовательно выполняемых действий, направленных на решение задач, поставленных перед экспертом, в ходе проводимого им исследования» [9, С. 9]. При этом следует согласиться с мнением некоторых ученых в части того, что внедрение цифровых технологий, разработанных на основе закономерностей, используемых в криминалистической и судебно-экспертной деятельности [11, С. 180-181], «будет куда более действенным, чем приспособление технологий из других сфер деятельности» [9, С. 32]. Хотя нельзя отрицать важность использования в судопроизводстве методик и технологий «адаптированных из естественно-технических наук» [1, С. 29].

Уже более трех десятков лет компьютерная техника находит широкое применение в выполнении судебных экспертиз, проводимых при расследовании различных преступлений, в том числе и преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Это позволяет выделить три основных пути непосредственного применения компьютеров в судебной экспертизе: математизация отдельных звеньев экспертного исследования; полная автоматизация исследования вещественных доказательств; создание диалоговых систем. В судебной автотехнической экспертизе появились компьютеризированные методики моделирования и анализа механизма ДТП, установления места столкновения автомобилей, оценки дорожных ситуаций и т.д.

Внедрение цифровых технологий в судебную автотехническую экспертизу позволяет развивать применение автоматизированных цифровых систем измерения и расчета на всех этапах исследования обстоятельств дорожно-транспортных происшествий.

Именно поэтому одним из перспективных направлений усовершенствования проведения судебных автотехнических экспертиз является внедрение цифровых технологий. Цель его состоит в автоматизации экспертных исследований, то есть выполнение их на определенных этапах без участия экспертов. Значение автоматизации экспертных исследований определяется тем, что на ее основе обеспечивается стабильное и высокое качество судебных автотехнических экспертиз, повышается производительность труда экспертов, существенно сокращаются сроки выполнения судебных экспертиз.

Таким образом, внедрение современных цифровых технологий в судебную автотехническую экспертизу «позволяет в значительной мере автоматизировать рутинные операции при производстве экспертиз, повысить точность и оперативность сложных и громоздких расчетов», а также научную обоснованность «получаемых данных» [2, С. 8].

Цифровые технологии, проникая все больше в деятельность судебного эксперта-автотехника, «позволяют развивать научно-техническую базу исследования. Увеличение объемов используемой информации и расширение круга решаемых экспертных задач на фоне устойчивого роста числа проводимых исследований детерминируют потребность широкого проникновения таких технологий в экспертную практику» [11, С. 180].

В последние десятилетия начали появляться новые монографии, научно-методические и диссертационные работы, посвященные проблемам развития автотехнической экспертизы ДТП [6; 12; 17]. Актуальными являются работы, посвященные внедрению в экспертную практику современных цифровых средств исследования аварийных ситуаций и специальных программных продуктов [22; 23]. Отдельным перспективным направлением является использование информации по электронным систем управления, безопасности и комфорта транспортного средства для установления обстоятельств дорожно-транспортного происшествия. Автоматизированные системы регистрации параметров движения обеспечивают высокую достоверность исходных данных для установления обстоятельств дорожно-транспортного происшествия.

Благодаря внедрению цифровых технологий, в судебной автотехнической экспертизе произошли существенные трансформации, появились новые объекты экспертного исследования [4], в частности «на смену традиционным аналоговым способам отображения пришли их электронные аналоги в цифровом виде» [13, С. 167]. Криминалистически значимая информация запечатлевается в компьютерных средствах и системах в неявном виде, и для обеспечения возможности ее восприятия необходимо использовать специальные IT-технологии.

Вместе с тем, нельзя обойти стороной и проблемы, которые возникают с появлением новых технологий в судебной автотехнической экспертизе.

К таким проблемам можно отнести следующие:

- процессуально не определен статус цифровых следов или цифровой информации;
- на практике часто возникают трудности в использовании видеозаписи в суде в качестве доказательства [19, С. 121];
- существует ряд проблем и в вопросах, касающихся доступа к видеозаписям с камер видеонаблюдения [3, С. 31];
- возможность внесения изменений цифровой информации, в частности видеозаписи, ее монтажа, при помощи компьютера можно изменить видеозапись, найдя для этого нужную программу в сети «Интернет» (например, Windows Movie Maker – программа для видеомонтажа; Virtual Dub – программа для редактирования видео) [3, С. 31];

– необходимость назначения компьютерно-технической экспертизы для определения вмешательства и изменения цифровой информации;

– высокое развитие IT-технологий на современном этапе, обостряет вопросы обеспечения информационной безопасности общества и государства [14, С. 14];

– у экспертов-автотехников государственных судебно-экспертных учреждений нет методик для проведения экспертиз видеозаписей и фотоизображений;

– исследование мультимедийных файлов не входит в программы подготовки судебных экспертов-автотехников государственных судебно-экспертных учреждений;

– в связи с указанным для исследования видеозаписей и фотоизображений возникает необходимость в назначении криминалистической экспертизы видео- и звукозаписей [8, С. 68].

Выход из сложившегося положения видится в следующем:

1. Внесение в уголовно-процессуальное законодательство изменений, позволяющих определить процессуальный статус цифровых следов или цифровой информации.

2. Разработка и внедрение в экспертную практику методик проведения видеозаписей.

3. Более широкое использование в экспертной практике новейших достижений науки и техники в области цифровых технологий.

4. Внедрение в экспертную практику новых экспертных специальностей, необходимых для исследования различной цифровой информации.

Выводы. Значительные изменения в российской правовой системе обусловлены формированием цифровой реальности, которая является определяющим фактором развития современного общества, что влияет на механизм правового регулирования и деятельность различных правовых институтов, в том числе и на институт использования специальных знаний в процессе расследования дорожно-транспортных происшествий. Цифровая реальность выдвигает новые требования, как к науке, так и к практике проведения судебных автотехнических экспертиз, что обусловлено совершенствованием и внедрением новых методик их проведения на основе современных цифровых технологий.

В целом цифровизация реальной правовой действительности способствует формированию новых цивилизационных явлений и процессов, возникновению нового правопонимания, мировоззрения и правовой культуры.

Список литературы

1. Аубакирова А.А. Инновационные технологии в криминалистике / А.А. Аубакирова // Материалы международной научно-практической конференции. Караганда: Карагандинская академия МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. – 2021. – С. 27-29.

2. Бурцева Е.В. Современные возможности компьютерных технологий в судебно-экспертной деятельности / Е.В. Бурцева, А.В. Селезнёв // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2012. Специальный выпуск (38). – С. 7-11.
3. Грибунов О.П. К вопросу использования средств видеозаписи в расследовании дорожно-транспортных происшествий / О.П. Грибунов, А.П. Коновалов // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2018. – № 3. – С. 29-32.
4. Григорян В.Г. Новые объекты исследования судебных автотехнических экспертиз / В.Г. Григорян // Теория и практика судебной экспертизы. – 2019. – Том 14. – № 2. – С. 84-91.
5. Дорожно-транспортный травматизм и неотложная медицинская помощь на автомобильном транспорте. Учебное пособие. С.В. Нотова, Н.В. Малышева, М.М. Исхаков и др. – Оренбург : ГОУ ОГУ, 2009. – 194 с.
6. Евтюков С.С. Оценка скорости транспортных средств при проведении дорожно-транспортных экспертиз: дис. ... канд. тех. наук: спец. 05.22.10 «Эксплуатация автомобильного транспорта» / С.С. Евтюков. – Санкт-Петербург, 2014. – 173 с.
7. Жаворонков В.А. Цифровые технологии: новые подходы к информационному обеспечению судебной экспертизы маркировочных обозначений транспортных средств / В.А. Жаворонков // Транспортное право и безопасность. – 2021. – № 1 (37). – С. 66-81.
8. Жарких С.С. Возможности комплексных исследований экспертизы видеозаписи и автотехнической экспертизы / С.С. Жарких, А.А. Годлевский, С.А. Кривошеков // Теория и практика судебной экспертизы. – 2019. – Том 14. – № 2. – С. 67-83.
9. Жукова Н.А. Современные технологии в экспертной деятельности: учебное пособие / Н.А. Жукова, И.А. Ярошук, Е.А. Яковенко. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. – 52 с.
10. Ищенко П.П. О путях реформирования и цифровизации начального этапа предварительного расследования / П.П. Ищенко // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 8. – С. 89-99.
11. Камалова Г.Г. Цифровые технологии в судебной экспертизе: проблемы правового регулирования и организации применения / Г.Г. Камалова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2019. – Т. 29. – Вып. 2. – С. 180-186.
12. Ковригин В.А. Повышение безопасности автомобилей в условиях эксплуатации на основе анализа характеристик сцепления их шин со льдом: дис. ... канд. техн. наук: спец. 05.22.10 «Эксплуатация автомобильного транспорта» / В.А. Ковригин. – Омск, 2014. – 203 с.
13. Майлис Н.П. Использование информационных ресурсов при производстве судебных экспертиз / Н.П. Майлис // Вестник экономической безопасности. – 2021. – №3. – С. 166-169.

14. Медведев Р.Ф. Проблемы правового регулирования цифровизации в современных условиях / Р.Ф. Медведев // Законность. – 2018. – № 9 (1007). – С. 14-15.
15. Россинская Е.Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики / Е.Р. Россинская // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 4 (62). – Часть 1. – С. 88-101.
16. Сараев А.В. Методы исследования дорожно-транспортных происшествий с использованием современных автоматизированных средств / А.В. Сараев, С.В. Данец // Наука и техника. – 2019. – Т. 18. – № 3. – С. 256-264.
17. Теоретические основы решения практических задач автотехнической экспертизы. Ч. 1: Базовые основы теории автотехнических экспертиз: учебник / В.Ф. Гольчевский, Ф.М. Власов, А.А. Несмеянов, Н.К. Чепурных, Д.В. Седов, С.Н. Думнов. – Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД РФ, 2014. – 204 с.
18. Токов Е.Е. Вызов времени или конъюнктурный фейк? (несвоевременные мысли о цифровизации права) / Е.Е. Токов // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2019. – 1 № 3. – С. 113-121.
19. Уголовный процесс России: учебное пособие / Под редакцией З.Ф. Ковриги, Н.П. Кузнецова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2002. – 445 с.
20. Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса: монография / отв. ред. Д.С. Медовников. – Москва: НИУ ВШЭ, 2017. – 121 с.
21. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – Москва : Эксмо, 2016. – 138 с.
22. Cliff W.E., Moser A. Reconstruction of Twenty Staged Collisions with PC-Crash's Optimizer. SAE Paper. – № 2001-01-05-07.
23. CRASH-3 Technical manual. U.S. Department of Transportation. National Highway Traffic Safety Administration. National Center for Statistics and Analysis Accident Investigation Division. 1986.

УДК 343.375

А.В. Войтов, канд. юрид. наук, заместитель директора института магистратуры и подготовки кадров высшей квалификации, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: alexv7995vvv@yandex.com)

В.В. Седнев, д-р мед. наук, профессор кафедры криминалистики и уголовного процесса, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: wsednev63@mail.ru)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЭКСТРЕМИСТА

В статье рассмотрены проблемные вопросы, которые возникают при оценке криминологической характеристики личности экстремиста. Предложен авторский вариант типовой криминологической характеристики личности экстремиста.

Ключевые слова: криминологическая характеристика личности, преступление, экстремизм.

Voitov, A.V.,

Sednev, W.V.

DCRIMINOLOGICAL PORTRAIT OF AN EXTREMIST

The article examines problematic issues that arise when assessing the criminological characteristics of an extremist's personality. The author's version of a typical criminological characteristic of an extremist's personality is proposed.

Key words: criminological characteristics of personality, crime, extremism.

Актуальность темы исследования. Личность правонарушителя – это облигатный элемент предмета многих правовых дисциплин. Криминологическое изучение личности преступника, осуществляется для «выявления и оценки тех её свойств и черт, которые порождают преступное поведение, в целях его профилактики» [10, С.47]. Значимость исследования криминологической характеристики экстремиста заключается в том, что через представление о его личности правоохранительные органы выясняют взаимодействие причин и условий, приводящих к совершению преступлений для последующего принятия мер по предупреждению их отрицательного воздействия. Знание таковых особенностей позволяет выстраивать как тактику и стратегию расследования, так и исчерпывающие профилактические мероприятия.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретическую базу исследования составили научные труды А.В. Петрянина, И.А. Коннова, С.А. Воронцова, А.В. Бриллиантова, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевалкова, С.В. Борисова, Р.М. Узденова, Ю.С. Варанкина, В.Д. Ларичева, А.С. Скудина и других. Однако в работах указанных авторов рассматривались отдельные параметры личности экстремиста, а комплексное исследование не проводилось.

Цель статьи – сформировать типовой криминологический портрет экстремиста.

Для достижения поставленной цели в процессе исследования были использованы методы диалектического, исторического, сравнительно-правового, формально-логического подходов к объекту познания. Применение этих методов обеспечило основу для теоретических и прикладных выводов.

Изложение основного материала. Экстремизм проявляется в вовлеченности в националистические, неофашистские идеологии, радикальные религиозные доктрины, в деятельность радикальных движений и групп и совершение противоправных действий в связи со своими убеждениями.

Для формирования криминологического портрета целесообразно первоначально рассмотреть мотивацию экстремистской и террористической деятельности. Ещё в середине 60-х гг. Г.М. Миньковским выявлена общая закономерность: максимальное количество криминальных посягательств совершается контингентом подростков, которые не заняты ни учебной, ни трудовой деятельностью. В тот период времени их доля в числе преступников в 15-20 раз превышала соответствующую долю в контрольных возрастных группах [14, С.18, 23].

Позже, в начале 80-х годов XX века, продолжая исследования данной проблематики в рамках криминологической профилактики, Г.Э. Брускин и Г.М. Миньковский установили, что противоправные действия несовершеннолетних зачастую бывают спровоцированы взрослыми [2, С.64-65], способствующими более активным действиям несовершеннолетних.

Эта же тенденция сохраняется до настоящего времени. Н.В. Валуйков констатирует, что «наиболее криминальной категорией являются не учащиеся и неработающие подростки, с низким уровнем образования, культуры и правосознания, избытком свободного времени и отсутствием социально-значимых интересов» [3, С. 151].

Как правило, совершению преступления экстремистской направленности предшествовала длительная антиобщественная [7, С. 58, 114, 164] или противоправная деятельность, нередко с употреблением каких-либо опьяняющих либо одурманивающих веществ. Согласно исследованиям Игнатенко В.И., помимо незанятости у данной категории граждан, фиксируется устойчивый рост употребления алкогольных напитков, наркотиков, токсических веществ и одновременное снижение возраста приобщающейся к ним молодёжи [8, С. 71, 187].

Негативное отношение к представителям той или иной национальной, расовой, религиозной или социальной группы, сформировавшееся под воздействием пропаганды, а также на основании собственного жизненного опыта, под влиянием определённых факторов (избытка свободного времени и его неорганизованности, отсутствия возможности или желания продолжать образование [21, С.14]) и как следствие, трудоустроиться, несформированности или ограниченности интересов [9, С. 58, 98]) способствует к участию в экстремистской деятельности.

И.А. Милюкова, в начале нулевых годов XXI в., в ходе социологических исследований, зафиксировала рост социальной нетерпимости,

националистических и экстремистских настроений среди учащейся молодёжи Карелии (эта республика традиционно рассматривалась как регион с высокой степенью толерантности). Более двух третей опрошенных молодых людей поддерживали требование к властям Карелии ограничить разрешение на въезд в республику «лицам кавказской национальности» [13, С. 69]. При изучении студенческой молодёжи, согласно данным А.С. Зайналабидова и В.В. Черноуса, 31,8% опрошенных были свидетелями унижений и оскорблений лиц в связи с их национальной или расовой принадлежностью, 5,4% – являются пострадавшими [19, С. 79].

Если обратиться к гендерной типологии состава участников экстремистской деятельности, то в основном это лица мужского пола. Так, Д.И. Аминов и Р.Э. Оганян отметили, что лица мужского пола наиболее склонны к совершению актов уголовно наказуемого экстремизма в возрасте от 16 до 18 лет, а девушки включаются в экстремистскую деятельность в возрасте от 18 до 25 лет [1, С. 62]. Аналогичные данные были получены А.А. Мейтиным при изучении личности агрессивного футбольного болельщика [12, С. 14.] и А.И. Русаковым относительно личностей, совершивших акты вандализма [20, С. 20, 23].

Действительно, как показали исследования, в отношении протестующих на «Майдане» в 2014 году [16, С. 53-80.] наблюдалось значительное число молодёжи, с преобладанием лиц мужского пола, которые под воздействием ораторов Майдана, а также средств массовой информации осуществляли противоправные, подпадающие под состав преступления экстремизма действия и, тем самым, разжигали недовольство в обществе [26].

Кроме указанного, все более значимое влияние оказывает религиозный аспект. Представляется, что на индивидуальном уровне вступление в религиозную организацию (с радикальной направленностью) является следствием социально-психологической дезадаптации человека, которая представляет собой «постоянный процесс активного приспособления индивида к условиям социальной среды» [17]. Согласно концепции социально-психологической адаптации А.Г. Амбрумовой, существует четыре основных направления человеческой деятельности, по которым осуществляется адаптация, а именно: познавательное, преобразовательное, ценностно-ориентационное и коммуникативное. При дезадаптации первыми нарушаются ценностно-ориентационная и коммуникативная деятельность [4]. Именно поэтому, как показывает объёмный эмпирический материал, накопленный исследователями [5], потенциальными адептами тоталитарных сект являются прежде всего те люди, которые ищут работу, испытывают беспокойство по поводу своего будущего, недавно уехали из дома, пережили какую-либо личную трагедию (смерть близких, развод, несчастную любовь, потерю работы, тяжёлую болезнь), часто меняют место жительства, – т.е. в той или иной степени дезадаптированы.

Изучив мотивацию вступления человека в террористическую организацию А.Ш. Тхостов и К.Г. Сурнов (2007) полагают, что бедность,

малообразованность, безработица, отсутствие жизненных перспектив и др. являются не психологическими, а, скорее, социально-психологическими факторами. Перечисленные факторы психологизируются в той мере, в которой опосредуют другие актуализированные потребности (самореализация, самоуважение, стремление к власти и т. д.). Террористическая деятельность как психологическая технология позволяет найти особый «обходной» путь: человек не становится богаче, образованнее, не находит себе достойную работу, но получает власть над более богатыми, образованными и успешными людьми чем он. Его актуализированные потребности реализуются в особенном – «смещёном», символическом виде [24].

Коллектив авторов под руководством Ю.М. Антоняна (2010) выделил отличительные особенности экстремизма как деятельности [27, С. 145.]:

- мотивация, толкающая на ее выполнение, находится в области идеологии;
- в качестве основного средства достижения и ближней, и конечной цели выступает насилие;
- ближней целью действий, совершаемых в рамках этой деятельности, является устрашение;
- конечным, или «идеальным», результатом этой деятельности представляется практически полная унифицированность человеческого сообщества в области морально-ценностных ориентаций;
- эта деятельность носит группоцентрический характер.

Рассмотрев данные о мотивации экстремистской деятельности, перейдём к характеристике личности экстремиста. М.Ф. Мусаелян (2010), констатируя у экстремистских личностей слепую веру в правоту своей идеологии; готовность к самопожертвованию; склонность к суицидальному поведению и нанесению физического вреда самому себе; фанатизм и стремление к самоутверждению и завоеванию авторитета; нетерпимость к любому инакомыслию, чужой культуре, верованиям и взглядам; склонность к конфликту как универсальному средству разрешения противоречий, так описывает личностные черты экстремиста: «агрессивность; жестокость; хладнокровие; мстительность; дерзость; садизм; расчётливость; замкнутость; повышенная импульсивность поведения; исключительный цинизм, эгоизм и максимализм; страх; озлобленность; неуравновешенность; низкая мотивация к достижениям; снижение оптимизма в отношении к жизни как высшей ценности человека» [15].

Коллективом автором описаны психологические качества экстремиста [27, С.146.]: яркая приверженность какой-либо идеологии вплоть до фанатизма (национального, религиозного, политического); групповой (национальный, религиозный) нарциссизм – чувство превосходства собственной группы (национальной, религиозной, политической) и её системы ценностей; групповая идентичность, преобладающая над самоидентичностью (представление о себе в первую очередь базируется не на каких-то своих личностных особенностях, а определяется принадлежностью к какой-либо группе); жестокость и отсутствие

сочувствия по отношению к жертвам; высокий уровень агрессии, при этом характер её – ненаправленный либо переадресованный (агрессия направлена не на конкретных лиц, а на некий присущий им признак (национальность), либо на случайных людей, либо применяется для привлечения внимания третьих лиц).

А.В. Петрянин (2015) считает, что «невозможно определить исчерпывающий перечень признаков, характеризующих личность экстремиста, учитывая неопределенность содержания самого изучаемого явления как в науке, так и на нормативном уровне, а также выделение принципиально отличающихся друг от друга видов экстремизма» [18, С. 349.] и предлагает описывать отдельные составляющие, к которым относит: социально-демографические; уголовно-правовые; характер различных сфер жизнедеятельности и социальных связей; нравственно-психологические признаки; физико-биологические характеристики.

О.В. Федотенкова (2017) считает одной из существенных черт личности экстремиста правовой нигилизм [25, С. 18], указывая, что он имманентно присущ российской истории и является общим феноменом мировоззрения, в силу чего «справедливость не связывалась с законностью, а подменялась внутренней убежденностью в правоте» [25, С. 16.].

П.Е. Сулонов (2010) указывает, что экстремист, являясь по своей природе фанатиком, находится во власти сверхценных и сверхзначимых для него идей, которые придают его жизни смысл, и он готов жертвовать во имя этих идей собственной жизнью и жизнями других [23].

С.Н. Ениколопов считает, что несмотря на присутствие некоторых общих психологических характеристик, мы не можем выделить единый личностный террористический комплекс. Но при этом автор выделяет психологические типы, которые относительно часто можно встретить среди экстремистов:

– для представителей первого типа характерны высокий уровень интеллекта, завышенный уровень самооценки и амбиций, стремление к достижению своих целей любым способом;

– у представителей второго типа низкий уровень самооценки, низкий уровень притязаний, по сути, это «неудачники со слабым „Я“».

Для обоих типов характерны высокий уровень агрессии, низкий порог возникновения агрессивных действий, стремление к самоутверждению, низкая толерантность, невнимательность к чувствам и потребностям других людей, фанатизм. Источник своих личных проблем они видят вовне, в сложившейся внешней ситуации и окружающем их социуме [6].

М.И. Марьин и Ю.Г. Касперович (2007) выделяют несколько психологических моделей личности террориста [11]:

1. Психопат-фанатик. Руководствуется своими убеждениями его действия, независимо от их конкретных результатов, полезны для общества. Это человек, у которого сфера сознания крайне сужена, способен совершить все, что угодно.

2. Фрустрированный человек (выделение базируется на бихевиористской теории фрустрации-агрессивности). Чувство фрустрации, вызванное невозможностью для человека по каким-то причинам достичь жизненно важных для него целей, неизбежно порождает у него тенденцию к агрессивным действиям. Сознание в этом случае может сыграть роль инструмента в рационализации этих действий, то есть в подборе тех или иных поводов для их оправдания.

3. Человек из ущербной семьи. Жестокое обращение родителей с ребёнком, его социальная изоляция, дефицит добрых отношений могут привести к формированию озлобленной личности с антисоциальными наклонностями.

При определённых условиях люди такого психологического склада легко могут стать инструментами террористической организации.

Выводы. Подводя итог исследованию, можно заключить, что чрезвычайная бедность, ощущение отсутствия каких-либо жизненных перспектив, разрушение светской системы социализации человека, отсутствие условий для правовой защиты своих интересов, возвращение традиционных обычаев в их жестокой и извращённой форме – все это создаёт питательную среду для вовлечения незанятой части населения, а в особенности молодёжи, в экстремистскую деятельность. Необходимо отметить, что молодёжь представляют собой наиболее уязвимую с точки зрения распространения экстремизма среду в силу своих возрастных особенностей. Также экстремистскому «влиянию» наиболее подвержена та часть населения, которая является временно не занятой (в том числе учёбой или работой) или располагает свободным времяпровождением, не связанным со временем нахождения в отпуске, отдыха, уходом за кем-либо или нахождением на пенсионном обеспечении.

Указанное позволило нам выделить некие общие черты и свойства «экстремиста» вне зависимости от содержания идеологии, им разделяемой [22].

Воспользуемся схемой, предложенной А.В. Петряниным (2015) [18, С. 349.] и, на основе приведённых выше данных, опишем обобщённые типовые характеристики личности экстремиста:

А. Социально-демографические:

– организаторы – возраст от 35 лет и старше; чаще лица мужского пола; нередко имеют высшее образование и часто являются (кроме других занятий) редакторами ксенофобских изданий либо в иной форме осуществляют издание подобных материалов;

– исполнители – возраст до 30 лет, хотя отмечаются и представители средней и старшей возрастной группы (в т.ч. пенсионного возраста); чаще лица мужского пола (более 4/5 от общего числа, более 95% от числа осуждённых за экстремизм), однако отмечается существенная роль лиц женского пола, принимающих участие в подготовке и непосредственном совершении экстремистских акций, при этом участие лиц женского пола в большей степени характерно в составе группы лиц, чаще – в сочетании с соучастниками-

мужчинами, с которыми (помимо собственно преступного сговора) их связывают какие-либо социально-значимые отношения; около ½ имеют законченное среднее образование; более половины не работают, в т.ч. учащиеся и студенты;

Б. Уголовно-правовые:

– стремление использовать для достижения субъективно-значимых целей избавления от «чужеродных элементов» общества любые насильственные методы, запрещённые действующим уголовным законодательством (захват заложников, похищение людей, пиратство, терроризм, вооружённый мятеж, насильственный захват или насильственное удержание власти, военная агрессия, геноцид и т.п.); более чем в 4/5 случаев в момент совершения находились в состоянии опьянения; в большинстве случаев (более 2/3 случаев) ранее не привлекались к уголовной ответственности, хотя ранее совершали преступления, в том числе и экстремистского характера почти все (96%); только примерно каждый 10-й признает себя экстремистом, а 9/10 не признают себя экстремистами и настаивают на правоте своих убеждений и действий; 3/4 не раскаиваются в содеянном и высказывают желание и готовность повторного совершения правонарушений;

В. Характер различных сфер жизнедеятельности и социальных связей:

– родительские семейные – негативный семейный микроклимат родительской семьи у почти половины, с формальными конфликтными и часто безысходными отношениями; почти у 2/3 неудовлетворительное экономическое положение семьи; 4/5 воспитывались в неполных семьях;

– брачные – ¾ не состоят в браке либо в длительных фактических брачных отношениях без официальной регистрации (более 90% среди осуждённых за преступления экстремистского характера); испытывают трудности в формировании семейных отношений;

– экономические – более половины не имели постоянного дохода, только каждый 16-й имеет постоянную (6 мес. и более) работу; почти все (около 95%) занимаются низкоквалифицированным и малооплачиваемым трудом;

– дружеские – неумение формировать прочные эмоционально-окрашенные связи, поддерживать близкие духовные отношения;

– социально-культурные – низкий культурный уровень;

Г. Нравственно-психологические признаки:

– нравственные: мессианство, как проявление веры в свою особую роль в судьбах людей, стремление к самоутверждению в этой особой роли и нетерпимость к посягательству на авторитет, эгоцентризм; максимализм суждений, склонность образовывать сверхценные идеи правдоискательства, спасения, ликвидации инакомыслящих (инаковыглядающих, инаковерующих и т.п.), максимализм поступков, прежде всего проявляющийся в готовности жертвовать другими (иногда и собой) для достижения субъективно значимой цели, нетерпимость к чужой культуре, взглядам и верованиям; правовой

нигилизм как неприятие законов общества и признание первичными собственных правил поведения, как отражение мессианства;

– психологические: агрессивность; жестокость; хладнокровие; мстительность; дерзость; садизм; расчётливость; замкнутость; повышенная импульсивность поведения; исключительный цинизм, эгоизм; страх; озлобленность; неуравновешенность; низкая мотивация к достижениям; неудовлетворённость своей жизнью, ощущение её тупиковости; неумение разрешать свои проблемы и склонность видеть причины своих неудач в представителях других культур.

Для руководителей также характерны: высокие организаторские, лидерские способности; расчётливость; циничность; высокое самолюбие;

– мотивация совершения преступлений по созданию и руководству экстремистскими образованиями либо участием в нем (в порядке убывания частоты): религиозная ненависть и вражда; национальная ненависть и вражда; расовая ненависть и вражда; политическая ненависть и вражда; сочетание различных мотивов (смешанные мотивы);

Д. Физико-биологические характеристики:

– значимых корреляций не описано.

В дальнейшем мы продолжим исследование криминологического портрета экстремиста, с учётом проведения Специальной военной операции (СВО).

Список литературы

1. Аминов Д.И. Молодежный экстремизм / Д.И. Аминов. Р.Э. Оганян; под науч. ред. Р.А. Адельханяна. – Москва : Триада ЛТД, 2005. – 194 с.
2. Брускин Г.Э. Общая характеристика вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность и иное антиобщественное поведение / Г.Э. Брускин, Г.М. Миньковский // Проблемы борьбы с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественное поведение. М.: Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1981. – 108 с. – С. 64-65.
3. Валуйсков Н.В. Правовые проблемы предупреждения ювенальной преступности: Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. – 178 с. – С. 151.
4. Волчанская В.О. Социально-психологическая адаптация в отечественной и зарубежной психологии / В.О. Волчанская // Человеческий капитал, 2019. № 12 (132). – С. 108-114.
5. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты: опыт систематического исследования. 3-е изд., доп. и перераб. Нижний Новгород : Христианская б-ка, 2008. – 813 с.
6. Ениколопов С.Н. Терроризм и агрессивное поведение / Ениколопов С.Н. // Национальный психологический журнал. – 2006. – С. 28-32.
7. Зиядова Д.З. Преступность среди учащихся общеобразовательных школ и проблемы ее предупреждения / Д.З. Зиядова. – Махачкала, 2004. – 360 с.

8. Игнатенко В.И. Предупреждение антиобщественного образа жизни и рецидива преступлений несовершеннолетних / В.И. Игнатенко. – Рязань, 2004. – 248 с.
9. Лихачев В. Нацизм в России / В. Лихачев. – Москва : Центр «Панорама», 2002. – 176 с.
10. Личность преступника / Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. – Москва, 2004. – 364 с.
11. Марьин И.И. Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности: учеб. пособие / И.И. Марьин, Ю.Г. Касперович. – М.: Академия, 2007. – 208 с.
12. Мейтин А.А. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых футбольными болельщиками и их предупреждение: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. – 23с.
13. Милюкова И.А. «Повседневный расизм» и этническая толерантность молодёжи Республики Карелия: к постановке проблемы // Актуальные вопросы исследования профилактики экстремизма: Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. А.А. Козлова. – СПб., 2004. – 253с.
14. Миньковский Г.М. Влияние недостатков в организации учебно-воспитательной работы в общеобразовательных школах, профтехучилищах, в производственном обучении на поведение несовершеннолетних: Избранные труды. В 3 т. Т. 1. М.: Акад. управ. МВД России, 2004. – 296 с.
15. Мусаелян М.Ф. О личности экстремиста / М.Ф. Мусаелян // Военно-юридический журнал. – 2010. – № 2. – С. 22–23.
16. На пути к новой государственности: экономические и социально-правовые трансформации: Коллективная монография / В.В. Седнев, Е.В. Котов, А.В. Войтов и др.; под общ. ред. Л.Б. Костровец, Л.Г. Бордюгова. – Донецк: Издательство ООО «НПП «Фолиант», 2019. – 333с.
17. Оганесян С. С. Религиозный экстремизм современной молодёжи. Проблемы и основные направления профилактики // Обзор.НЦПТИ, 2018. – С. 40-52.
18. Петрянин А.В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование. Дисс. уч. ст. доктор юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. – 490с.
19. Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодежи Дона / Под ред. А.С. Зайналабидова и В.В. Черноуса. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. – 231с.
20. Русаков А.П. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с вандализмом: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. – 28с.
21. Севастьянова И.В. Девиантное поведение несовершеннолетних: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. – 26с.
22. Седнев В.В. Экстремизм: основные характеристики (научно-практическое пособие) / В.В. Седнев, А.В. Войтов, Л.Г. Бордюгов; под ред. д.ю.н., проф. А.М. Моисеева. – Донецк : ООО «НПП Фолиант», 2022. – 232 с.

23. Суслонов П.Е. Политический экстремизм: опыт теоретического исследования: монография / П.Е. Суслонов. – Екатеринбург: Урал. юр. ин-т МВД России, 2010. – 109 с.
24. Тхостов А.Ш. Мотивация террориста / А.Ш.Тхостов, К.Г. Сурнов // Национальный психологический журнал, 2007. – №1(2). – С.27-32.
25. Федотенкова О.В. Нигилизм в современном российском обществе: социально-философский анализ: Автореф. дис. ... к.филос.н. Ставрополь, 2017. – 22с.
26. Хроника студенческого Евромайда. Основной движущей силой протестов осени-2013 стало именно молодое поколение. // LB.UA. – URL: https://lb.ua/news/2013/11/26/242839_hronika_studencheskogo_evromaydana.html. – (дата обращения: 08.09.2023).
27. Экстремизм и его причины / под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: Логос, 2010. – 288 с.

УДК 342.9

**В.И. Голобородько, ст. преподаватель, Донецкий филиал
Волгоградской академии МВД Российской Федерации (г. Донецк)**
(e-mail: goloborodko-1960@mail.ru)

РОЛЬ И МЕСТО МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Статья посвящена анализу роли и места мер административного принуждения в деятельности полиции. По мнению автора, административная деятельность полиции имеет четко выраженный государственно-властный, авторитарный характер, осуществляется в официальном порядке от имени государства, делегирующего ему право на применение специфических мер административного воздействия, которые, как правило, не используются другими органами исполнительной власти. Меры административного принуждения, применяемые полицией, подразделяются на административно-предупредительные меры, меры административного пресечения и меры административного наказания.

Ключевые слова: административное принуждение, административная деятельность полиции, административно-профилактические меры, меры административного пресечения, меры административного наказания.

Goloborodko, V.I.

ROLE AND PLACE OF ADMINISTRATIVE COERCIVE MEASURES IN POLICE ACTIVITIES

The article is devoted to the analysis of the role and place of administrative coercion measures in police activities. According to the author, the administrative activities of the police have a clearly defined state-powerful, authoritarian character, carried out officially on behalf of the state, delegating to it the right to apply specific administrative measures, which, as a rule, are not used by other executive

authorities. Administrative coercive measures used by the police are divided into administrative preventive measures, administrative measures of restraint and administrative penalties.

Key words: *administrative coercion, administrative activities of the police, administrative and preventive measures, measure of administrative restraint, measures of administrative punishment.*

Актуальность темы исследования. В современном механизме государственного регулирования общественных отношений все более значимую роль приобретают меры административного принуждения, которые наряду с мерами убеждения позволяют эффективно решать задачи построения правового государства, и занимают особое место в правоохранительной деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации. Кроме того, меры административного пресечения на сегодня – наиболее часто применяемые способы воздействия на субъекты административных отношений, их разнообразие и неправильное толкование законов в процессе их применения порождает большое количество противоречий и проблем.

Анализ научных исследований. Вопросы роли и места мер административного принуждения исследовались в трудах российских ученых в области административного и полицейского права, а именно: Д.Н. Бахраха, И.А. Галагана, О.Н. Гапонова, В.А. Драгун, М.И. Еропкина, Т.Н. Зенковой, С.Н. Кушнаренко, К.А. Кареевой-Попелковской, И.А. Карпова, Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова, В.Д. Орлова, А.Ю. Соколова, В.А. Тюрина, С.Б. Щербакова и ряда других авторов.

Цель статьи состоит в исследовании роли и места мер административного принуждения в деятельности полиции.

Изложение основного материала. Выполнение органами внутренних дел задач по охране общественного порядка и общественной безопасности определяет особенности их административной деятельности, оказывает значительное влияние на характер отношений этих органов с гражданами. В деятельности органов внутренних дел большое место занимает применение мер административного принуждения.

Административное принуждение представляет собой одну из форм государственного принуждения. Единого понятия «принуждение» среди ученых-юристов до сих пор не существует. В литературе – общей юридической и отраслевой – стало нормой исследовать понятия и меры принуждения отдельно от права, рассматривать его вместе с понятием «убеждение» как один из методов государственного руководства обществом. Не прибегая к анализу различных мнений относительно понятия «принуждение», остановимся на том понятии, которое, на наш взгляд, является наиболее удачным.

Институт принуждения неотделим от права и представляет собой систему материально-правовых и процессуальных норм, регулирующих общественные отношения, связанные с применением уполномоченными на то органами и лицами принудительных мер физического, психического и иного

характера влияния на субъектов, которые обязаны их выполнять с целью наказания виновных за правонарушения, прекращения, запрещения противоправных действий, возобновления нарушенных отношений, а также в других, предусмотренных законом случаях [10, С.54].

Для действующей в РФ правовой системы характерны следующие основные виды государственного принуждения: а) меры пресечения; б) меры предупреждения; в) меры праввосстановления; г) юридическая ответственность [2].

Если исходить из точки зрения методов регулирования общественных отношений, то принуждение действительно носит второстепенный, вспомогательный характер.

Вспомогательный характер принуждения удачно подчеркивается в определении М.И. Еропкина и Л.Л. Попова: «Принуждение – это ограниченный потребностью метод воздействия... государства на сознание и поведение людей, совершивших антиобщественные поступки, имеющие целью исправление и перевоспитание правонарушителей, а также предупреждение новых правонарушений» [3, С.28]. Принуждение применяется, как правило, тогда, когда метод убеждения не дал желаемых последствий, или когда характер действия (бездействия) лица, которое его совершило, и созданная при этом ситуация дают основания применить принуждение.

Вспомогательный характер принуждения полностью сохраняет свое значение и тогда, когда мы говорим о такой форме государственного принуждения, как административное принуждение.

До принятия Основ законодательства Союза ССР об административных правонарушениях теоретиками административного права предлагались различные определения административного правонарушения. Отсутствие его законодательного понятия вызывало различное толкование, множественные споры и диспуты. После многочисленных полемик признание получила точка зрения таких ученых-административистов, как М.И. Еропкин, Л.Л. Попов, И.А. Галаган и др., считающих особенностью административного принуждения возможность его применения при отсутствии правонарушений (в отличие от Д.Н. Бахраха, который считает, что административное принуждение возможно только при наличии совершенного правонарушения) [1, С.16]. По их мнению, есть принудительные меры предупреждения, которые применяются тогда, когда еще нет нарушения нормы, но есть основания предположить, что таковое может быть. Они допускают применение какой-либо меры административного принуждения при отсутствии каких-либо правонарушений в целях предупредительного действия, но каждая из них должна быть предусмотрена законом, следовательно, всегда опираться на правовую основу. М.И. Еропкин правильно отметил, что административное принуждение применяется для «обеспечения общественной безопасности, когда наступление экстраординарных условий определяет необходимость применения принудительных мер и при отсутствии правонарушений» [4, С. 63].

До настоящего времени в РФ нет закрепленного законодательного определения понятия административного принуждения. Наиболее удачным, по нашему мнению, является определение М.И. Еропкина: «Административное принуждение – это применение органами государственного управления (судами, судьями), а в случае делегирования соответствующих государственных полномочий – общественными организациями установленных законом средств, заключающихся в принуждении к исполнению гражданами, должностными лицами юридических обязанностей с целью прекращения противоправных действий, привлечения к ответственности за административные проступки или обеспечение общественной безопасности [4, С. 67].

Таким образом, содержание административного принуждения заключается в причинении лицу морального, материального или физического ограничения, в том числе его личных и имущественных прав.

Перед работниками органов внутренних дел в первую очередь встает цель предупреждения правонарушений, недопущения нарушений общественного порядка. При наличии конкретных условий административное принуждение применяется работниками полиции к гражданам с целью предупреждения возможных правонарушений и возникновения угрожающих обществу последствий [8].

Поскольку не всегда удастся предупредить правонарушения, работники органов внутренних дел применяют меры административного принуждения с целью прекращения возникших противоправных действий [5]. В тех случаях, когда сразу за прекращением возникает потребность в дополнительных действиях в отношении правонарушителя, административное принуждение применяется с целью наказания лиц, совершивших административный проступок.

В отличие от других форм правового принуждения, административное принуждение характеризуется рядом особенностей. Наиболее полно, на наш взгляд, эти особенности выделяет Ю.М. Козлов [7]. Он считает, что для административного принуждения характерно:

1. Внесудебное применение предусмотренных законом или незаконными административно-правовыми нормами принудительных мер властью уполномоченного органа государственного управления (должностного лица).

2. Административное принуждение не сводится к каким-либо проявлениям принудительного характера, имеющим место в практике управления (сюда не входит дисциплинарное принуждение).

3. Применение принудительных мер властью органа управления (должностного лица) в отношении третьих лиц, то есть лиц, не состоящих с ними в государственно-служебных отношениях. Это главное в характеристике административного принуждения.

4. Применение только органами и должностными лицами, которые наделены полномочиями представителей исполнительной власти.

5. Применение уполномоченными органами государственного управления (должностными лицами) только при нарушении общеобязательных правил поведения в сфере государственного управления, то есть действующих вне ведомственных границ.

6. Выявление мер административного принуждения прежде всего как юридической ответственности, которую несут лица, совершившие правонарушения, перед государством, в лице действующих от его имени уполномоченных органов управления (должностных лиц).

7. Практическое использование административно-принудительных мер с целью предупреждения правонарушений, их пресечения, а также обеспечения общественной безопасности вне связи с правонарушениями.

8. Применение на строгих началах законности.

9. Применение более простых, чем при судебном принуждении, процессуальных форм.

Органы внутренних дел, являясь специальным правоохранительным органом государства, выполняя охрану общественного порядка, обладают более широкими полномочиями и, в частности, полномочиями по применению мер административного принуждения, по сравнению с другими органами государственного управления.

Особенностью применения органом внутренних дел административного принуждения является то, что указанные органы могут применять такие средства, к которым не могут прибегнуть другие государственные органы и, тем более – общественные организации. Полиция, например, может применять такие меры административного принуждения, как административное задержание, официальное предупреждение, административный надзор, различные меры сдерживания, а в особых случаях – оружие. При этом меры административного принуждения неотделимы от функциональных обязанностей работников полиции. Их отсутствие в распоряжении милиции сделало бы деятельность полиции по охране общественного порядка либо очень тяжелой, либо невозможной.

Особенность мер административного принуждения в деятельности органов внутренних дел состоит также и в том, что применение названных мер регламентируется специальными нормативными актами, преимущественно актами законодательных органов и органов исполнительной власти. Детальное регламентирование их применения получает свое отражение в служебных ведомственных актах, принимаемых Министерством внутренних дел.

Особенностью средств административного принуждения, применяемых органами внутренних дел, есть всемерное обеспечение потребности оперативности в их использовании [6]. Скорость, активность, смелость и решительность в органах внутренних дел часто играют решающую роль при обращении к мерам административного принуждения. Поэтому сотрудники органов внутренних дел в определенных пределах пользуются оперативной самостоятельностью, действуют по своему усмотрению при выборе одного из вариантов решения.

Одной из особенностей мер административного принуждения является то, что работники органов внутренних дел применяют эти меры в условиях гласности. О работе полиции широко информируется общественность через средства массовой информации – радио, телевидение, газеты, кино и т.д.

Гласность в деятельности органов внутренних дел по применению мер административного принуждения указывает на еще одну особенность. Это – предъявление к субъектам их применения особо высоких требований по обеспечению законности. Административное принуждение должно применяться только на основе закона и в рамках закона.

Важная черта административного принуждения состоит и в том, что применение этих мер не заканчивается сразу после целенаправленного действия принуждающего субъекта на объект этого давления как самоцель. В процессе такого целенаправленного деяния выявляются предпосылки совершения правонарушений, а также условия, способствовавшие их возникновению, осуществляется профилактическая работа органов внутренних дел, проводятся конкретные мероприятия в сфере публичного порядка.

Вместе с тем, административная деятельность органов внутренних дел не изолирована. Сплошь и рядом она осуществляется в сочетании с другими формами и методами деятельности – оперативно-розыскной, следственной, дознавательной и т.п. Однако закон не наделяет работников оперативных служб, следствия, дознания юрисдикционными полномочиями по применению мер административного принуждения. В этом их права очень скромны.

Иными словами, это – прерогатива милиции общественной безопасности, хотя в отдельных случаях административное принуждение, включая и меры административного взыскания, могут быть реализованы и другими службами органов внутренних дел. Наконец, особенность административного принуждения, применяемого работниками органов внутренних дел, заключается и в том, что его применение имеет целью поддержку многочисленного количества граждан, разнообразных форм самоуправления граждан.

Природа административного принуждения может быть достаточно полно установлена прежде всего через раскрытие общих черт и закономерностей этого универсального метода государственного управления и борьбы с правонарушениями. Без интегративного подхода к институту административного принуждения невозможно было бы построить целостную систему его типов и видов, как ее сборных подсистемных элементов.

Классификация мер административного принуждения позволяет выявить их типы и виды методом конкретного подхода. Такая классификация носит сугубо утилитарный характер. Она помогает органам правоприменения правильно квалифицировать конкретные отклонения от норм правопорядка, последовательно проводить требования принципов неуклонности и индивидуализации административных наказаний.

Наконец, классификация средств административного принуждения предоставляет широкие подходы к обширной теории, позволяет вести

теоретические исследования по самым разным научным проблемам административного права.

Что касается взглядов административистов на классификацию мер административного принуждения, то следует отметить, что единого мнения у них на это нет. В административно-правовой литературе до недавнего времени бытовало мнение о необходимости увеличения административно-принудительных мер, другие высказываются за увеличение средств административного обеспечения, социальной защиты, непосредственного воздействия [7, С.288-301]. Такое положение повлияло на более глубокое исследование только одной специфической группы, которую все ученые называют одинаково – административные взыскания. Ведь они отличаются от других мер воздействия, прежде всего, основой и целью их применения.

Д.Н. Бахрах наделяет все меры административного принуждения функциональными чертами, считая, что существуют три разновидности мер административного принуждения: административные взыскания; меры административного пресечения; меры восстановления [1]. Признавая правомерность мер административного взыскания и мер административного пресечения, вместе с тем, на наш взгляд, не следует признавать право на самостоятельное существование так называемых «мер восстановления», хотя автор и считает, что предложенная им классификация является основной. В ней отсутствует прежде фактически существующая группа так называемых «мер предупреждения», с помощью которых в административно-правовой практике достигается цель профилактики правонарушений. Выделение в самостоятельную группу «мер восстановления», на наш взгляд, недостаточно обосновано. Глубокий анализ системы принудительных мер административного воздействия, включаемых Д.Н. Бахрахом в эту группу, приводит к выводу, что они, в основном, механически перенесены из других отраслей права.

В этой связи следует особо отметить ту важную роль, которую сыграла в изучении проблемы принуждения классификация, предложенная М.И. Еропкиным. Исходя из способа обеспечения правопорядка, все административно-правовые меры принуждения он разделил на три группы: меры административного взыскания, меры пресечения и административно-предупредительные меры [4].

Главным критерием этой трехчленной классификации есть способ административно-правового обеспечения правопорядка. Этот главный критерий связан с такими второстепенными критериями, как правовое регулирование основ, условий и порядка применения конкретной меры административного принуждения, а также с правовыми последствиями, которые выступают в связи с их применением.

Поддерживая в принципе такую классификацию, следует отметить, что сначала следует рассматривать меры, связанные с профилактикой правонарушений, то есть, по нашему мнению, классификация должна начинаться с мер административного предупреждения и заканчиваться мерами

административного взыскания. Такой порядок рассмотрения отвечает общеизвестным принципам и установкам о важности профилактической деятельности и придании ей приоритетного значения.

С принятием в 1980 году Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях, заявку на самостоятельность тем самым подала еще одна группа мер административного принуждения. Их условно можно обозначить «мерами административно-процессуального обеспечения». В большинстве случаев они связаны с мерами административного взыскания, эти меры применяются и для обеспечения условий привлечения правонарушителей к административной ответственности, и для выполнения постановления о наложении наказания. Такой характер имеет, например, административное задержание, к которому прибегают в случаях необходимости составления протокола, изъятия имущества для установления состава административного правонарушения и привлечения к ответственности. При этом органы внутренних дел исполняют как свои постановления о наложении административных наказаний, так и постановления о наложении административных взысканий, вынесенные другими субъектами административной юрисдикции.

Конечно, выделение этих мер в обеспечительную группу имеет определенное значение. Вместе с тем здесь не учитывается их многозначный характер: наряду с целью обеспечения при их применении достигается одновременно и прекращение противоправного деяния. На наш взгляд, так называемые меры административно-процессуального обеспечения имеют вспомогательную функцию и, таким образом, «обслуживают» три вышеупомянутые группы мер административного принуждения.

Меры административного предупреждения. Главной особенностью этой разновидности мер административного принуждения является их четко выраженный профилактический характер. Применяются меры административного предупреждения при особых, чрезвычайных обстоятельствах, при отсутствии правонарушений. Реальных правонарушений при этом нет, но они могут появиться, если не будут применены средства административного предупреждения. Определенные ограничения прав граждан при применении административно-принудительных мер являются, как правило, вынужденными, продиктованными особыми условиями, связанными с необходимостью обеспечения общественной безопасности. Такие меры носят только обеспечительный характер. Они направлены на формирование необходимых условий для того, чтобы не допустить негативных событий (пожаров, аварий, несчастных случаев и т.п.). Именно поэтому, по нашему мнению, эту группу мер административного принуждения точнее было бы назвать мерами административного обеспечения.

Меры административного пресечения. В отличие от мер административного взыскания они не имеют элементов наказания. Главная цель мер административного прекращения – прекращение противоправного действия и устранение противоправной ситуации в рамках закона. Не менее

важной целью применения мер административного пресечения является обеспечение необходимых условий для возможного в будущем привлечения виновного к административной ответственности. К числу таких условий можно отнести, например, составление протокола о правонарушении и т.д. Меры административного пресечения – это наиболее распространенная разновидность административно-принудительных мер. Они применяются значительно большим количеством работников органов внутренних дел. Для применения конкретной меры административного прекращения не следует принимать специальный акт управления.

В практике работы органов государственного управления по применению норм права имеют место административно-финансовые, административно-санитарные, административно-технические, административно-торговые, административно-ветеринарные, административно-кредитные и другие меры административного пресечения. Характерной их чертой является то, что они неотложны. Такой характер их применения позволяет своевременно устранить противоправную ситуацию или поведение, а значит, сохранить соответствующие общественные отношения и предотвратить негативные последствия, которые могли бы быть, если бы правонарушение не было прекращено. «Реальные нарушения ставят под угрозу охраняемые объекты, наносят им вред. Интересы их защиты требуют неотложной помощи со стороны государства, оказывающего ее посредством прекращения действий, нарушающих правовые приказы» [9, С. 30].

Таким образом, административное прекращение характеризуется, прежде всего, устранением административных правонарушений. Следует согласиться с теми авторами [9, С. 31], которые допускают возможность применения мер административного пресечения при отсутствии виновного неправомерного действия. Так, например, может пресекаться в административном порядке общественная опасная деятельность душевнобольных.

Меры административного наказания. Их особенность заключается в следующем:

1. Среди всех других мер административного принуждения только меры административного наказания носят четко выраженный карающий характер.

2. Характерной особенностью административных наказаний является то, что воспитательный эффект от их применения достигается более простым и легким путем, чем в процессе применения иных мер административного принуждения. Высоко также и превентивное значение административного наказания. Угроза понести наказание в административном порядке сдерживает антиобщественные намерения правонарушителей.

3. Административные наказания имеют право применять не только органы государственного управления, но и другие субъекты правоприменения.

4. Во всех случаях административные наказания налагаются на основе принятого соответствующим субъектом административной юрисдикции специального административного акта управления – постановления.

5. Степень сложности процессуальных действий, сопровождающих применение административных наказаний, выше, чем при применении мер административного пресечения.

6. Одной из особенностей административных наказаний является то, что они, в отличие от других мер административного принуждения, являются средствами реализации института административной ответственности – обязанности гражданина или должностного лица отчитаться о своем неправомерном поведении в сфере государственного управления и понести наказание в виде административного взыскания, налагаемого уполномоченными государственными органами, а иногда – общественными организациями.

7. Важнейшей особенностью административных наказаний является то, что они применяются при наличии административных проступков, которых обычно не бывает при применении мер административного предупреждения, и которые не обязательно должны быть при применении мер административного пресечения.

Выводы. Одним из основных, важнейших направлений деятельности полиции является административная деятельность. Административная деятельность полиции имеет четко выраженный государственно-властный, авторитарный характер, осуществляется в официальном порядке от имени государства, делегирующего ему право на применение специфических мер административного воздействия, которые, как правило, не используются другими органами исполнительной власти.

Методы административной деятельности полиции достаточно многообразны. Самыми важными среди них являются убеждение и принуждение, которые признаются также универсальными и всеобъемлющими методами государственного управления в целом.

В законодательстве Российской Федерации отсутствует не только определение административного принуждения, в нормативных актах термин «административное принуждение» вообще не встречается, он используется только на доктринальном уровне.

Проблемы классификации административного принуждения до сих пор не получили однозначного разрешения в научных работах. Наиболее обоснованной, по мнению автора, является классификация мер административного принуждения в зависимости от цели их применения: а) для предотвращения различных антиобщественных проявлений, недопущения образования определенной противоправной ситуации; б) для прекращения начатого или уже совершенного противоправного деяния и обеспечения производства по делам об административных правонарушениях; в) для наказания лиц, совершивших правонарушение. Согласно этому, меры административного принуждения делятся на три группы: административно-предупредительные меры, меры административного пресечения и административные наказания.

Список литературы

1. Бахрах Д.Н. Административное принуждение в СССР, его виды и основные тенденции развития : Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук / Д.Н. Бахрах; Всесоюз. науч.-исслед. ин-т сов. законодательства. – М., 1972. – 39 с.
2. Васюхно И.О. Сущность мер административного пресечения как формы государственного принуждения / И.О. Васюхно // Административное право и процесс. – 2017. – № 9. – С. 53-56.
3. Еропкин М.И. Административно-правовая охрана общественного порядка / М.И. Еропкин, Л.Л. Попов. – Л.: Лениздат, 1973. – 328 с.
4. Еропкин М.И. О классификации мер административного принуждения / М.И. Еропкин // Вопросы административного права на современном этапе. – М.: Госюриздат, 1963. – С. 60-68.
5. Жумагулов М.И. О сущности и понятии административно-правового принуждения / М.И. Жумагулов // Государство и право. – 2016. – №10. – С. 22-31.
6. Киричек Е.В. Совершенствование деятельности полиции по обеспечению правопорядка: комплексные меры / Е.В. Киричек // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – №4. – С. 39-42.
7. Коренев А.П. Административное право России: (В 3 ч.) / А.П. Коренев ; Моск. юрид. ин-т МВД России. – 2-е изд., с изм. и доп. – Ч. 1. – М.: Щит-М, 1997. – 279 с.
8. Краснова Е.М. Об отдельных направлениях повышения эффективности административной деятельности полиции / Е.М. Краснова // Академическая мысль. – 2018. – № 2. – С.76-80.
9. Попов Л.Л. Управление. Гражданин. Ответственность (сущность, применение и эффективность административных взысканий) / Л.Л. Попов, А.П. Шергин. – Л.: Наука, 1975. – 250 с.
10. Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву / В.В. Серегина. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – 117 с.

УДК 343

Р.Н. Горбатый, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции, Донбасская аграрная академии (г. Макеевка)

(e-mail: lawyer2025@yandex.ru)

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ЗАРАЖЕНИЯ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ

В статье представлена уголовно-правовая характеристика заражения ВИЧ-инфекцией. В настоящее время основные проблемы квалификации деяний, предусмотренных статьей 122 УК РФ, связаны с недостатком понимания отдельных признаков состава преступления, содержание некоторых из которых напрямую зависит от эпидемиологии, профилактических и других медицинских мероприятий, имевших место в конкретной ситуации.

Ключевые слова: уголовная ответственность, ВИЧ-инфекция, заражение, квалифицирующие признаки.

Gorbaty, R.N.

PROBLEMS OF CRIMINAL LAW QUALIFICATION OF HIV INFECTION

The article presents the criminal-legal characteristics of HIV infection. Currently, the main problems of qualification of acts provided for in Article 122 of the Criminal Code of the Russian Federation are associated with a lack of understanding of certain elements of the corpus delicti, the content of some of which directly depends on epidemiology, preventive and other medical measures that took place in a particular situation.

Key words: criminal liability, HIV infection, infection, qualifying signs.

Актуальность темы исследования. Современные судебно-медицинские и криминалистические возможности, к сожалению, не позволяют со стопроцентной гарантией доказать наличие эпидемиологической связи между потерпевшим и обвиняемым. Тем не менее, совокупность значимых для расследования по таким уголовным делам факторов: диагностированная у обвиняемого ВИЧ-инфекция, осведомленность последнего о своем ВИЧ-статусе, установленные факты незащищенного сексуального контакта между обвиняемым и потерпевшим или иные обстоятельства, при которых существует реальная возможность передачи ВИЧ-инфекции другому человеку, а также диагностированная после этого ВИЧ-инфекция у потерпевшего в сочетании с результатами эпидемиологического расследования и заключения эксперта (специалиста), указывающими на обвиняемого как на наиболее вероятный источник заражения, что и необходимо исследовать.

Также, практически полное отсутствие судебно-следственной практики по ч. 4 ст. 122 УК РФ не позволяет выявить квалификационные проблемы, с которыми могут столкнуться правоприменители. Однако сам факт отсутствия практики свидетельствует о наличии проблем законодательного регулирования и правоприменения по делам о заражении ВИЧ-инфекцией при оказании медицинской помощи.

Изложенное свидетельствует об актуальности выбранной темы исследования и дальнейшего ее изучения.

Анализ научных исследований. Вопросам в области заражения ВИЧ-инфекцией уделяли внимание многие ученые, такие как: А.И. Рарог, В.А. Маркин, А.Н. Ильяшенко, Д.А. Гарбатович, К.А. Волков и другие.

Цель статьи. Выявить актуальные проблемы квалификации ВИЧ-инфекций.

Изложение основного материала. Статья 122 УК РФ содержит три самостоятельных состава, различающихся между собой по признакам объективной стороны, субъективной стороны и субъекта преступления [7].

Содержание непосредственного объекта в указанных составах совпадает – это общественные отношения, определяющие недопустимость распространения ВИЧ-инфекции, как элемент обеспечения

неприкосновенности жизни и здоровья человека. В этой связи следует отметить, что заражение ВИЧ-инфекцией находящегося в утробе женщины плода при ненадлежащем исполнении медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей или в результате поведения самой беременной не образует ни одного из составов рассматриваемых преступлений, так как отсутствует соответствующий объект уголовно-правовой охраны [8, С. 41].

Что же касается дополнительного объекта, то его выделение представляется уместным только применительно к составу, предусмотренному частью 4 ст. 122 УК РФ. В связи с тем, что указанное преступление совершается посредством ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, помимо общественных отношений, составляющих основной объект посягательства, вред причиняется общественным отношениям, определяющим надлежащий порядок исполнения лицом своих обязанностей в зависимости от должности и профессиональной сферы деятельности. Данный круг отношений наиболее верно, как представляется, характеризует дополнительный объект преступления, предусмотренного частью 4 ст. 122 УК РФ.

Часть 1 ст. 122 УК РФ предусматривает ответственность за заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией. Указанный состав сконструирован по формальному типу, поэтому преступление признается оконченным с момента совершения деяния, способного в конкретной обстановке повлечь заражение другого лица ВИЧ-инфекцией. Небезосновательное отнесение данного состава к числу составов создания реальной опасности обусловлено необходимостью наличия обязательного для уголовной ответственности свойства деяния, состоящего в реальной возможности заразить другого человека ВИЧ-инфекцией.

Согласно методическим указаниям, утвержденным Главным государственным санитарным врачом РФ, передача ВИЧ возможна:

- при половых контактах;
- контакте слизистой или раневой поверхности с кровью; от ВИЧ-инфицированной матери ребенку во время беременности и при родах;
- грудном вскармливании;
- немедицинских инвазивных процедурах, в том числе внутривенном введении наркотиков, нанесении татуировок, проведении косметических и иных процедур с использованием нестерильных инструментов;
- инвазивных вмешательствах в медицинских организациях, связанных с переливанием крови или ее компонентов, пересадкой органов или тканей, использованием донорской спермы или молока, а также с использованием изделий медицинского назначения, не подвергшихся обработке в соответствии с требованиями нормативных документов [1, С. 6].

Отметим, что основными факторами передачи возбудителя являются биологические жидкости человека (кровь, компоненты крови, грудное молоко, сперма, вагинальное отделяемое). Иных путей передачи ВИЧ-инфекции, в том числе при поцелуях и тесном бытовом контакте, за более чем 35-летнюю

историю наблюдения не зафиксировано. Однако и в вышеперечисленных ситуациях биологические жидкости ВИЧ-положительного человека, в том числе инструменты и иные предметы с остатками этих жидкостей, не всегда способны передать заболевание другому человеку. Заражение возможно только при наличии достаточной дозы вируса (инфицирующей дозы) в вышеуказанных видах биологических жидкостей человека (например, пот или слезы не способны передать ВИЧ другому человеку, так как никогда не содержат инфицирующей дозы). Наличие инфицирующей дозы зависит от множества факторов. Как правило, в крови, лимфе, влагалищном секрете, сперме, грудном молоке присутствует достаточное для заражения количество вируса, особенно в период острой фазы ВИЧ-инфекции или СПИДа. Однако при определенных обстоятельствах доза вируса в перечисленных жидкостях может быть снижена до неопределяемой, что исключает возможность передачи болезни другому человеку.

Изложенное позволяет сделать предварительный вывод о том, что уголовная ответственность ВИЧ-положительного человека с неопределяемой вирусной нагрузкой по ч. 1 ст. 122 УК РФ невозможна, так как такое лицо не способно передать болезнь другому.

Этим же следует руководствоваться при решении вопроса об уголовной ответственности лица, правильно использовавшего доказанные средства профилактики ВИЧ-инфекции (презервативы, доконтактная профилактика). Риск передачи болезни при этом уменьшается на 95%, что в совокупности с собственной контагиозностью ВИЧ-инфекции делает вероятность инфицирования сопоставимой со случайной смертью в ДТП, что, конечно, свидетельствует об отсутствии реальной опасности передачи болезни другому человеку [2, С. 20].

Заведомое поставление в опасность заражения ВИЧ-инфекцией предполагает не любую вероятность инфицирования, а только ситуации, при которых угроза передачи инфекции будет реальной в конкретной обстановке. Такие ситуации, как правило, имеют место, когда заражение не происходит лишь в результате вовремя принятых потерпевшим, медицинскими работниками или другими лицами мер, направленных на предотвращение заражения ВИЧ-инфекцией, или в результате иных обстоятельств, не зависящих от воли виновного. При этом правоприменительные решения должны приниматься с учетом соответствующих заключений экспертов или специалистов в области эпидемиологии. Данная позиция поддерживается как в науке, так и среди правоприменителей.

Деяние, предусмотренное частью 1 ст. 122 УК РФ, состоит в совершении действий, создающих реальную и непосредственную угрозу заражения ВИЧ-инфекцией другого человека, при ненаступлении болезни по независящим от виновного обстоятельствам (например, недостаточная вирулентность в конкретном случае или постконтактная профилактика ВИЧ, осуществленная потерпевшим).

Следовательно, с учетом возможных путей передачи ВИЧ-инфекции указанное деяние может быть совершено только посредством создающих опасность заражения действий (вступление в незащищенный сексуальный контакт, потребление инъекционных наркотиков с использованием нестерильных инструментов и т.п.).

Субъективная сторона рассматриваемого преступления (ч. 1 ст. 122 УК РФ) характеризуется только прямым умыслом. На это указывает наличие признака заведомости и формальная конструкция состава. Виновный должен осознавать, что его действия создают реальную угрозу заражения потерпевшего ВИЧ-инфекцией и тем не менее, желать их совершения.

Субъектом преступления, согласно закону, может быть любое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, в том числе не являющееся носителем ВИЧ (например, лицо, использующее один шприц при немедицинском потреблении наркотиков в группе с ВИЧ-отрицательными и ВИЧ-положительными гражданами, осведомленное о ВИЧ-статусе последних) [3, С. 40].

Часть 2 ст. 122 УК РФ предусматривает ответственность за заражение другого лица ВИЧ-инфекцией лицом, знавшим о наличии у него этой болезни. Данный состав является материальным – криминообразующим признаком выступает последствие в виде заражения потерпевшего ВИЧ-инфекцией, которое должно находиться в причинно-следственной связи с деянием виновного, аналогичным по содержанию с деянием по ч. 1 ст. 122 УК РФ. Вероятно, именно материальная конструкция состава обеспечила определенность объективных признаков и отсутствие дискуссионных вопросов, характерных для объективной стороны преступления, предусмотренного частью 1 ст. 122 УК РФ.

Также, с помощью филогенетического анализа возможно получение объективных данных о наличии либо об отсутствии эпидемиологической связи. Если штаммы, полученные от предполагаемого источника инфекции и от реципиента, генетически более близки друг с другом, чем со штаммами из группы сравнения, то между исследуемыми лицами, как правило, имеется эпидемиологическая связь. С позиции обвинения данный анализ может быть востребован, когда отсутствуют иные доказательства виновности обвиняемого, а с позиции защиты такое исследование может послужить основным аргументом в пользу невиновности привлекаемого лица. Как отмечают специалисты в области эпидемиологии, филогенетический анализ в первую очередь способен доказать отсутствие связи между образцами, так как он характеризуется очень высокой ценностью отрицательного результата при ограниченной ценности положительного [4, С. 11].

Субъективная сторона преступления, предусмотренного частью 2 ст. 122 УК РФ, характеризуется как умышленной (в силу конструкции состава возможен как прямой, так и косвенный умысел), так и неосторожной формой вины. С учетом характера деяния, а также обязательной осведомленности

виновного о своем положительном статусе следует вывод о возможности совершения рассматриваемого преступления только по легкомыслию.

Субъектом преступления, предусмотренного частью 2 ст. 122 УК РФ, согласно закону, является лицо, знавшее о наличии у него ВИЧ-инфекции до момента ее передачи другому человеку.

Как было сказано ранее, часть 4 ст. 122 УК РФ предусматривает ответственность за заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей.

Именно данная норма, составляет основу медицинского уголовного права:

– во-первых, этиология данной нормы является исключительно медицинской (основанием для введения данной нормы являлась выявленная масштабная халатность медицинского персонала при стерилизации инструментов);

– во-вторых, объектом посягательства в конечном итоге выступает жизнь и здоровье человека;

– в-третьих, характер деяния и вытекающие из него особенности субъекта определяют и одновременно ограничивают субъектный состав лицами, обязанными соблюдать медицинские (санитарно-эпидемиологические) правила.

Согласно закону субъектом преступления, предусмотренного частью 4 ст. 122 УК РФ, является лицо, в профессиональные обязанности которого входит соблюдение мер, направленных на недопущение распространения ВИЧ-инфекции. В первую очередь (но не только) это, конечно, работники, обязанные соблюдать нормативные требования санитарии и гигиены при осуществлении медицинских вмешательств [5, С. 4].

Состав рассматриваемого преступления сконструирован по материальному типу. Объективные стороны преступлений, предусмотренных частями 2 и 4 ст. 122 УК РФ, различаются содержанием деяний. В соответствии с ч. 4 ст. 122 УК РФ деяние состоит в ненадлежащем исполнении лицом своих профессиональных обязанностей, что, безусловно, предполагает возможность совершения указанного преступления путем бездействия.

Следует отметить, что применительно к медицинским работникам ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей следует считать совершение деяний (действий или бездействия), не отвечающих официальным требованиям, предписаниям, правилам, санитарно-эпидемиологическим и гигиеническим нормам, обязательным для соблюдения при осуществлении медицинской деятельности (заборе и переливании крови, проверке трансплантационного материала, проведении всех видов оперативных вмешательств, медицинских манипуляций и т.д.) [6, С. 135].

Также, практически полное отсутствие судебно-следственной практики по ч. 4 ст. 122 УК РФ не позволяет выявить квалификационные проблемы, с которыми могут столкнуться правоприменители. Однако сам факт отсутствия практики свидетельствует о наличии проблем законодательного регулирования

и правоприменения по делам о заражении ВИЧ-инфекцией при оказании медицинской помощи.

Наличие относящихся к иным видам судопроизводства дел, связанных с заражением ВИЧ-инфекцией в медицинских организациях, и одновременное отсутствие уголовных дел по данным фактам является следствием ряда взаимосвязанных факторов, среди которых запоздалая диагностика заболевания (связанная в том числе с наличием серонегативного окна, сложная структура видов оказанной медицинской помощи, активная социальная жизнь пациентов, ложнопонимаемая корпоративная солидарность медицинского сообщества), а также применение иных норм уголовного законодательства. В частности, применение ст. 293 УК РФ по делам о заражении ВИЧ-инфекцией в медицинских организациях видится неоправданным.

Политико-правовой смысл введения состава преступления, предусмотренного частью 4 ст. 122 УК РФ, лежит в обособлении деяния, состоящего в заражении ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей, от иных правонарушений при осуществлении медицинской деятельности, в том числе связанной с реализацией должностных обязанностей. Такой вывод следует из буквального, грамматического, систематического и исторического толкования данной нормы. Поэтому по всем случаям больничного заражения ВИЧ-инфекцией верным является применение ч. 4 ст. 122 УК РФ [9, С. 87].

Кроме того, законодательное описание диспозиции ч. 4 ст. 122 УК РФ не содержит указания на неосторожную форму вины, поэтому анализируемое преступление нельзя признать исключительно неосторожным (ч. 2 ст. 24 УК РФ). Как представляется, субъективная сторона преступления, предусмотренного частью 4 ст. 122 УК РФ, по действующей редакции закона характеризуется как умышленной (прямой и косвенный умысел), так и неосторожной формой вины. При этом следует иметь в виду, что замысел законодателя состоял в криминализации именно неосторожного заражения ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, поэтому дополнение ч. 4 ст. 122 УК РФ указанием на неосторожное отношение к последствию видится более чем уместным.

Актуальным является и то, что нельзя обойти вниманием примечание к статье 122 УК РФ. Многие исследователи полагают, что в этой норме содержится единственное в своем роде обстоятельство, исключющее уголовную ответственность, – согласие потерпевшего на причинение вреда. Вместе с тем следует отметить, что никаких правовых оснований, свидетельствующих о волеизъявлении потерпевшего на причинение ему вреда, нет. Целью указанного примечания, как представляется, является благоприятствование безопасному социальному поведению ВИЧ-инфицированных, не способных в настоящее время излечить свою болезнь, но имеющих равные права и возможности наряду с другими гражданами, а также стимулирование персональной ответственности за свое здоровье.

Положительный эффект данной нормы становится очевидным при изучении статистических данных о количестве дискордантных пар в России и количестве абсолютно здоровых детей, родившихся у них.

Выводы. Сегодня социальные процессы пребывают в стадии активной трансформации, положения уголовного закона порой приводят к противоречивому поведению граждан, что, в свою очередь, зачастую влечет реформирование (не всегда удачное) УК РФ. Социологические исследования, в том числе проведенный собственными силами опрос среди ВИЧ-инфицированных (участников одного из социальных проектов и лиц, являющихся пользователями одного из мобильных приложений для знакомств), позволили прийти к выводу, что многие поставили себя в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, отказавшись от средств контрацепции, понадеявшись на охранительный потенциал ст. 122 УК РФ.

Таким образом, эффективное противодействие распространению ВИЧ-инфекции, а также других инфекционных заболеваний должно осуществляться в первую очередь посредством активной социальной и просветительской политики государства.

Список литературы

1. Власенко С.С. Поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией / С.С. Власенко // Российский следователь. 2009. – № 12. – С. 5-12.
2. Волков К.А. Заражение ВИЧ-инфекцией / К.А. Волков // Российский следователь. 2017. – № 13. – С. 18-24.
3. Гарбатович Д.А. Состав опасности: особенность квалификации / Д.А. Гарбатович // Российский судья. 2020. – № 8. – С. 38-44.
4. Ильяшенко А.Н. Проблемные вопросы привлечения к уголовной ответственности за преступления, связанные с заражением лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей / А.Н. Ильяшенко // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. – № 2 (36). – С. 10-18.
5. Маркин В.А. Оценка минимальных инфицирующих доз ВИЧ при распространении инфекции / В.А. Маркин // Вопросы вирусологии. 2012. – Т. 57. – №1. – С. 3-9.
6. Норвартян Ю.С. О моменте окончания заражения венерической болезнью и ВИЧ-инфекцией / Ю.С. Норвартян // Общество и право. 2012. – № 5 (42). – С. 134-140.
7. Уголовный кодекс РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ – (дата обращения: 25.09.2023).
8. Уголовное право. Особенная часть: учебное пособие / Р.Н. Горбатый, И.М. Лукина, Е.О. Филь. – Макеевка : ЧП Полипресс, 2019. – 313 с.

9. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2015. – 229 с.

УДК: 342

М.С. Капитонова, аспирант, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: marinakapitonova78@gmail.com)

В.С. Южанина, вице-президент Адвокатской палаты ДНР, адвокат (г. Донецк)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Настоящая статья посвящена вопросам правового регулирования деятельности средств массовой информации в Российской Федерации. Авторами исследования рассмотрены нормативно-правовые акты, регулирующие СМИ. Рассмотрены конституционные основы деятельности СМИ, анализируются и систематизируются основные субъекты административно-правовых отношений, складывающихся в процессе осуществления деятельности СМИ.

Ключевые слова: *СМИ, законодательство, массовая информация, административное право, цензура, свобода слова, коммуникация, мнение.*

Kapitonova, M.S.,

Yuzhanina, V.S.

LEGAL REGULATION OF MEDIA ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article is devoted to the problems of legal regulation of the activities of the media in the Russian Federation. The authors of the study reviewed the legal acts regulating the activities of the media. Issues of the constitutional foundations of media activities are considered, the main subjects of administrative and legal relations that develop in the process of carrying out media activities are analyzed and systematized.

Key words: *mass media, legislation, mass information, administrative law, censorship, freedom of speech, communication, opinion.*

Актуальность темы исследования. Усиление внимания к проблеме влияния средств массовой информации (СМИ) на формирование общественного мнения связано, в первую очередь, со стремительным развитием информационных технологий, которые оказывают серьёзное влияние на скорость распространения информации, на доступ к ней. Мировая сеть Интернет фактически стала полномасштабной заменой всем классическим инструментам получения информации, связи и коммуникации. С добавлением Интернета к традиционным источникам информирования населения информационное пространство стало гораздо шире и объёмнее. Стремительное развитие цифровых информационных технологий связано с тем, что «они

способствуют упрощению производства, ускорению движения информации, расширяют доступность и ассортимент товаров и услуг, тем самым воздействуя на качество жизни большинства людей» [9]. Речь идёт о медиаглобализации: число каналов связи, способов организации работы с ними ежегодно увеличивается, открываются всё новые способы хранения, переработки и передачи информации. В сферу общественной жизни, связанной со СМИ, вовлечено большое количество разных по функциональному проявлению участников, между которыми существуют самые разнообразные связи, совокупность которых образует целостный комплекс взаимоотношений, требующий государственно-правового воздействия. В Российской Федерации к настоящему моменту сформировалась достаточно устойчивая система регулирования отношений, обладающая сложной административно-правовой организацией. Важно законодательно структурировать элементы средств массовой информации и закрепить правовое регулирование их деятельности. Активное развитие цифровых технологий и их ускоренное внедрение в общественную жизнь способствуют увеличению интереса и потребности в комплексном научном исследовании вопросов, связанных с правовым регулированием деятельности СМИ.

Анализ научных исследований. Исследованию современного состояния системы СМИ и особенностей развития массовых информационных процессов в современных условиях посвящены работы Е.Л. Вартановой, И.И. Засурского, Я.Н. Засурского, Л.М. Земляновой, Е.А. Корнилова, Б.В. Кристального, Л.Г. Свитич, М.В. Шкондина, И.Д. Фомичевой и др.

Целью настоящей статьи является формирование общего представления о законодательстве Российской Федерации, регулирующем деятельность средств массовой информации, обзор изменений в правовом поле.

Изложение основного материала. Современная информационно-коммуникационная революция способствует активному развитию средств массовой информации (СМИ) и распространению новых дискуссионных платформ. Тем не менее, огромная мощь и влияние СМИ, включая интернет-ресурсы и социальные сети, требуют правового регулирования. Согласно Закону Российской Федерации «О средствах массовой информации», под средством массовой информации «понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием); (в ред. Федерального закона от 14.06.2011 г. №142-ФЗ)» [6]. Большая энциклопедия «Терра» даёт следующее определение СМИ – это «совокупность органов публичной передачи информации с помощью технических средств; до сих пор более употребительное в русском языке (по сравнению с термином «средства массовой коммуникации») обозначение средств повседневной практики сбора, обработки и распространения сообщений массовым аудиториям» [8]. Правовая основа регулирования деятельности СМИ в России имеет достаточно насыщенную

историю. Вершиной этого развития стало принятие новой редакции «Основ законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации» в 1991 году. С этого момента были заложены основы для правового регулирования таких аспектов деятельности СМИ, как свобода слова, доступ к информации и защита гражданских прав.

Темпы внедрения информационных технологий по мгновенному распространению массовой информации различного содержания с каждым годом всё нагляднее обнажают недоработки законодательства в сфере массовой информации, в частности это касается административно-правового регулирования в сфере массовой информации, распространяемой в форме телевизионного и радиовещания, в сети Интернет.

Изучение информационной политики органично связано с исследованием в рамках теории журналистики, анализа массовых коммуникаций, функционирования СМИ, тенденций их эволюции, особенно на современном этапе создания нового медийно-политического пространства в Российской Федерации. Основные проблемы правового регулирования деятельности СМИ в современной России связаны с балансированием между свободой слова и обеспечением информационной безопасности государства. В последнее время усилился контроль над СМИ, в том числе через законодательные меры, что вызывает волну критики как со стороны международного сообщества, так и отечественных журналистов и общественности.

Институт массовой информации является важнейшим институтом информационного права, именно он регулирует отношения в области производства и распространения массовой информации. Посредством СМИ в процессе деятельности субъектов реализуются такие информационные права, как создание, сбор, получение, передача, обработка и распространение информации. СМИ являются важнейшим источником информирования населения всего мира, который доводит информацию о фактах, явлениях и событиях населению в самые сжатые сроки.

В современной жизни необходимо знать свои права и уметь их отстаивать и защищать, так как на каждом шагу можно встретиться с определёнными проблемами, которые можно решить исключительно благодаря этим знаниям. Что касается непосредственно работы средств массовой информации, то практически каждый сотрудник в данной сфере сталкивается с рядом проблем и выйти из сложившейся ситуации поможет только компетентность и уверенность в своих действиях. Важно отметить, что в России существует множество негосударственных организаций, занимающихся защитой прав журналистов и контролем за соблюдением законодательства в области СМИ. Они играют значительную роль в поддержке свободы слова, независимости СМИ и защите интересов журналистов.

Свобода массовой информации гарантируется основным законом Российской Федерации – Конституцией (ст.15, 29, 41, 43, 55) [1]. Свобода информации является важным и необходимым условием для реализации права

свободы слова и доступа к информации, а СМИ обеспечивают конституционное право людей на информацию. Но следует заметить, что законодательством также предусмотрена и ответственность средств массовой информации, например за распространение экстремистских материалов и осуществление ими экстремистской деятельности, согласно ст.11 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями). В случае осуществления средством массовой информации экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, деятельность соответствующего средства массовой информации может быть прекращена по решению суда [7].

В соответствии с Законом Российской Федерации от 27.12.1991 г. № 2124-1 (ред. от 13.06.2023 г.) «О средствах массовой информации» ограничение свободы печати и средств массовой информации допускается только в условиях чрезвычайного или военного положения, что говорит о том, что любое ограничение СМИ воспрещается. Недопустима цензура массовой информации, то есть «требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым)» [6]. Нормативно-правовыми актами установлено, что воспрепятствование законному распространению продукции средств массовой информации – не допускается. Ущемление свободы средств массовой информации, в той же мере, как и злоупотребление, может повлечь за собой уголовную [2], административную [4], дисциплинарную [5] и иные виды ответственности, которые закреплены законодательством Российской Федерации. Для соблюдения средствами массовой информации в сети Интернет положений ст.4 Закона о СМИ о недопустимости злоупотребления свободой массовой информации Роскомнадзор запустил программно-аппаратный комплекс (ПАК). Система обнаруживает в официально зарегистрированных сетевых СМИ материалы с признаками нарушения законодательства. Если редакционный материал нарушает ст.4, Роскомнадзор вправе вынести предупреждение, которое редакция имеет право оспорить в Суде. После второго предупреждения Роскомнадзор в течение двенадцати месяцев может обратиться в суд о закрытии данного средства массовой информации.

СМИ взаимодействуют непосредственно с конституционным правом, как было отмечено ранее. Конституция Российской Федерации содержит гарантии информационного многообразия, в содержании присутствуют нормы, регламентирующие общие положения о свободе средств массовой информации.

Уголовное право устанавливает ряд правонарушений в сфере СМИ, которые, с точки зрения законодательства, считаются преступлением (к примеру, ст.128.1 УК РФ «Клевета» и др.) [2]. Административное право, в свою очередь, регламентирует порядок взаимодействия средств массовой информации непосредственно с органами исполнительной власти, соответственно устанавливает ответственность за административные правонарушения в сфере деятельности средств массовой информации [4]. Гражданское право регламентирует имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, которые возникают в сфере деятельности СМИ при распространении и сборе информации [3]. Следует обратить внимание, что вопросы деятельности СМИ регламентируются не только законодательными основами органов власти Российской Федерации, а также международно-правовыми актами. Внедрение в правовую систему РФ международных договоров и привязанных международно-правовых норм в качестве непосредственного регулятора отношений, охватываемых внутригосударственной юрисдикцией ст.15 Конституции Российской Федерации, предопределяет актуальность и практическую ценность механизма согласованной реализации прав и свобод человека, а также обеспечения свободы массовой информации [1].

В данном контексте система уполномоченных органов, которые осуществляют в России государственно-правовое регулирование деятельности СМИ, в настоящее время представлена следующим образом:

– Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России) – федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере информационных технологий (включая использование информационных технологий при формировании государственных информационных ресурсов и обеспечение доступа к ним), электросвязи (включая использование и конверсию радиочастотного спектра) и почтовой связи, массовых коммуникаций и средств массовой информации, в том числе электронных (включая развитие информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», систем телевизионного (в том числе цифрового) вещания и радиовещания и новых технологий в этих областях), печати, издательской и полиграфической деятельности, обработки персональных данных, управления государственным имуществом и оказания государственных услуг в сфере информационных технологий, в том числе в части использования информационных технологий для формирования государственных информационных ресурсов;

– Федеральный орган исполнительной власти (Роскомнадзор), в задачи которого входят надзор в сфере связи, информационных технологий и СМИ, а также надзор по защите персональных данных и регулирование радиочастотной службы. Служба подведомственна Минцифры России, занимается регистрацией средств массовой информации, выдачей лицензии на

осуществление соответствующих действий (деятельность в области связи и вещательная деятельность);

– Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) – федеральный орган исполнительной власти, контролирующий соблюдение антимонопольного законодательства. Также ФАС следит за соблюдением законов в сфере естественных монополий, рекламы, иностранных инвестиций в стратегически значимые компании, государственного оборонного заказа и в сфере госзакупок;

– Прокуратура Российской Федерации осуществляет полный надзор за исполнением принципа законности в сфере распространения массовых информационных. Государственная военизированная организация, единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции.

Таким образом, можно сказать, что в Российской Федерации под единоличным началом федерального законодательства о СМИ выстроена вертикальная система законодательного регулирования средств массовой информации. Одним из путей совершенствования правового регулирования деятельности СМИ в России является укрепление гарантий свободы слова. Следует расширить компетенции органов государственной власти по контролю над деятельностью СМИ и развитию механизмов гражданского общества, которые обеспечат эффективную защиту журналистов от произвола и давления.

Административно-правовое регулирование СМИ в России осуществляется федеральными законами, нормативными актами, постановлениями. Основные НПА в сфере массовых коммуникаций представлены следующим образом:

– Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»;

– Федеральный закон от 30.12.2015 № 464-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»;

– Федеральный закон от 14.10.2014 № 305-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации»;

– Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»;

– Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе»;

– Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»;

– Постановление Правительства Российской Федерации от 16.10.2015 № 1107 «Об утверждении перечня документов, свидетельствующих о соблюдении учредителями (участниками) средств массовой информации, редакциями средств массовой информации, организациями (юридическими

лицами), осуществляющими вещание, требований статьи 19.1 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»;

– Постановление Правительства Российской Федерации от 21.11.2011 № 957 «Об организации лицензирования отдельных видов деятельности»;

– Постановление Правительства Российской Федерации от 28.04.2006 № 252 «О лицензировании деятельности по изготовлению экземпляров аудиовизуальных произведений, программ для электронных вычислительных машин, баз данных и фонограмм на любых видах носителей (за исключением случаев, если указанная деятельность самостоятельно осуществляется лицами, обладающими правами на использование указанных объектов авторских и смежных прав в силу Федерального закона или договора)»;

– Постановление Правительства Российской Федерации от 26.01.2012 № 25 «О выделении конкретных радиочастот для вещания с использованием ограниченного радиочастотного ресурса (наземного эфирного вещания, спутникового вещания), проведении конкурса, взимании единовременной платы за право осуществлять наземное эфирное вещание, спутниковое вещание с использованием конкретных радиочастот и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»;

– Приказ Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 30.07.2004 № 27 «О Регламенте работы Федеральной конкурсной комиссии по телерадиовещанию и о Составе Федеральной конкурсной комиссии по телерадиовещанию»;

– Приказ Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 15.11.2007 № 1312 «О признании утратившим силу приказа Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 21.12.2004 г. № 115 «О выдаче разрешений на распространение продукции зарубежных периодических печатных изданий на территории Российской Федерации»;

– «Европейская Конвенция радиовещания (Копенгаген, 15 сентября 1948 г.)»;

– «Международная Конвенция об использовании радиовещания в интересах мира (Женева, 23 сентября 1936 г.)»;

– «Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о совместной телерадиовещательной организации Союза Беларуси и России (Москва, 22 января 1998 г.)»;

– Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 2354-р, вносящее изменения в распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 октября 2011 г. № 1752-р «Об утверждении перечня документов, прилагаемых заявителем к заявлению о регистрации (перерегистрации) средства массовой информации»;

– Федеральные законы от 29 июля 2017 г. № 239-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» (далее – Федеральный закон № 239-ФЗ) и № 253-ФЗ «О внесении изменений в статьи 33333 и 33334 части второй Налогового кодекса Российской Федерации»;

Федерации» (далее Федеральный Закон № 253-ФЗ). Федеральным Законом № 239-ФЗ внесены изменения в Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ), касающиеся уточнения и совершенствования процедуры регистрации средств массовой информации по принципу ведения Роскомнадзором Общероссийского реестра средств массовой информации и предоставления Выписки из него. Федеральным законом № 253-ФЗ изменены размеры государственной пошлины за регистрацию СМИ (вне зависимости от формы периодического распространения)»;

– Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций от 17.05.2019 года № 100 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций государственной услуги по регистрации средств массовой информации».

Правовое регулирование деятельности СМИ в России – сложная задача, требующая учёта самых разных интересов и проблем. Оно должно сбалансировать защиту свободы слова, информационной безопасности, прав потребителей информации и содействовать развитию независимых СМИ. С учётом разработки путей совершенствования, правовая основа может обеспечить развитие средств массовой информации в России в соответствии с современными требованиями и международными стандартами. Правовое регулирование деятельности средств массовой информации в России является актуальной и сложной темой. В свете постоянных изменений в области медиа, социально-политической ситуации и технического прогресса, разработка эффективных правовых норм становится всё более важной задачей.

Выводы. Обеспечение информационной безопасности является для государства одной из приоритетных задач в рамках сохранения своего суверенитета и предоставления доступа населения к достоверной информации. В жизнь каждого человека, который постоянно или ситуативно находится в информационном поле, активно вторгается огромное количество новых факторов социального, культурного, политического значения, которые отображают объективную реальность через существование ряда объектов виртуальной среды. Всё большее количество людей читают и распространяют новости при помощи своих гаджетов. Социальные сети, круглосуточные новостные ленты изменяют формы потребления продукции СМИ. Существенные позитивные изменения в сфере цифровизации государства будут обеспечивать удовлетворение потребности людей в получении необходимой информации. Результаты проведенного обзора действующего законодательства позволяют сделать некоторые частные выводы, представляющие интерес для нашего исследования: на данный момент в России действуют несколько десятков нормативно-правовых актов, которые регулируют деятельность СМИ и также регламентируют в той или иной степени правовой статус средств массовой информации. Законодательная база, регулирующая деятельность средств массовой информации обширна, и в связи с тем, что существует

множество законодательных актов, достаточно сложно контролировать законность действий некоторых СМИ. В этом контексте представляется целесообразным создание единого свода законов, который бы регламентировал абсолютно все права, обязанности и ответственность за совершенные деяния в сфере общественных отношений, связанных с деятельностью средств массовой информации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993г. с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008г. № 7-ФКЗ) // КонсультантПлюс: Законодательство. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ – (дата обращения: 28.09.2023).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023 г.) // КонсультантПлюс: Законодательство. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ – (дата обращения: 28.09.2023).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // КонсультантПлюс: Законодательство. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – (дата обращения: 28.09.2023).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001г. № 195-ФЗ (ред. от 19.10.2023 г.) // КонсультантПлюс: Законодательство. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ – (дата обращения: 28.09.2023).
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023г., с изм. от 24.10.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023г.) // КонсультантПлюс: Законодательство. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ – (дата обращения: 28.09.2023).
6. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 г. № 2124-1 (ред. от 18.04.2018 г., с изм. от 17.01.2019 г.) «О средствах массовой информации» // КонсультантПлюс: Законодательство. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ – (дата обращения: 28.09.2023).
7. Федеральный закон "О противодействии экстремистской деятельности" от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: Законодательство. – URL: <https://base.garant.ru/12127578/> – (дата обращения: 19.09.2023).
8. Средства массовой информации // Большая энциклопедия в 62 томах. Т. 47. М.: Терра. – 2006. – С. 453. ISBN 5-273-00432-2.
9. Золаев Э.А. Цифровое государство как новый этап развития общества / Э.А. Золаев // Креативная экономика. – 2021. – Том 15. – № 5. – С. 1583-1594. – DOI: 10.18334/ce.15.5.112164.

УДК 343. 237

Е.С. Козачёк, аспирант, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: kozachok0303@gmail.com)

ПОСОБНИЧЕСТВО В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ФИЗИЧЕСКИЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ СПОСОБЫ

В статье исследуются критерии разграничения способов пособничества, позволяющие отнести тот или иной вид содействия совершению преступления к физическому или интеллектуальному. Доказан тезис о несовершенстве формулировки в законе об уголовной ответственности исчерпывающего перечня способов содействия совершению преступления, а также исследованы главные основания для отграничения пособничества от других смежных действий.

Ключевые слова: *соучастие, пособничество, причастность, физическое пособничество, интеллектуальное пособничество, умысел.*

Kozachok, E.S.

ASSISTANCE IN CRIMINAL LAW: PHYSICAL AND INTELLECTUAL METHOD

The article examines the criteria for differentiating the ways of complicity, allowing one or another type of assistance in committing a crime to be classified as physical or intellectual. The thesis about the imperfection of the wording in the law on criminal liability of an exhaustive list of ways to facilitate the commission of a crime is proved, and the main grounds for distinguishing aiding from other related actions are investigated.

Key words: *complicity, complicity, complicity, physical complicity, intellectual complicity, intent.*

Актуальность темы исследования. Исследования, направленные на выяснение природы соучастия в совершении преступления в целом, и такого вида соучастника как пособник в частности, не теряют своей актуальности, несмотря на значительное количество работ, посвященных этой тематике в доктрине уголовного права. Так, вопросы о квалификации действий пособника при совершении преступления со специальным субъектом, отграничение причастности к преступлению и пособничества в совершении преступления, разграничение действий пособника и посредника, остаются дискуссионными. В то же время остается нерешенным вопрос о целесообразности криминализации отдельных видов дополнительных действий пособника в особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Анализ научных исследований. Вопросам, касающихся исследования признаков пособника и способов пособничества посвятили немало научных трудов такие ученые как С. С. Аветисян, Р. Р. Галиакбаров, В. К. Гришук, С. А. Ершов, М. И. Ковалёв, Н. И. Коржанский, А. В. Ушаков, Р. С. Орловский, В. Ю. Шубина и другие.

Цель статьи - рассмотреть и проанализировать вопросы, связанные с установлением способов физического и интеллектуального пособничества,

ведь, несмотря на наличие значительного объема уголовно-правовых исследований пособничества, посредничества и причастности к совершению преступления, многие вопросы до сих пор остаются дискуссионными и поэтому требуют дальнейшего исследования.

Изложение основного материала. Институт соучастия занимает особенное место в уголовно-правовой науке и содержит немало вопросов, которые до сих пор являются дискуссионными и открытыми для обсуждения ученых. Несмотря на довольно детальное и скрупулёзное исследование видов соучастников, некоторые вопросы пособничества, в частности – способы пособничества, остаются актуальными по сей день. Например, С.А. Ершов в изучении данной тематики приходит к выводу, что регламентация пособничества должна быть осуществлена только в общей части УК, а из особенной части ответственность за пособничество следует исключить [2, С. 54]. Также к спорным и обсуждаемым относится вопрос об общественной опасности каждого из соучастников в совершении преступления, а, следовательно, и дифференциации их ответственности и индивидуализации наказания.

Из перечня обсуждаемых вопросов видно, что проблема уголовной ответственности за пособничество носит межинституциональный характер, а потому должна исследоваться в науке уголовного права с учетом этой особенности. В этом контексте не являются исключением такие виды пособничества, как физическое и интеллектуальное, которые необходимо анализировать не только с точки зрения выявления их конститутивных характеристик, но и с позиций их соотношения с другими смежными категориями, такими как посредничество или подстрекательство.

Разделение физического и интеллектуального пособничества является традиционным для науки уголовного права, так как эти аспекты анализировались как дореволюционными учеными-криминалистами, так и учеными современного этапа развития уголовно-правовой доктрины.

Наряду с традиционным разделением пособничества на физическое и интеллектуальное в уголовно-правовой науке внесены предложения разделить его на три вида, третьим из которых является пособничество-сокрытие. К нему предлагается относить заранее данное обещание укрыть преступника, орудия, следы преступления или предметы, полученные преступным путём. Несмотря на отсутствие соответствующей дифференциации в нормах УК, под физическим пособничеством традиционно предлагается понимать предоставление средств или орудий преступления или устранение препятствий совершению преступления. В свою очередь, интеллектуальное пособничество заключается в предоставлении советов и указаний, а также в заранее предоставленном обещании укрывательства преступника, орудий, средств, следов совершения преступления или предметов, полученных преступным путем, приобретение или сбыт этих предметов, иное содействие сокрытию преступления.

Исследуя виды пособничества, Н. С. Таганцев между пособниками отличал: 1) пособников интеллектуальных, которые разными способами и средствами способствуют созданию преступного умысла, давая, например, советы и указания, когда и где удобнее совершить преступление; укрепить решимость главных виновников или своими замечаниями, указаниями облегчают совершение преступления, дают обещание скрыть следы; 2) пособников физических, участвующих своей физической деятельностью, предполагая при этом, что они действуют сознательно и по сговору [5, С. 62-63].

Результаты анализа понятия «пособник» свидетельствуют о приоритете форм интеллектуального содействия над содействием физическим при раскрытии его содержания, поскольку первичными признаками, определяющими понятие соответствующего соучастника, является предоставление советов и указаний.

Относительно вопроса выяснения сущности интеллектуального пособничества в уголовно-правовой науке существуют подходы к определению как общего понятия этого вида пособничества, так и определения способов его совершения. Так, к способам анализированного вида пособничества предлагается относить: предоставление советов, указаний, информации, заранее обещанное сокрытие средств и орудий совершения преступления, преступника, следов преступления, предметов, полученных преступным путем, заранее обещанное приобретение или сбыт таких предметов [6, С. 55].

По мнению М. И. Ковалева, интеллектуальное пособничество – это преднамеренные активные действия, которые проявляются в психическом воздействии на сознание и волю исполнителя и укрепляют его решимость совершить преступление [3, С. 163]. С таким подходом согласны не все ученые. Так, А. Арутюнов считает, что пособник не может укреплять решительность, например исполнителя, совершить преступление, поскольку это уже совершил подстрекатель. Если же пособник «вынужден» укреплять решимость совершить преступление, значит деятельность подстрекателя была неудачной. Пособник может только облегчать, содействовать, помогать в совершении преступления [1, С. 29]. С приведенной позицией можно согласиться частично, в частности о том, что функции пособника сводятся к облегчению, содействию, определенной помощи совершению преступления. Однако нельзя согласиться с тем, что пособник не может иметь никакого влияния на формирование умысла личности, поскольку это роль подстрекателя. Во-первых, подстрекателя может и не существовать, поскольку умысел на совершение преступления может возникнуть у исполнителя или иного соучастника самостоятельно, то есть без постороннего воздействия. Во-вторых, способствуя формированию умысла, и в дальнейшем – совершению преступления, лицо может сочетать в себе две роли: подстрекателя и пособника, а потому, на наш взгляд, следует избегать выводов, исключающих их сочетание. В-третьих, нельзя полностью исключать того, что определенные действия пособника могут оказывать влияние на формирование

умысла личности на совершение преступления, которое концептуально отличается от влияния, которое оказывает подстрекатель.

Так, предоставление советов или указаний по совершению преступления может утвердить лицо в умысле на совершение преступления, однако в таких условиях отсутствуют основания утверждать, что такое лицо склонило другое лицо к совершению преступления. Таким образом, при оценке деяний пособника необходимо учитывать, что не любое влияние на умысел личности является его подстрекательством.

Дискуссионным в контексте интеллектуального пособничества является вопрос о наличии оснований для отнесения к такому виду пособничества действий, заключающихся в одобрении или молчаливом согласии на совершение преступления.

При этом, несмотря на отсутствие в таких действиях фактора активного физического или интеллектуального содействия совершению преступления, ученые отмечают их общественную опасность. В частности, как отмечает В.Ю. Шубина, такая форма пособничества нередко встречается в деятельности государственных чиновников правоохранительной системы, а также в Вооруженных силах. Именно они, по мнению ученой, формируют низовую коррупцию, но их действия или бездействие надлежащей правовой оценки как пособничество не получают [4, С. 54]. Этот же вопрос возникает в контексте обещания предоставить транспортное средство, которое, по мнению А.В. Ушакова, не может быть отнесено ни к физическим, ни к интеллектуальным формам пособничества [7, С. 108]. Вместе с тем результаты анализа научных источников показали сложность обозначенного вопроса и дискуссионность подхода квалификации таких действий как пособничества.

Так, можно проанализировать ситуацию, при которой охранник, осматривая вверенный ему объект, выявляет группу воров, разворовывающих имущество, принятое им под охрану. Желая отомстить владельцу имущества, охранник молча наблюдает за происходящим, давая возможность незнакомым ему лицам завершить кражу, и только после отъезда расхитителей поднимает тревогу. Считается, что сознательное непринятие мер по охране имущества при хищении с целью устранения препятствий для совершения преступления должно рассматриваться как пособничество хищению. Но стоит констатировать, что указанный подход к уголовно-правовой оценке соответствующего деяния не учитывает, что такое бездействие объективно способствует хищению, но между охранником и расхитителями может отсутствовать сговор и поэтому соучастие исключается. Таким образом, для отнесения определенного вида пособничества совершению преступления к интеллектуальному или физическому необходим анализ не только объективных признаков деяния, но и субъективной связи между вероятным пособником и другими участниками совершения преступления.

Следует отметить, что физическое пособничество заключается в содействии исполнителю в реализации его преступного умысла посредством деяний, позволяющих исполнителю выполнить объективную сторону состава

преступления. Его образуют такие формы содействия, как предоставление средств для совершения преступного замысла, устранение препятствий, мешающих исполнителю выполнить объективную сторону состава преступления, создание необходимых условий, обеспечивающих совершение преступления.

В свою очередь, как отмечается в юридической литературе, под предоставлением средств понимаются какие-либо действия, облегчающие возможность совершить или довести до конца начатое преступление. Действия пособника могут заключаться в предоставлении преступнику орудий совершения преступления: снабжение убийцы оружием, грабителя – отмычкой и т.п. К этому же виду пособничества можно отнести предоставление исполнителю различных побочных средств, необходимых для достижения преступного последствия: транспорта, фальшивых документов и т.п. К устранению препятствий можно отнести взлом хранилища для последующей кражи, отравления сторожевых собак для того, чтобы исполнитель мог свободно проникнуть на склад, получение согласия часового или сторожа на хищение со склада материальных ценностей.

Таким образом, в отличие от интеллектуального пособничества, физическое может быть установлено при активной деятельности пособника, предусматривающей предоставление определенных вещей, которые могут быть использованы при совершении преступления, или физическое облегчение совершения преступления исполнителем.

В науке уголовного права обосновывается позиция, согласно которой пособничество должно быть действительным содействием преступлению. Но при этом может быть и соучастием в преступлении оказание помощи, которой не воспользовался исполнитель или которая была слишком незначительной и не могла как-то повлиять на развитие причинной связи [4, С. 275]. Указанный подход, безусловно, имеет существенное значение при физическом пособничестве, однако в контексте интеллектуального пособничества его реализация вызывает значительные сомнения ввиду сущности и способа совершения таких действий, как указания, советы. Возникает вопрос о наличии оснований для констатации пособничества в том случае, если пособник дал совет, но исполнитель им не воспользовался. Следовательно, результаты анализа приведенных подходов свидетельствуют о том, что критерий отграничения физического пособничества от пособничества интеллектуального не всегда может быть ярко выражен, а иногда пособник может сочетать как одни, так и другие способы. Учитывая такое обстоятельство, в науке предлагается выделять по рассматриваемому критерию и такой третий вид пособничества, как смешанное пособничество, включающее одновременное использование форм физического и интеллектуального пособничества. Распределение пособничества на интеллектуальное, физическое и смешанное имеет значение только лишь для отграничения пособничества от подговора и исполнительства (соисполнения), что в свою очередь должно способствовать правильной квалификации содеянного. Кроме того, такая классификация

позволила бы конкретизировать степень общественной опасности пособничества, а тем самым – пределы ответственности пособника.

Однако разделяя позицию о возможности объективного сочетания разных способов пособничества, следует сказать, что оснований выделять такой вид пособничества, как смешанное, нет, поскольку в каждом конкретном случае необходимо определить только те действия, которые могут быть отнесены к пособническим. Именованное таких действий одним обобщающим понятием не имеет ни теоретического, ни практического значения.

В то же время, отдельного внимания заслуживает вопрос об исчерпывании способов пособничества. Так, результаты анализа положений ч. 5 ст. 33 УК позволяют выделить две категории пособнической деятельности: содействие совершению преступления и содействие сокрытию преступления. При этом формами совершения содействия совершению преступления являются советы, указания, информация, предоставление средств или орудий или устранение препятствий. А формы содействия сокрытию преступления определены в законе следующим образом: заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.

Учитывая разнообразие способов, которые могут использоваться для содействия совершению преступления, стоит отметить, что не все из них могут быть охвачены понятиями, предусмотренными в ч. 5 ст. 33 УК. В этом контексте необходимо обратить внимание на определение понятия «подстрекатель», которым согласно ч. 4 ст. 33 УК есть лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. Таким образом, определяя понятие одного вида соучастника (пособник), законодатель предоставил исчерпывающий перечень способов участия такого лица в совместном совершении преступления, а при формулировании понятия другого вида соучастника (подстрекателя) оставил список таких способов открытым.

Следует отметить, что использование обобщающих формулировок при определении видов соучастников характерно для ряда зарубежных государств. В частности, стоит отметить, что легального определения соучастия в законодательстве Англии никогда не было и нет – его заменяет перечень соответствующих действий. Например, в частности ст. 8 Закона о пособниках и подстрекателях *Accessories and Abettors Act 1861* г., в котором указывается, что лицо, которое помогает, подстрекает, дает советы или обеспечивает совершение преступления, преследуемого по обвинительному акту, признается виновным в том же преступлении.

На наш взгляд, подход к формулированию определения понятия «пособник» путем использования исчерпывающего перечня соответствующих действий не способствует обеспечению надлежащего уголовно-правового реагирования на все разнообразие действий соучастников в совершении преступления. В таких условиях лицо, которое объективно содействует в

совершении преступления, иными словами, позволяет его совершение, может избежать уголовной ответственности вследствие несовершенства норм уголовного закона. Согласно ч. 1 ст. 3 УК преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом, а, следовательно, совершение пособничества способом, не предусмотренным ч. 5 ст. 33 УК, не является преступным.

Вместе с тем необходимо учитывать проблему отграничения не только физического от интеллектуального пособничества, но и отграничения пособнических действий от действий организатора преступления. Позиция законодателя относительно вопроса признания организатором лиц, осуществляющих финансирование или сокрытие деятельности преступной организации, полностью не может быть поддержана. Такой подход включает в себя внутренний дисбаланс с общим подходом к определению того или иного вида соучастника, поскольку в одном случае (для ситуации преступной организации) финансирование и укрывательство признаются как организационная деятельность, а во всех других – как пособничество. Это, по мнению ученого, создает систему двойных стандартов, не имеющую права на существование в законе об уголовной ответственности.

Выводы. Несмотря на детальную законодательную регламентацию характера участия в преступлении (видов соучастников), судебная практика нередко испытывает сложности в оценке преступной роли субъектов совместного преступления, в частности пособничества [8]. Подводя итог, необходимо обратить внимание на сложности и неоднозначности доктринальных положений, развивающих учение о физическом и интеллектуальном пособничестве в науке уголовного права. Вместе с тем выяснение содержания отдельных форм пособничества имеет существенное значение для придания надлежащей уголовно-правовой оценки деяния пособника, поскольку разные формы содействия, как физического, так и интеллектуального, наделены разной степенью общественной опасности, поэтому это должно быть учтено при назначении лицу наказания за его пособнические действия.

Список литературы

1. Арутюнов А. Пособник преступления / А. Арутюнов // Закон и право. – 2002. – № 11.
2. Ершов С.А. Оценка регулирования пособничества в Особенной части УК РФ / С.А. Ершов // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. – 2014. – № 1 (27).
3. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении: Монография. – Екатеринбург, 1999.
4. Советское уголовное право. Общая часть : учеб. / [Н.А. Беляев, Р.Р. Галиакбаров, Н.П. Грабовская и др.]; под ред. Н.А. Беляева, М.И. Ковалева. – М: Юрид. лит., 1977.

5. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн.1. Учение о преступлении / Н. С. Таганцев. – СПб, 1880.
6. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П. Ф. Тельнов. – М, 1974. – 208с.
7. Ушаков А.В. О формах пособничества совершению преступления / А. В. Ушаков // Правоведение. – 1972. – №3. – С. 108-109.
8. Шарапов Р.Д. Пособничество преступлению: закон, теория, практика / Р.Д. Шарапов, Р.В. Минин // Известия АлтГУ. Юридические науки. – 2018. – № 6 (104). – С. 140-147.

УДК 342.4

Р.В. Мавлиханова, канд. юрид. наук, доцент, проректор по научной работе, инновационной деятельности и внешним связям, Донбасский государственный университет юстиции Минюста России (г. Донецк)
(e-mail: roza0106@list.ru)

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье представлены юридическая характеристика и анализ ключевых функций органов прокуратуры РФ, таких как надзор за соблюдением законов, судебное рассмотрение дел, уголовное преследование, координация деятельности. Детально проанализированы правовые средства прокурорской деятельности. Рассмотрены подходы по определению места прокуратуры в механизме государственной власти.

Ключевые слова: Прокуратура, функции прокуратуры, надзор, судебное рассмотрение дел, уголовное преследование, правоохранительная функция.

Mavlikhanova, R.V.

ON THE ISSUE OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article presents a legal description and analysis of the key functions and mechanisms of the prosecutor's office of the Russian Federation/ The legal means of prosecutorial activity are analyzed in detail. Approaches to determining the place of the prosecutor's office in the mechanism of state power are considered.

Key words: Prosecutor's office, functions of prosecutor's office, supervision, judicial review, criminal prosecution

Актуальность темы исследования. Актуальность темы обусловлена особым вниманием к правозащитной и правоохранительной функциям прокуратуры, которые рассматриваются через их назначение, состоящее не только в предупреждении и восстановлении нарушенных прав и свобод граждан, но и в обеспечении соответствия деятельности органов государственной власти и иных инстанций тем стандартам в области защиты прав и свобод человека, которые закреплены в Конституции РФ и иных

законах. В статье исследованы различные актуальные точки зрения на типологию функций прокуратуры и порядок их реализации.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретическую базу исследования составили научные труды С.А. Старостина, С.А. Осипяна, О.В. Воронина, В.Г. Глебова и т.д.

Цель статьи - проанализировать основные задачи и функции органов прокуратуры. Для достижения поставленной цели в процессе исследования были использованы методы диалектического, исторического, сравнительно-правового, формально-логического подходов к объекту познания. Применение этих методов обеспечило основу для теоретических и прикладных выводов.

Изложение основного материала. История становления, развития прокуратуры, трансформации процессуальной компетенции свидетельствует о важности для государства и граждан его функционирования. Собственно, зарождение прокуратуры было обусловлено необходимостью введения действенного предохранителя нарушениям законности и правопорядка, осуществления эффективной правовой защиты и охраны, а ее эволюция в разных государствах была обусловлена изменениями в создании государства, что и определило особенности правового статуса прокуратуры в разных странах. При этом правовой статус любого юридического лица – это юридическое положение, которое определяет права, обязанности и ограничения конкретного лица, группы лиц или юридического лица в рамках правовой системы. Правовой статус устанавливается на основе законов, норм и регуляций, которые действуют в определенной юрисдикции (территории или юридической системе).

Если говорить о конституционно-правовом статусе органов прокуратуры, то в Конституции Российской Федерации, как основном законе государства, имеется единственная статья 129, которая посвящена органам прокуратуры Российской Федерации. Обращает на себя внимание то, что указанная статья размещена в главе 7 «Судебная власть», что не подразумевает отнесение органов прокуратуры к судебной ветви власти [1]. Надо учитывать то, что органы прокуратуры нельзя однозначно относить ни к одной из ветвей государственной власти.

Органы прокуратуры образуют самостоятельную систему, не подчиненную ни одному из органов государственной власти. При этом неподчиненность не означает неподконтрольности: контроль за деятельностью прокуратуры проявляется, в частности, в установленном порядке наделения прокуроров полномочиями и освобождения их от должности и в судебном контроле за действиями и актами органов прокуратуры. Более детально правовой статус органов прокуратуры закреплен в Федеральном законе от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре РФ), а также в специальном законодательстве – процессуальном, избирательном, военном и т.д.

В соответствии со статьей 1 Закона о прокуратуре РФ закреплено, что прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная

система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. Также указанным Законом предусмотрено, что система органов прокуратуры – единая и централизованная. Все органы прокуратуры являются федеральными, субъекты Российской Федерации не имеют собственных органов прокуратуры и не вправе их создавать; все прокуроры назначаются на должность Генеральным прокурором Российской Федерации и подчинены ему, а также вышестоящим прокурорам.

Звеньями системы органов прокуратуры являются: Генеральная прокуратура Российской Федерации (возглавляемая Генеральным прокурором Российской Федерации); прокуратуры федеральных округов; прокуратуры субъектов Российской Федерации; районные, городские прокуратуры; специализированные прокуратуры (природоохранная, военная, транспортная) со своими подсистемами органов.

Генеральный прокурор назначается на должность сроком на пять лет и освобождается от должности Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации. Заместители Генерального прокурора назначаются на должность и освобождаются от должности также Советом Федерации, но по представлению Генерального прокурора Российской Федерации. Все остальные прокуроры назначаются на должность сроком на пять лет и освобождаются от должности Генеральным прокурором. Однако при назначении прокуроров субъектов Российской Федерации Генеральный прокурор связан необходимостью согласовать назначение с органами государственной власти соответствующего субъекта.

Для реализации своих функций, главная из которых – осуществление надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов на территории Российской Федерации, органы прокуратуры обладают рядом полномочий. Они могут обращаться в суды различных видов и уровней (в том числе, при определенных условиях – в Конституционный Суд Российской Федерации), а также использовать собственные средства прокурорского реагирования на нарушения законодательства, такие как:

- постановление (о возбуждении уголовного дела или производства об административном правонарушении);
- протест (приносится органу или должностному лицу, издавшему незаконный акт, или в суд, если прокурор не согласен с его решением; протест подлежит обязательному рассмотрению с незамедлительным (в десятидневный срок) сообщением результатов рассмотрения прокурору);
- представление (обращение прокурора к органу или должностному лицу об устранении допущенных нарушений закона; о результатах рассмотрения также должен быть проинформирован соответствующий прокурор);

- предостережение о недопустимости нарушения закона (объявляется в письменной форме при наличии сведений о готовящихся противоправных действиях).

В научной литературе есть предложения об осуществлении систематизации правовых средств прокурорской деятельности в соответствии с действующим в Российской Федерации законодательстве о прокуратуре по следующим классификационным признакам: 1) целью и направленностью на достижение: выявление нарушения законов; устранение нарушений законов, причин и условий, которые им способствовали; привлечение нарушителей законов к юридической ответственности; восстановление предыдущего состояния и/или обеспечение возмещения правонарушением вреда; предотвращение правонарушений; 2) формой выражения (проявление): правовые средства – действия прокурора; правовые средства – правовые акты [2, С. 6-7].

С учетом изложенного можно утверждать, что не все, но подавляющее большинство подданных систематизации правовых средств прокурорской деятельности можно отнести к процессуальным, то есть тем, применение которых осуществляется в процессуальной форме. В частности, это касается таких правовых средств, которые направлены на устранение нарушений законов; привлечение нарушителей к юридической ответственности; обеспечение возмещения вреда, причиненного правонарушением; выявление нарушений закона, причин и условий, которые им способствуют и т.д. Среди последней группы правовых средств, применение которых осуществляется в процессуальной форме, следует указать процедуры досудебного урегулирования спора в случае выявления прокурором оснований для участия в суде в интересах гражданина или государства.

Вместе с тем следует отметить, что подавляющее большинство правовых средств прокурорской деятельности применяется в порядке уголовного судопроизводства.

Что касается правовых средств прокурорской деятельности, которые нецелесообразно относить к реализуемым в процессуальной форме, следует отнести, например, некоторые меры, применяемые при осуществлении надзора за соблюдением законов при исполнении судебных решений по уголовным делам, а также при применении других мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы граждан. Так, при осуществлении надзора за соблюдением законов при исполнении судебных решений по уголовным делам, а также при применении других мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы граждан, прокурор имеет право:

- посещать места содержания лиц, в отношении которых применены соответствующие принудительные меры и меры, связанные с исполнением судебных решений по уголовным делам;
- опрашивать лиц, в отношении которых применены вышеуказанные меры;

- знакомиться с материалами, получать их копии, проверять законность приказов, распоряжений, других актов соответствующих органов и учреждений, и в случае несоответствия законодательству требовать от должностных лиц их отмены и устранения нарушений закона, к которым они привели, а также отменять незаконные индивидуальные акты действия;
- требовать от должностных лиц предоставления объяснений относительно допущенных нарушений, а также требовать устранения нарушений и причин и условий, которые им способствовали, привлечения виновных к предусмотренной законом ответственности;
- требовать проведения проверок.

Следует сразу указать, что действующим законодательством об органах прокуратуры Российской Федерации не предусмотрена форма документов правовых актов, принимаемых прокурором при реализации указанных выше прав. В связи с этим целесообразно внести дополнения в законодательство Российской Федерации об органах прокуратуры и установить форму соответствующих актов-документов, принимаемых прокурором и оформляющих правовое требование, а также юридическую ответственность за отсутствие реагирования или ненадлежащее реагирование на акты, вынесенные прокурором.

Также среди мер прокурорской деятельности, не относящихся к осуществляемым в процессуальной форме, целесообразно отнести меры прокурорского надзора за соблюдением законов органами, проводящими оперативно-розыскную деятельность. Такие мероприятия применяются при осуществлении проверки законности проведения оперативно-розыскных мероприятий и касаются реализации права знакомиться с оригиналами оперативно-розыскных документов и соответствующими журналами их регистрации и учета, по результатам проверки составлять в соответствии с правилами секретного делопроизводства справку; принимать меры по устранению выявленных недостатков и нарушений законов; требовать письменные пояснения от руководителей оперативных подразделений; предоставлять письменные указания о проведении оперативно-розыскных мероприятий [3, С. 66-67].

Следовательно, меры прокурорской деятельности, предусмотренные действующим законодательством о прокуратуре, можно систематизировать и по признаку принадлежности (или отсутствия принадлежности) процедуры реализации процессуальной формы: процессуальные и процедурные.

Раскрывая содержание и эволюцию процессуальной компетенции органов прокуратуры, в частности по уголовным делам, следует указать, что сегодня прокуратура продолжает выполнять в соответствии с действующими законами функцию надзора за соблюдением законов при исполнении судебных решений по уголовным делам, при применении других мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы граждан.

Постепенная трансформация органов прокуратуры функции общего надзора реализовалась повсеместно при Советском Союзе и была частично ограничена после его распада и образования новых независимых государств. В ряде государств – бывших республик Советского Союза, правовой статус и организация деятельности органов прокуратуры были реформированы в соответствии с их законодательством. Также было определено, что Генеральный прокурор РСФСР осуществляет наивысший надзор за точным и одинаковым исполнением законов. Однако с советских времен осталась смешанность функций прокуратуры: надзора за соблюдением законов и уголовного преследования лиц, совершивших преступление [4, С.13].

Принятие в ряде новых государств своих конституций, в которых, по сравнению с Конституцией СССР 1977 г., были сужены полномочия и задачи прокуратуры, что отвечало политико-правовым процессам, направленным на лишение примата императива государства.

Новелизация функций прокуратуры касается «сужения» сферы применения надзора, ограничиваясь наблюдением при применении принудительных мер и в уголовном и уголовно-исполнительном производстве.

Указывая направления дальнейшего реформирования прокуратуры, следует привести отдельные критические оговорки исследователей проблемы совершенствования организации деятельности прокуратуры. Да, есть позиции о необходимости выделения прокуратуры из системы досудебного следствия и возложению на нее только функций поддержания государственного обвинения в суде. Критикуя этот подход, М.П. Серый указывал на его производный характер от советской формы функционирования прокуратуры, которая предусматривала одновременное выполнение функций расследования преступлений, включая процессуальное закрепление доказательств и надзор за ними в полном объеме. По мнению М.И. Серого, «вне криминальной юстиции роль прокуратуры имеет характер исключения» [5, С. 28; 6, С. 6].

Выделенные дополнительные функции прокуратуры и критические положения исследователей реформирования прокуратуры свидетельствуют о необходимости дальнейшего поиска оптимальной модели функций прокуратуры, приемлемых для независимых государств постсоветского пространства и адаптированных к мировым стандартам. Современное состояние формирования функций прокуратуры отражает переходный период от постсоветской модели прокурорской деятельности к новациям, основанным на мировом опыте и европейских стандартах. При решении научной задачи по поиску оптимальной модели функций органов прокуратуры следует обязательно учитывать внешние и внутренние факторы, влияющие на формирование функций. Среди внешних факторов следует назвать прежде всего геополитические, которые влияют на развитие России как демократического государства, тенденции формирования внешнеполитической среды, существующие вызовы национальной безопасности и независимости государства. Указанные внешние факторы влияют на выбор модели системы прокуратуры, определение места прокуратуры в системе государственных

органов, то есть на институциональное построение прокуратуры. Внутренние причины касаются: государственных традиций функционирования прокуратуры; системы законодательства, нормы которого регулируют деятельность прокуратуры; существующей системы гарантий законности и степени ее эффективности; места прокуратуры в данной системе гарантий законности; состояния соблюдения законности и правопорядка в государстве; степени эффективности функционирования системы правоохранительных органов и возможности выполнения ими задач и функций, возложенных на них действующим законодательством; способности со стороны государства установить и реализовать надлежащие гарантии независимости прокурора при исполнении служебных полномочий и т.д. В сущности, внутренние факторы влияния на формирование модели прокуратуры, определение круга ее функций касаются ее институционально-организационного и структурно-функционального построения.

Исследователи проблемы определения модели функционирования прокуратуры выделяют несколько самостоятельных моделей:

- принадлежность прокуратуры к структуре Министерства юстиции и возможность при этом принадлежности к составу органов судопроизводства и к судебному корпусу (США, Франция, Бельгия, Нидерланды, Дания, Польша, Румыния, Израиль, Япония, Эстония, Сирия). Разница между службой атторнеев (США) и компетенцией прокуратуры стран Европы состоит в отсутствии у атторнеев функции надзора за законностью и строгой иерархии в организации их деятельности [7, С. 220-222];
- принадлежность прокуратуры к составу судебной системы и нахождение в судах или использование административной автономии в системе судоустройства (Испания, Колумбия, Болгария, Латвия);
- принадлежность прокуратуры к самостоятельной системе, подотчетной парламенту или главе государства (Вьетнам, КНР, КНДР, Куба, Лаос, то есть страны социалистические и постсоциалистические, для которых характерен общий надзор прокуратуры за законностью);
- страны, в которых отсутствует прокуратура или аналогичные по назначению структуры (Великобритания, в которой атторнеи выступают в необходимых случаях в качестве обвинителей, а Генеральный атторней возглавляет адвокатский корпус).

В иностранной литературе отмечается наличие четырех научных подходов, которые отстаивают отечественные ученые по определению места прокуратуры в механизме государственной власти:

- 1) прокуратура как институт исполнительной власти;
- 2) как институт законодательной власти;
- 3) как самостоятельная, контрольно-надзорная ветвь власти;
- 4) как самостоятельный институт в системе судебной власти [8, С. 282].

По мнению отечественных ученых-юристов, прокуратура является особым государственным институтом, который имеет как правоохранительное, так и праворегулирующее влияние, что не дает оснований ее включения в какую-либо ветвь государственной власти [9, С. 313-315]. Также есть позиция, согласно которой основным направлением деятельности органов прокуратуры является гарантирование действенных правовых средств охраны законных прав, интересов граждан, юридических лиц, государства и общества, обусловленность социальной роли прокуратуры. В связи с этим социальная роль, которая возлагается на прокуратуру России, обуславливает необходимость ее функционирования как самостоятельной структуры государственной власти, которая не подчинена органам ни исполнительной, ни судебной власти [7, С. 222-224].

Однако научный подход, по которому прокуратура не принадлежит к какой-либо ветви государственной власти, вытекает, в первую очередь, из анализа тех функций, которыми была наделена прокуратура того времени, а соответствующий правовой статус прокуратуры и компетенция прокурора обусловлены спецификой функционирования механизма государства и необходимостью обеспечения действенности и результативности гарантий законности, осуществления правовой защиты прав и свобод физических лиц, прав и законных интересов юридических лиц. Целесообразность определения прокуратуры как особого государственного института не вызывает сомнения, учитывая прежде всего установление ее функций Конституцией, сущность ее деятельности и место в механизме государства. Вместе с тем, отстаивание подхода, по которому прокуратура не должна принадлежать к определенной ветви государственной власти, уместна только в отдельных условиях, прежде всего, связанных со спецификой функционирования механизма государства в определенный период, закрепленной Основным Законом, целью деятельности органов государственной власти и сформированным соответственно к объективным потребностям развития общества, предоставлением приоритетов государственной политики правовым основам взаимоотношений между органами государственной власти и местного самоуправления.

Правовой статус прокуратуры, ее функции в мире преимущественно связаны с судебной властью, особенно учитывая традиционность статуса прокурора как обвинителя или представителя в судебном процессе в интересах государства, в связи с чем очевиден подход, предусматривающий признание принадлежности прокуратуры к судебной власти. Относительно отнесения прокуратуры к самостоятельной контрольно-надзорной ветви власти, истоки такого подхода вытекают прежде всего из наличия у прокуратуры функции общего надзора и широкого круга полномочий по осуществлению такого надзора в разных сферах жизнедеятельности общества.

Предоставление прокуратуре полномочий по осуществлению общего надзора выступало, с одной стороны, гарантией законности, однако осуществление такого надзора связано с нарушением основ демократии. Вместе с тем, не следует обходить существующие в то же время особенности

урегулирования правового статуса субъектов, наделенных властными полномочиями, низкую результативность функционирования механизма «сдержек и противовесов». Такой механизм должен предусматривать эффективные меры и средства ответственности субъектов властных полномочий за нарушение законности при выполнении функций, возложенных на них действующим законодательством. Фактически таким сдерживающим фактором выступала деятельность прокуратуры по осуществлению всеобщего надзора.

Выводы. Именно прокуратуру как «четвертую власть» и инструмент сдерживания и противовесов ветвей власти рассматривал Ю.М. Денежный [10, С. 36-37].

Однако генезис конституционных реформ в России доказал нецелесообразность функционирования такого механизма сдерживаний и противовесов в деятельности субъектов властных полномочий, когда имеют место низкая эффективность мер и средств юридической ответственности субъектов властных полномочий и функция общего надзора прокуратуры как сдерживающий фактор нарушений законности.

Следует отметить, что предназначение прокуратуры как защитника прав, свобод, законных интересов граждан характерно для социалистических и постсоциалистических государств. Бытует мнение, что именно такое назначение прокуратуры определяется недостаточным уровнем возможности существующих государственных органов, в том числе и органов контроля, восстановить законность. С такой позицией согласиться нельзя, поскольку органы прокуратуры наделяются соответствующими полномочиями, позволяющими оказывать немедленное влияние на факты нарушения законности, выявлять и опротестовывать акты, нарушающие права и свободы граждан.

По сути, исходя из указанного, можно сделать вывод о том, что роль органов прокуратуры как правозащитного органа предусматривает и правоохранительную направленность ее деятельности, осуществляемую в рамках функции надзора в четко определенных законом пределах и в отношении определенных органов – осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, дознание, досудебное следствие, а также деятельности, связанную с применением мер принуждения и при исполнении судебных решений по уголовным делам.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», от 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Воронин О.В. Современное понимание понятий «правовые средства прокурорского надзора» и «формы реализации правовых средств

- прокурорского надзора» / О.В. Воронин // Вестник Томского государственного университета / Право, 2021, № 39. – С. 5-12.
3. Глебов В.Г. Прокурорский надзор: учебное пособие / Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы» / В.Г. Глебов. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. – 90 с.
 4. Давыденко Л.М. Цель, задачи и функции прокуратуры: краткие тезисы докладов и научных сообщений / Л.М. Давыденко. – Х., 1992. – С. 10-13.
 5. Случевский В.Л. Учебник русского уголовного процесса. СПб.: Тип. Стасюлевича. 1913. – 686 с.
 6. Серый М. Не «глаз государев», а защитник публичного интереса. Современные перспективы реформы прокуратуры. Зеркало недели. – 2009. 23 мая. – С. 6.
 7. Правовое обеспечение государственного управления и исполнительной власти / под. Ред. С.А. Старостина. – М.; Проспект, 2017. – 336 с.
 8. Прилуцкий С.В. Введение в теорию судебной власти (Общество. Правосудие. Государство): монография. К.: Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины, 2012. – 317 с.
 9. Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник / О.Е. Кутафин, Е.И. Козлов. – М.: Проспект, 2019. – 592с.
 10. Денежный Ю.М. Избранные труды. [Составители: О.В. Каплина, В.И. Маринов]. Х.: Право, 2012. – 656 с.

УДК 343.9

Н.С. Мироненко, аспирант, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: nikita_mironenko@mail.ru)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье проанализированы теоретические и практические основы деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений с позиций современных достижений криминологической науки. Определено, что важным показателем эффективности предупреждения преступности является научно обоснованное соотношение сил и средств органов внутренних дел относительно фактических результатов борьбы с преступностью. Определение эффективности деятельности по предупреждению преступлений невозможно без объективного отражения уровня преступности, что требует предотвращения латентной преступности и наиболее опасной ее формы – укрывательство преступлений.

Ключевые слова: органы внутренних дел, преступность, предупреждение преступности, эффективность.

Mironenko N.S.

THE EFFECTIVENESS OF THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES FOR THE PREVENTION OF CRIMES

The article analyzes the theoretical and practical foundations of the activities of the internal affairs bodies for the prevention of crimes from the standpoint of modern achievements of criminological science. It is determined that an important indicator of the effectiveness of crime prevention is a scientifically based balance of forces and means of the internal affairs bodies relative to the actual results of the fight against crime. It is impossible to determine the effectiveness of crime prevention activities without an objective reflection of the crime rate, which requires the prevention of latent crime and its most dangerous form – the concealment of crimes.

Key words: *internal affairs bodies, crime, crime prevention, efficiency.*

Актуальность. Криминологическая теория вместе с родственными правовыми и социальными науками должна комплексно исследовать проблему деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, поскольку специальных исследований по этому вопросу недостаточно. Предупреждение преступности в современных условиях – это наиболее реальный вклад органов внутренних дел в содействие политической реформе, экономическим и социальным преобразованиям в государстве.

Актуальность и практическая значимость данного исследования обуславливается также процессом изменений в законодательной базе Российской Федерации, накоплением материалов современной теории и практики деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений.

Анализ научных исследований. Вопросы, связанные с разработкой проблем предупреждения преступности, исследовались в трудах отечественных ученых: Г.А. Аванесова, А.А. Герцензона, Я.И. Гилинского, Ю.Ф. Гладыря, И.Н. Даньшина, П.С. Дагеля, А.И. Долговой, А.Ф. Зелинского, Н.И. Коржанского, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского, А.Б. Сахарова, Н.П. Яблокова и других специалистов. В многочисленных трудах по уголовному праву и криминологии рассматривались общие вопросы теории предупреждения преступности, предупреждения отдельных ее видов, наработан значительный массив рекомендаций и предложений по этой проблематике.

Цель исследования. Изучение теоретических и практических основ деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений с позиций современных достижений криминологической науки, определение эффективности мер предупреждения преступности.

Изложение основного материала. Эффективность – универсальная категория, используемая во многих специфических сферах социальной деятельности и, в частности, в правоохранительной деятельности. Поэтому естественно, нельзя обойти стороной определение эффективности деятельности по предупреждению преступлений органами внутренних дел, ведь важно иметь представление о результатах ее реализации.

Исследование данной проблемы в значительной степени зависит от определения понятия эффективности, которое толкуется специалистами юридических наук неоднозначно или отождествляется с понятиями «оптимальность» «полезность», «экономичность», «результативность», «действенность» и др.

Эффективность рассматривается как соотношение между фактическим результатом определенных действий, социальными идеями, для достижения которых они выполняются [4, С. 30]. Незначительные отличия имеет другая конструкция, согласно которой эффективность – это понятие, которым характеризуется основанная на законе деятельность правоприменителя, направленная на достижение социально значимых целей, сформулированных в законе [1, С.116].

Следовательно, при рассмотрении вопросов, связанных с данной проблемой, можно констатировать, что эффективность – это соотношение между поставленной целью и результатом деятельности по ее достижению, которое может предусматривать многоплановость поставленной цели, и помимо общего понятия должно учитывать особенности и специфику соответствующей сферы деятельности.

Особенности конкретного вида деятельности требуют учета определенных уточнений или дополнительных признаков понятия эффективности, ведь следует учитывать, что попытки сформулировать ее единое универсальное определение не всегда могут быть удачными, поскольку для отдельной отрасли трудно определить общую эффективность [8, С. 12].

Таким образом, определяя понятие эффективности деятельности по предупреждению преступлений как соотношение между результатом и социальными целями, для достижения которых они были приняты, предполагается отождествление эффективности с результативностью, поскольку социальная цель каждой отдельной составляющей предупреждения подводит к единой социальной цели всех мер, которые традиционно определяются как снижение уровня преступности в государстве.

Такой подход означает, что влиять на преступность без учета экономических, политических и других социальных процессов практически невозможно. Преступность, «наряду с другими формами социальной патологии, имеет общие социальные причины, заключающиеся в сложной иерархии противоречий общественного развития: между универсальностью человеческой деятельности и ее социальной формой; между совокупностью реальных людей с их личностными способностями и социальной структурой общества; уровнем развития производственных отношений; социально сформированными потребностями людей и социально обусловленными возможностями их удовлетворения» [3, С. 30].

Для эффективного, научно обоснованного противодействия преступности необходимы полные и точные знания о действительном состоянии этого явления, что, в свою очередь, требует постоянного обновления

сведений об уровне, структуре, динамике преступности, а также лицах, которые совершают преступления [6, С. 76].

На общесоциальном уровне предупреждение преступности осуществляется в результате сочетания правовых, экономических, политических, идеологических, организационных и других мероприятий, не имеющих своим специальным назначением борьбу с преступностью и предупреждение преступлений. Данный вид предупреждения выступает как средство, с помощью которого в обществе должен снижаться уровень преступности [7, С. 150].

Опыт показывает, что улучшение криминологической ситуации в борьбе с преступностью является явлением не постоянным, а скорее временным, и наблюдается одновременно не в масштабах всего государства, а, как правило, в отдельных регионах, что не всегда находится в прямой зависимости от активизации применения органами внутренних дел профилактических мер.

Очевидно, что практически невозможно охватить всю страну глобальной профилактической сетью для предотвращения неправомερных действий каждого человека или группы людей. Криминологические исследования доказывают, что во многих случаях совершение преступлений зависит от конкретной жизненной ситуации, которую не всегда можно предвидеть и вовремя принять меры по ее урегулированию.

Отдельные специалисты считают определяющим критерием эффективности борьбы с преступностью степень предупреждения рецидива. По этому поводу Б.С. Никифоров отмечает, что для сторонников одного из взглядов отсутствие рецидива не является достаточным показателем эффективности, но наличие рецидива доказывает его неэффективность. Сторонники другого подхода рассматривают отсутствие рецидива как один из показателей предупреждения [9, С. 8-9]. На наш взгляд, утверждение относительно условности признания рецидива как главного критерия эффективности наказания является вполне логичным. Преступность – исторически изменчивое явление, которое зависит от взаимодействия объективных и субъективных факторов, а наказание – это лишь один из них, при этом, как и уголовное право в целом, оно принадлежит к числу вспомогательных факторов влияния на преступность [9, С. 5].

Достижение эффективности предупредительной деятельности органов внутренних дел в борьбе с преступностью требует комплексного подхода. Ключевыми факторами эффективности такой деятельности органов внутренних дел должны быть: обоснованное применение соответствующих мер в борьбе с преступностью и, прежде всего, исключение фактов незаконного их применения к гражданам (административной и уголовной ответственности, уголовно-процессуального принуждения и т.п.); искоренение фактов нарушения принципа неотвратимости ответственности и необоснованного освобождения от уголовной ответственности.

Указанные компоненты определяют основной результат эффективности профилактических мероприятий. Если в текущем периоде возрастет количество

лиц, незаконно привлеченных к уголовной ответственности, а процент противоправных деяний, которые останутся без внимания уголовного закона, будет ниже, чем в предыдущем периоде, это указывает на то, что эффективность предупредительной деятельности по сравнению с предыдущим периодом будет ниже, следовательно нуждается в совершенствовании.

Для определения эффективности мер в борьбе с преступностью необходимо установление соотношения показателей криминальной статистики предыдущего и текущего периодов относительно обобщенных фактов незаконного привлечения лиц к уголовной ответственности и виновных, которые не были подвергнуты на законных основаниях к такому воздействию. Ведь эффективность деятельности по предупреждению преступлений требует достижения такого уровня совершенства этих мер, который максимально исключает условия для незаконного привлечения или безосновательного освобождения лиц от уголовной ответственности.

Отсюда существует определенная взаимосвязь: с одной стороны, нельзя допускать фактов незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности, а с другой – ни один факт совершения преступления не должен оставаться без внимания органов внутренних дел. Установление фактов незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности, нарушение принципа неотвратимости ответственности помогает определению эффективности мер в предупреждении преступности. Сравнивая данные криминальной статистики по названным критериям в прошлом и текущем периодах, можно определить уровень эффективности профилактики.

Эффективность мер в предупреждении преступлений зависит от совершенства: системы нормативно-правового регулирования; деятельности органов внутренних дел и их служебных лиц по применению мер воздействия на преступность; периодической оценки и определения путей повышения уровня борьбы с преступностью; управленческих и организационно-правовых решений по совершенствованию механизма борьбы с преступностью. Каждое из указанных направлений становится реальностью под влиянием значительного количества социальных, экономических, политических, демографических и других факторов жизнедеятельности общества.

Предупреждение преступлений является составляющей криминологической политики, реализация которой начинается с правотворческой деятельности по нормативно-правовому обеспечению борьбы с преступностью [10, С. 52]. В первую очередь это система норм, регулирующая уголовно-правовую борьбу с преступностью, которая распределяется на нормы, определяющие круг деяний, которые признаются преступными, содержание уголовно-правовых средств борьбы с ними, основания и условия применения указанных средств; нормы, определяющие порядок применения уголовно-правовых средств борьбы с преступностью; нормы, определяющие систему правоохранительных органов, осуществляющих уголовно-правовое влияние на преступность, их компетенцию и порядок взаимодействия.

Совершенствование системы органов внутренних дел осуществляется с целью реализации предусмотренных законом мер воздействия на преступность [5, С. 24]. Применение ими таких мер происходит путем выявления оснований, объектов, выбора форм и средств воздействия (с процессуальным оформлением такой деятельности, если в этом нуждается закон), социально-правовой оценки реакции объектов влияния и других его последствий с закреплением этой оценки в процессуальных актах.

Если существует альтернатива применению мер, предпочтение целесообразно отдать тем, которые имеют превентивный характер. Выбор средств и их соответствие зависит от обстоятельств конкретного дела и тех возможностей, которые имеют работники органов внутренних дел.

Управленческие решения органов государственной власти также влияют на задачи, методы, силы и средства совершенствования борьбы с преступностью. Они должны учитывать: оценку предложений по способности повышения эффективности борьбы с преступностью и их научную обоснованность; определение целесообразности предлагаемых мер, учитывая соотношение положительного влияния на преступность и возможных затрат от их применения; определение экономической и политической возможности реализации решения.

Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев на XIV Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию отметил: «полагаем, что в совместной работе по предупреждению преступности следует учитывать национальное законодательство, роль государства, его компетентных органов и гражданского общества» [2].

На принятие управленческих решений по совершенствованию предупреждения преступлений влияет ряд объективных и субъективных факторов, поэтому возможно принятие решения, отвечающего объективным потребностям эффективной борьбы с преступностью, или малоэффективного или вообще неэффективного, которое проверяется по результатам его внедрения.

Итак, борьба с преступностью – это активная деятельность, направленная на защиту жизненно важных интересов человека, общества и государства от преступных посягательств, которая включает в себя предупреждение преступлений, охрану общественного порядка, реагирование на преступное поведение мерами, предусмотренными законом, применение средств уголовно-правового воздействия в отношении лиц, виновных в совершении преступлений.

В 70-х годах XX столетия, наряду с теоретическими подходами определения эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности, особое внимание привлекла к себе проблема, связанная с критериями оценки эффективности деятельности органов внутренних дел. Анализ отечественных и зарубежных источников показал, что единые критерии так и не выработаны.

Многочисленность и сложность функций служб и подразделений органов внутренних дел дает основания полагать, что они трудно поддаются количественной оценке, хотя для такой оценки предлагаются разнообразные факторы: от скорости прибытия полиции на место происшествия до учета деятельности прокуратуры, суда и пенитенциарной системы. В отдельных направлениях деятельности по предупреждению преступлений для измерения эффективности предупредительных мер предлагается система показателей индикаторов.

Обобщение в процессе исследования существующих подходов и критериев оценки деятельности полиции Китая и других стран мира показывает, что наиболее распространенными критериями определения эффективности деятельности органов внутренних дел и, в частности предупреждения преступлений, являются следующие: уровень преступности; уровень раскрытия преступлений; соблюдение законности; уровень соблюдения общественного порядка; уровень предупреждения преступлений; количество дел, завершаемых производством досудебным следствием; уровень выполнения профессиональных функций; оптимальное использование ресурсов; скорость реагирования на происшествия; надежность охраны объектов; количество жалоб на полицию; служебная нагрузка на работника полиции, которую он выполняет; имидж полиции в глазах общественности; оценка жертвами преступлений уровня правоохранительной деятельности; результативность оперативно-розыскной деятельности; уровень взаимодействия милиции с общественностью.

При этом следует отметить, что для определения эффективности деятельности полиции практически всегда учитывается такой показатель, как раскрытие преступлений, но поскольку он учитывается интегративно с другими показателями, проблема укрытия преступлений в большинстве стран мира не является столь актуальной.

Очевидно, что система оценки показателей деятельности органов внутренних дел, существовавшая во времена советской эпохи, характеризовала, главным образом, внешние признаки предупредительной деятельности милиции, что вполне удовлетворяло потребности партийного и государственного руководства СССР.

Сегодня проблема определения эффективности правоохранительной деятельности органов внутренних дел и их функций, и, в частности, предупреждения преступлений, требует отдельного углубленного исследования, и особенно – измерения качественной характеристики этой деятельности. На наш взгляд, степень положительной оценки деятельности органов внутренних дел решающим образом зависит от эффективности обеспечения общественного порядка, предупреждения преступлений, надежной охраны человека в обществе.

Таким образом, эффективность деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений предусматривает, прежде всего, исключение незаконного применения к гражданам административной и уголовной

ответственности; искоренение фактов нарушения принципа неотвратимости ответственности, необоснованного освобождения от уголовной ответственности.

Определение эффективности деятельности по предупреждению преступлений невозможно без объективного отражения уровня преступности, что требует предотвращения латентной преступности и наиболее опасной ее формы – сокрытия преступлений.

Эффективность профилактического воздействия можно определить лишь по корреляции эмпирических показателей, если такая корреляция не искажена непредвиденными социальными явлениями. Определение эффективности средств противодействия преступности, которые не поддаются количественной конкретизации, возможно выяснить на основании экспертных оценок и изучения общественного мнения.

Важным показателем эффективности предупреждения преступности является научно обоснованное соотношение сил и средств органов внутренних дел относительно фактических результатов борьбы с преступностью.

Обобщение существующих подходов в оценке деятельности полиции показывает, что наиболее распространенными критериями определения эффективности их деятельности и, в частности по предупреждению преступлений являются следующие: общий уровень преступности; показатель раскрытия преступлений; соблюдение законности; соблюдение общественного порядка; предупреждение преступлений; количество дел, завершенных производством досудебным следствием; качество выполнения профессиональных функций; оптимальное использование ресурсов; скорость реагирования на преступления; надежность охраны объектов; количество жалоб на действия полиции; служебная нагрузка на работника полиции; имидж полиции среди населения; оценка потерпевшими от преступлений качества правоохранительной деятельности; результативность оперативно-розыскной деятельности; уровень взаимодействия полиции с общественностью.

Выводы. Эффективность деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений предусматривает: исключение незаконного применения уголовной ответственности или освобождение от такой ответственности. Определение эффективности деятельности по предупреждению преступлений требует объективного отражения состояния преступности, то есть предотвращения латентных деяний: сокрытия преступлений от регистрации; переадресования сообщений о преступлениях или нераскрытых уголовных дел в другой орган; незаконный отказ в возбуждении уголовного дела; повышение процента раскрытия путем переноса сроков регистрации преступлений; регулирование показателей раскрытия за счет малозначительных очевидных преступлений; незаконное прекращение уголовных дел и тому подобное.

Определение эффективности мер противодействия преступности, которые не поддаются количественной конкретизации, возможно выяснить на основании экспертных оценок и изучения общественного мнения. Важным

показателем эффективности предупреждения преступности является соотношение сил и средств органов внутренних дел относительно фактических результатов борьбы с преступностью.

Список литературы

1. Барабаш А.С. Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования (ст. ст. 62-9 УПК РСФСР) / А.С. Барабаш, Л.М. Володина; под ред. И.Е. Карасева. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1986. – 151с.
2. Владимир Колокольцев выступил на XIV Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию / XIV Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию 7–12 марта 2021 года, Киото [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/news/item/23344408/> – (дата обращения: 10.08.2023).
3. Гишинский Я.И. Методологические проблемы социологического исследования преступности / Я.И. Гишинский // Криминология и уголовная политика. – М.: «Юрид. лит.», 1985. – С. 28–30.
4. Глазырин В.В. Эффективность правовых норм / В.В. Глазырин, В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко. – М.: Юрид. лит., 1980. – 280 с.
5. Криминология : Учебник для юрид. вузов / Под. общ. ред. д-ра юрид. наук проф. А.И. Долговой. – М., 1999. – 384 с.
6. Мироненко Н.С. Понятие и основные криминологические черты тяжкой насильственной преступности против жизни и здоровья личности / Н.С. Мироненко, В.И. Козюберда // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – Донецк, 2021. – № 19. – С. 72-80.
7. Мироненко С.Ю. Понятие и методы виктимологического предупреждения преступности / С.Ю. Мироненко // Виктимология. – Челябинск, 2021. – Т. 8. – № 2. – С. 149-155.
8. Наумов А.В. О понятии правоприменительной эффективности уголовного закона / А.В. Наумов, Ю.А. Красиков // Вестник Московского государственного университета. – 1991. – № 2. – С.12–15.
9. Никифоров Б.С. К вопросу об изучении эффективности уголовно-правовых мер борьбы с преступностью / Б.С. Никифоров. – М.: Юрид. лит., 1968. – 127 с.
10. Хохлаков Г.В. Криминология : Учебник / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М., 1999. – 215 с.

УДК 341.337.4

С.Ю. Мироненко, канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: mironenko-2009@mail.ru)

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАПРЕЩЕННЫХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

В статье исследуются проблемы непосредственного объекта применения запрещенных средств и методов ведения войны. Акцентируется внимание на том, что непосредственный объект применения запрещенных средств и методов ведения войны имеет важное значение для выделения квалифицированных составов этого преступления. Квалифицирующим признаком применения запрещенных средств и методов ведения войны (ч. 1 ст. 356 УК) является объединение его с применением оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации (ч. 2 ст. 356 УК). Если речь идет об одном и том же преступлении, то оно должно иметь единый объект, независимо от разделения его на простые и квалифицированные составы. Следовательно, применение запрещенных средств и методов ведения войны как в простом, так и квалифицированном виде должен иметь один и тот же непосредственный объект.

Ключевые слова: запрещенные средства и методы ведения войны, объект преступления, непосредственный объект.

Mironenko, S.Yu.

THE DIRECT OBJECT OF THE USE OF PROHIBITED MEANS AND METHODS OF WARFARE

The article examines the problems of the direct object of the use of prohibited means and methods of warfare. Attention is focused on the fact that the direct object of the use of prohibited means and methods of warfare is important for identifying qualified elements of this crime. The qualifying sign of the use of prohibited means and methods of warfare (Part 1 of Article 356 of the Criminal Code) is its association with the use of weapons of mass destruction prohibited by an international treaty of the Russian Federation (part 2 of Article 356 of the Criminal Code). If we are talking about the same crime, then it must have a single object, regardless of its division into simple and qualified compounds. Consequently, the use of prohibited means and methods of warfare, both in a simple and qualified form, must have the same direct object.

Key words: prohibited means and methods of warfare, the object of the crime, the immediate object.

Актуальность. Объект преступления играет важную роль при квалификации преступления, он является обязательным признаком состава преступления. Правильное установление объекта преступления обеспечивает точное определение тех общественных отношений, которые поставлены под угрозу причинения вреда или которым причинен вред от преступного деяния. Специфические особенности, социально-политическое содержание применения

запрещенных средств и методов ведения войны определяются прежде всего его непосредственным объектом, под которым понимается составная часть общественных отношений, которая принадлежит соответствующему родовому объекту преступлений определенной группы. Это также означает, что непосредственный объект выявляет собой те конкретные общественные отношения, которые поставлены законодателем под охрану определенной статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и которым причиняется вред или создается угроза ее причинения преступлением, подпадающим под признаки этого состава.

Анализ научных исследований. Исследованию объекта преступления, его значению в составе преступления посвящены труды таких ученых: Н.И. Коржанского, А.Н. Круглевского, Г.П. Новоселова, В.Н. Винокурова, Н.В. Вишнякова, Н.В. Вишнякова и др. Исследованием применения запрещенных средств и методов ведения войны занималось немало ученых-правоведов, как отечественных, так и зарубежных. Рассмотрением правовых вопросов, связанных с применением запрещенных средств и методов ведения войны, в той или иной степени в разное время занимались: Р.А. Адельханян, И.Н. Арцибасов, В.П. Емельянов, В.Н. Кудрявцев, И.И. Карпец, Н.Ф. Кузнецова, Д.Б. Левин, Ф.Ф. Мартенс, Б.С. Никифоров, А.А. Пионтковский, А.А. Пинаев, Ю.А. Решетов, А.Н. Савенков, А.Н. Трайнин, Г.И. Тункин, И.Я. Фойницкий, В.В. Фуркал, А.И. Чучаев, В.М. Чхиквадзе, и другие.

Цель исследования. Основная цель исследования заключается в определении и анализе признаков непосредственного объекта применения запрещенных средств и методов ведения войны.

Изложение основного материала. В уголовно-правовой науке доминирует позиция, согласно которой объектом преступления признаются общественные отношения, которым преступлением причиняется вред или создается угроза причинения такого вреда. Такое определение является общим и в целом соответствует тем требованиям, которые ставит наука уголовного права, поскольку таким благом могут выступать общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Относительно состава любого преступления объект должен отвечать на следующие основные вопросы: по поводу чего совершается посягательство; на что посягает преступник; кому он этим наносит или может нанести вред.

Следует также уточнить, что на вышеупомянутые вопросы должен, по нашему мнению, отвечать непосредственный объект преступления. Что касается родового объекта, то мы вполне согласны с позицией Е.А. Фролова, который считал, что родовой объект имеет тройное значение: он позволяет классифицировать преступления по определенным группам, способствует выяснению характера общественной опасности преступных деяний, входящих в каждую группу, и предоставляет возможность разместить законодательный материал в определенной системе, которая подчинена единому объективному критерию. Кроме того, родовой объект позволяет правильно определить в системе уже действующего законодательства место вновь созданных уголовно-правовых норм,

предусматривающих ответственность за те или иные преступные посягательства [10, с. 203].

Исследуя проблему объекта преступления, учеными было выдвинуто много идей. Объектом предлагалось называть материальные и нематериальные социальные образования и тому подобное.

Первым по времени возникновения в теории уголовного права является объяснение объекта преступления как «субъективного права». Представители этой теории объектом преступления считали субъективные права человека. Возникновение теории «субъективного права» было обусловлено революционными событиями в Западной Европе в XVIII веке, когда высшей социальной ценностью был объявлен человек и его естественные (субъективные) права. Наиболее последовательно это учение нашло свое отражение в трудах немецкого юриста Фейербаха. Далее оно постепенно развивалось и менялось, а субъективные права, во взглядах ученых того времени, превращались в саму личность.

Для практического применения такого элемента, как объект преступления, учитывая учение о составе преступления, необходимо чтобы он отвечал на вопрос: «на что посягает преступник?». Только понятие общественных отношений может, по нашему мнению, в полном объеме ответить на этот вопрос. Достаточно длительное время доминирование анализируемого понятия в теории уголовного права убедительно доказывает его пригодность для дальнейшего практического применения. Хотя общественные отношения являются социальной категорией, однако именно в них уголовное право находит совокупность ценностей, по поводу которых совершается преступное деяние; благ, на которые при этом посягает преступник; участников отношений, которым причиняется вред указанными посягательствами, и законных интересов, требующих уголовно-правовой охраны.

Классификация объектов в зависимости от уровня обобщения является трехступенчатой. Выделяют общий, родовой (групповой) и непосредственный объекты преступления.

Общий объект преступления – это совокупность общественных отношений, находящихся под охраной действующего уголовного закона [2, С. 69-72]. Им охватываются различные по социальной значимости сферы действия и уровни обобщенности общественных отношений.

Под родовым (групповым) объектом преступления понимают объект, которым охватывается определенный круг тождественных или однородных по своей социальной и экономической сути общественных отношений, которые в силу этого должны охраняться единым комплексом взаимозависимых уголовно-правовых норм. Родовым объектом преступлений против мира и безопасности человечества считаются общественные отношения, обеспечивающие мир и безопасность человечества. То есть отношения, которые обеспечивают соблюдение норм международного права, которые охраняют основы существования государств и народов, а также соблюдение основных принципов международного мира и безопасности (принцип мирного сосуществования государств, неприменения силы, неприкосновенности границ, территориальной целостности, самоопределения народов и невмешательства во внутренние дела государства, уважения прав человека

и добросовестного выполнения международных обязательств) и которые в целом обеспечивают мирное урегулирование споров и разрешение конфликтов между народами и государствами, охраняют безопасные условия существования человечества.

Непосредственным объектом преступления являются те конкретные общественные отношения, которые поставлены законодателем под охрану определенной статьи Особенной части УК и которым причиняется вред преступлением, подпадающим под признаки конкретного состава. В теории уголовного права широко известна классификация объектов «по горизонтали». Непосредственный объект бывает основным и дополнительным, последний в свою очередь, подразделяется на два вида – дополнительный обязательный и дополнительный факультативный. Необходимость приведенной классификации возникает в том случае, когда предусмотренное уголовным законом преступление одновременно наносит или может нанести вред двум и более непосредственным объектам. Основным непосредственным объектом всегда находится в плоскости родового объекта. Дополнительным непосредственным объектом являются только те общественные отношения, которым всегда наносится вред (дополнительный обязательный объект) или же возникает угроза причинения такого вреда (дополнительный факультативный объект). Важно подчеркнуть, что таким объектом могут быть только те отношения, которые находятся под охраной уголовного закона, то есть определены как объект самим законодателем.

Некоторые ученые считают, что непосредственным объектом применения запрещенных средств и методов ведения войны является мир между государствами и народами, или мирное сосуществование государств [9, С. 492]. Однако, на наш взгляд, считать ли мир между государствами и народами как непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ, является вопросом спорным. Во-первых, из-за того, что ст. 356 УК РФ устанавливает уголовную ответственность не за нарушение мира, а за применение запрещенных средств и методов ведения войны, когда такие нарушения уже происходят во время вооруженного конфликта, когда мир был нарушен другими действиями, или же без нарушения мира в ходе освободительной войны. Во-вторых, международное уголовное право не относит те виды применения запрещенных средств и методов ведения войны, которые предусмотрены ст. 356 УК РФ, к преступлениям против мира. Прежде всего такие действия относятся к военным преступлениям [1].

Анализ положений УК РФ по установлению ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны свидетельствует о том, что применение запрещенных средств и методов ведения войны, как и некоторые другие преступные деяния, непосредственно могут быть направлены против двух или более общественных отношений. Так, диспозицией ст. 356 УК определено, что применением запрещенных средств и методов ведения войны являются: жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением; депортация гражданского населения; разграбление национального имущества на оккупированной территории; применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации.

Следовательно, в таком случае одно общественное отношение выступает как основной (главный) непосредственный объект, а другие – как дополнительные непосредственные объекты (обязательные или факультативные).

В теории уголовного права вопросы о непосредственном объекте применения запрещенных средств и методов ведения войны решаются неоднозначно. Одни авторы под непосредственным объектом понимают «обязанности» соответствующих лиц, в том числе военнослужащих [11, С. 241], другие – «военную дисциплину» [4], порядок, определяющий выполнение требований международных конвенций или мир и международный правопорядок в сфере войны и оружия, средства и методы ведения войны, регламентированные международным правом, международный правопорядок в сфере вооруженных конфликтов и т.д.

Считаем, что указанные определения непосредственного объекта рассматриваемого преступления заслуживают внимания, однако являются недостаточно точными, поскольку одни из них включают в это понятие не присущие ему элементы, а другие безосновательно сужают его содержание. В зависимости от осознания объекта посягательства, по-разному можно рассматривать характер и объем тех преступных деяний, которые характеризуются как военное преступление. Можно согласиться с высказыванием Г.А. Кригера, который, анализируя позиции авторов, отдельные из которых считают, что объектом определенных преступлений является имущество в виде отдельных предметов, а другие – совокупность имущества, достояния, справедливо отмечал, что такое понятие непосредственного объекта преступления не может быть признано верным, поскольку в этих случаях вместо общественных отношений как объекта, охраняемого уголовным правом, выступают материальные предметы, не являющиеся общественными отношениями [3].

В ходе исследования установлено, что преступление, предусмотренное ст. 356 УК РФ, учитывая его непосредственный объект, необходимо отнести к так называемым «многообъектным» преступлениям, которые одновременно причиняют вред нескольким общественным отношениям. В этом случае, исходя из общепринятого «горизонтального» разделения непосредственных объектов, один непосредственный объект является основным, а другие – дополнительными. При этом их определение зависит от наличия определенной связи с родовым объектом. Например, в случае совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ, в форме жестокого обращения с гражданским населением под основным непосредственным объектом следует понимать общественные отношения, регулирующие и обеспечивающие соблюдение общепризнанных правил ведения войны в отношении этого населения; дополнительным непосредственным объектом являются отношения собственности (например, в случае разрушения во время войны объектов жизнедеятельности гражданского населения).

В XX веке человечество столкнулось с такими изменениями в характере войн, которые на новой технической основе были нацелены на уничтожение целых народов и этносов, стирание государств и негодных людей с лица земли, а жертвы войн исчисляются десятками миллионов, не говоря уже о масштабах разрушений. Причем жертвами становятся не только военные, участвующие в сражениях на поле

боя, но в не меньшей степени мирное население, а нередко именно мирное население становилось объектом агрессивных войн [7, С. 442].

В.В. Путин в своем выступлении в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне отметил: «XX век принес тотальные и всеобъемлющие мировые конфликты, а в 1945 году на арену вышло еще и ядерное оружие, способное физически уничтожить Землю. Иными словами, урегулирование споров силовыми методами стало за пределами опасным» [5, С. 43].

Общеизвестно, что во время Второй мировой войны на территории бывшего СССР немецко-фашистскими захватчиками не только было убито более чем 20 млн. человек, но и разрушено полностью или частично 1 тыс. 710 городов и более 70 тыс. сел, целенаправленно сожжено и уничтожено более 6 млн. зданий и сооружений гражданского назначения, лишено домов около 25 млн. человек. Немецко-фашистские захватчики разрушили 31 тыс. 850 промышленных предприятий, на которых было занято около 4 миллионов рабочих. Общий ущерб составил 679 млрд. руб. в ценах того времени [6, С. 83].

Основной непосредственный объект отражает содержание применения запрещенных средств и методов ведения войны, его антисоциальную направленность. Он в большей степени, чем другие объекты, определяет степень общественной опасности совершенного преступления и тяжесть последствий, которые наступили или могут наступить. Это прежде всего то общественное отношение, против которого непосредственно направлено общественно опасное деяние.

В качестве дополнительного непосредственного объекта могут выступать такие общественные отношения, которые защищаются лишь попутно, поскольку эти отношения неизбежно ставятся в опасность причинения вреда при совершении посягательства на объект. Дополнительный непосредственный объект так же, как и основной непосредственный объект, имеет важное значение для определения социально-политической сущности совершенного преступления, установления тяжести последствий, которые наступили или могут наступить. При применении запрещенных средств и методов ведения войны специфика причиненного деяния и вреда находят свое отражение именно в дополнительных непосредственных объектах.

В науке уголовного права распространенным является разделение дополнительных объектов на обязательные (необходимые) и необязательные (факультативные) [8, С. 120]. Однако есть и другие мнения по этому поводу. Отдельные авторы считают, что признаки состава конкретного преступления не могут быть факультативными, они всегда должны быть обязательными. То обстоятельство, что то или иное конкретное преступное деяние наряду с основным или дополнительным объектом иногда посягает и на другие социальные блага, не может быть основанием для признания этих благ объектом преступления, поскольку они не отражают специфику состава преступления и не влияют на его квалификацию. Такая позиция имеет право на существование, однако она не была поддержана большинством ученых.

Считаем, учитывая конструкцию ст. 356 УК РФ, что основным непосредственным объектом этого преступления является конкретное общественное отношение, обеспечивающее соблюдение общепризнанных правил ведения войны и поставленное под охрану ст. 356 УК РФ. Следовательно, это то конкретное общественное отношение, против которого направлено преступное деяние и которому непосредственно причиняется вред или создается угроза его причинения. Таким образом, основной непосредственный объект рассматриваемого преступления находится в пределах его родового объекта, то есть однородных (тождественных), взаимосвязанных общественных отношений, которые регулируют и обеспечивают соблюдение общепризнанных правил ведения войны и других вооруженных конфликтов. Альтернативные деяния и наличие в большинстве случаев дополнительных непосредственных объектов не изменяют его основного содержания и сущности. Все альтернативные деяния, определенные диспозицией основного состава преступления, направлены против единого конкретного непосредственного объекта.

Учитывая структурные элементы анализируемого общественного отношения (его субъектов, предмета и социальной связи) следует отметить, что механизм причинения вреда основному непосредственному объекту применения запрещенных средств и методов ведения войны может иметь в зависимости от формы посягательства разные варианты. В одних случаях он заключается в том, что преступление, предусмотренное ст. 356 УК РФ, посягает на субъекты общественных отношений (например, в случае жестокого обращения с военнопленными или гражданским населением), когда преступному влиянию подвергаются сами участники общественных отношений, выступающие как потерпевшие, в других – преступление посягает на предмет общественного отношения, а в отдельных случаях – преступному воздействию подвергается социальная связь между его участниками (например, в случае отдания приказа о совершении военного преступления), которая во время войны или вооруженных конфликтов внешне преимущественно выступает в определенных формах деятельности людей и находится в постоянной взаимосвязи с другими структурными элементами общественных отношений. В случае применения запрещенных средств и методов ведения войны социальные ценности, которые характеризуют социальную связь, уничтожаются или повреждаются. Тем самым вред причиняется общественному отношению в целом. Участниками (субъектами) общественных отношений, которым причиняется вред преступлением, могут быть как отдельные лица, так и коллективы людей, юридические лица. Потерпевшим от преступления в науке уголовного права считается человек, которому преступлением причинен тот или иной вред. Исходя из того, что проблема потерпевшего, как и проблема жертвы преступления, – вопрос междисциплинарный, он является предметом отдельного исследования.

Непосредственный объект применения запрещенных средств и методов ведения войны имеет важное значение для выделения квалифицированных составов этого преступления. Квалифицирующим признаком применения запрещенных средств и методов ведения войны (ч. 1 ст. 356 УК) является объединение его с применением оружия массового поражения, запрещенного международным

договором Российской Федерации (ч. 2 ст. 356 УК). Если речь идет об одном и том же преступлении, то оно должно иметь единый объект, независимо от разделения его на простые и квалифицированные составы. Следовательно, состав применения запрещенных средств и методов ведения войны как в простом, так и квалифицированном виде должен иметь один и тот же непосредственный объект.

Выводы. Детальный анализ непосредственного объекта применения запрещенных средств и методов ведения войны позволяет утверждать о необходимости совершенствования уголовно-правовой нормы, определенной ст. 356 УК РФ. Значимость и свойства дополнительных непосредственных объектов применения запрещенных средств и методов ведения войны вместе с основным непосредственным объектом существенно влияют на определение социальной сущности этого преступления, а также на установление степени тяжести последствий, которые наступили или могли наступить, что в случае *de lege ferenda* можно использовать для образования самостоятельных составов военных преступлений или для выделения квалифицированных составов рассматриваемого преступления. Считаем, что действующая редакция ч. 2 ст. 356 УК РФ требует выделения ее в отдельный состав преступления – «Применение оружия массового поражения».

Список литературы

1. Кидальник А.Г. Современное уголовное право: понятие, задачи и принципы / Под науч. ред. докт. юрид. наук А.В. Наумова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 252 с.
2. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны / Н.И. Коржанский. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. – 248 с.
3. Кригер Г.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями социалистического имущества в СССР : Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора юридических наук / Г.А. Кригер. – Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1965. – 31 с.
4. Курс советского уголовного права: Уголовный закон. В 6-ти томах: Часть общая. Т.1 / Герцензон А.А., Дурманов Н.Д., Пионтковский А.А., Ромашкин П.С.; Редкол.: Пионтковский А.А., Ромашкин П.С., Чхиквадзе В.М. – М.: Наука, 1970. – 312 с.
5. Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим / В.В. Путин. – М., 2020. – 91 с.
6. Руденко Р.А. Судебные речи и выступления / Р.А. Руденко; Под ред.: Рекунков А.М. – М.: Юрид. лит., 1987. – 368 с.
7. Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира : монография / А.Н. Савенков. – Москва : Проспект, 2021. – 760 с.
8. Советское уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Н.А. Беляева и М.И. Ковалева. – М.: Юрид. лит., 1977. – 544 с.
9. Уголовное право России: Особенная часть: Учебник / Под. ред. В.Н. Кудрявцева, А.Б. Наумова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999. – 492 с.

10. Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления / Е.А. Фролов // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. – 1969. – Вып. 10. – С. 184–225.
11. Чхиквадзе В.М. Военно-уголовное право: Особенная часть. Ч. 2 / В.М. Чхиквадзе; Под ред.: Голяков И.Т. – М.: РИО ВЮА, 1947. – 247 с.

УДК 342.9

А.А. Николаев, канд. юрид. наук, доцент, директор института уголовного и гражданского права, Донецкий государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: nikolaev_alex02@mail.ru)

А.Н. Титов, канд. юрид. наук, доцент, доктор философии в области права, адвокат (г. Донецк)

(e-mail: atitov77@mail.ru)

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ГРАЖДАНИНА, ЕГО ПРАВ И СВОБОД

Статья посвящена анализу административно-правового статуса гражданина. По мнению авторов, административно-правовой статус человека и гражданина представляет собой систему, элементами которой являются административная правоспособность и административная дееспособность. Основываясь на принципах реализации прав и свобод граждан в государственном управлении, административно-правовой статус личности отражается в его общем, социальном и индивидуальном статусе.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, административно-правовой статус, административная правоспособность, административная дееспособность, реализация прав и свобод граждан.

Nikolayev, A.A.,

Titov, A.N.

ADMINISTRATIVE LEGAL STATUS OF A CITIZEN, HIS RIGHTS AND FREEDOMS

The article is devoted to the analysis of the administrative and legal status of a citizen. According to the authors, the administrative-legal status of a person and a citizen is a system, the elements of which are administrative legal capacity and administrative capacity. Based on the principles of realizing the rights and freedoms of citizens in public administration, the administrative and legal status of an individual is reflected in his general, social and individual status.

Key words: rights and freedoms of man and citizen, administrative legal status, administrative legal capacity, administrative capacity, implementation of the rights and freedoms of citizens.

Актуальность темы исследования. Рассмотрение теоретических и практических проблем обеспечения прав и свобод человека является одним из основных направлений современных научных исследований в сфере

правоохранительной деятельности, что требует интегративного сочетания знаний многих областей юридической науки. Однако особое место в вопросах обеспечения прав и свобод человека принадлежит административно-правовым средствам, использование которых осуществляется в сфере государственного управления.

Актуальность исследования проблемы административно-правового статуса прав и свобод человека и гражданина обуславливается необходимостью повышения уровня правовой культуры населения, а также изменением правового сознания, юридического мышления работников правоустанавливающих и правоприменяющих органов Российской Федерации, формированием у них позиций приоритетности обеспечения прав и свобод человека и гражданина нормами административного права.

Анализ научных исследований. Различные особенности правового статуса граждан и обеспечения прав человека исследовали С.С. Алексеев, Д.Н. Бахрах, Б.Т. Безлепкин, И.Л.Бородин, Н.В. Березина, Н.В. Витрук, В.М. Горшенев, С.В. Кивалов, Ю.М. Козлов, А.П. Корнев, В.М. Коркунов, Н.И. Матузов, Ю.А. Тихомиров, Н.Ю. Хаманева, А.П. Шергин, Д.М. Чечот и ряд других ученых. В то же время, рассмотрению данных вопросов в административно-правовом аспекте уделялось недостаточно внимания, что и обосновывает актуальность настоящей работы.

Цель статьи состоит в исследовании административно-правового статуса прав и свобод человека и гражданина.

Изложение основного материала. Административно-правовой статус прав и свобод людей является самостоятельной совокупностью элементов и признаков, закрепленных в нормах административного права.

В административном законодательстве до сих пор не существует норм, раскрывающих такие понятия как «административная правоспособность» и «административная дееспособность», имеющих к предмету нашего исследования непосредственное отношение. Существовало мнение, в соответствии с которой правоспособность считалась категорией гражданского и трудового права, а для других отраслей права, в том числе и для административного, в ней не было необходимости [4, С. 225-226].

Наличие у гражданина прав и свобод свидетельствует о его правоспособности. Правоспособность есть условие правовладения, поскольку она положена в основу субъективных прав и свобод граждан. Правоспособность – это в соответствующей степени характеристика конкретного гражданина, она возникает с момента рождения. Правоспособность связана с психофизическим состоянием человека (возраст, зрелость, психика) [10, С. 198].

С самого начала административная правоспособность находит свое проявление в правах на имя, фамилию, свободу передвижения и т.д. Возникая с момента рождения, по своему содержанию она видоизменяется, некоторые элементы возникают со временем – с достижением соответствующего возраста, например, совершеннолетия.

На масштабность административной правоспособности, по мнению ученых-правоведов, влияют такие обстоятельства, как гражданство, возраст, наступление особых условий осуществления государственного управления (стихийного бедствия, эпидемии, эпизоотии, военного положения) или факт совершения лицом правонарушения, что влечет ограничение правоспособности [12, С. 159-160].

Первое обстоятельство – гражданство. Оно означает, что правоспособность граждан Российской Федерации отличается в первую очередь от лиц без гражданства и иностранцев с момента ее возникновения и до прекращения, а также по содержанию и объему.

Второе обстоятельство – возраст. Он влияет на возможность личности обладать правами и свободами. Так, у несовершеннолетних нет возможности заниматься государственной службой, они не стоят на военном учете. Данные права появляются в сфере государственного управления. Можно указать право поступить в школу, а затем и право на образование, право пользоваться культурными ценностями государства. С наступлением 16-летнего возраста лицо приобретает право получить паспорт, в 18-летнем возрасте – появляется воинская обязанность. Право на получение пенсии определяется достижением пенсионного возраста и стажем работы. Следовательно, социально-правовое значение прав и свобод граждан таково, что их наличие зависит от достижения определенного возраста.

Третье обстоятельство – наступление особых условий осуществления государственного управления или совершение гражданином правонарушения является правовым основанием для ограничения прав личности, они не относятся к качественным характеристикам правоспособности.

Указанные нами характеристики относятся к общей правоспособности. Кроме них, важными составляющими можно назвать специальную подготовку, знания, навыки, положенные в основу отраслевой правоспособности.

Административная правоспособность граждан – особое качество, свойство граждан, носителей прав и свобод. Она базируется в первую очередь на конституционных нормах, а также и на нормах административного права. Началом возникновения административной правоспособности является рождение человека, прекращением – его смерть.

Следовательно, административной правоспособностью граждан является определенная государством способность иметь права, предусмотренные административно-правовыми нормами.

Административная дееспособность лица возникает позже правоспособности. Возраст гражданина, с которого наступает административная дееспособность, административным правом не установлен, но может быть косвенно указан на него.

Частичная дееспособность возникает, например, с достижением школьного возраста. Конституционное право на образование реализуется благодаря своим действиям несовершеннолетнего. Законодательство не ограничивает несовершеннолетних в использовании конституционного права

на врачебную помощь, на использование достижений культуры и т.д. Таким образом, частичная административная дееспособность возникает при достижении совершеннолетия.

Содержание и размер административной дееспособности зависят не лишь от возраста людей, но и от состояния их здоровья. Известно, что, когда гражданин не понимает своих действий, их механизмов, не может управлять ими вследствие душевной болезни или слабоумия, он может быть признан судом недееспособным. Граждане, признанные душевнобольными или слабоумными, полностью недееспособны в отношении обязанностей и обретения своими действиями прав и свобод. Осуществление их прав и свобод, исполнение некоторых обязанностей, предусмотренных законодательством, выполняется законными представителями.

Признание недееспособным на этом основании производится в соответствии с гражданско-процессуальным законодательством. Акт признания гражданина недееспособным имеет и административно-правовое значение потому, что исключает возможность реализации прав и свобод, конкретизированных нормами административного права. Признание гражданина недееспособным не лишает его некоторых прав, таких, например, как право на обращение с жалобой.

Во всех случаях, когда от состояния здоровья граждан зависит исполнение ими административно-правовых обязанностей или реализация конституционных прав и свобод, конкретизированных нормами административного права, его состояние подлежит обязательному удостоверению в медицинских учреждениях. Выводы специалистов обуславливают выполнение гражданами соответствующих обязанностей или реализацию их прав и свобод.

С учетом изложенного, административная дееспособность – это способность граждан реализовать своими действиями конституционные права и обязанности, конкретизированные в нормах административного права.

Правовой статус прав и свобод граждан зависит от его места в социальной структуре общества, ведь понятие правового статуса, относимого ко всем гражданам, может получить конкретизацию и детализацию по отдельным группам граждан в связи с изменениями и условиями их деятельности [7, С. 289].

Нормы административного права, конкретизируя конституционные права и свободы людей, провоцируют развитие правоотношений с их ролью. Данное обстоятельство требует дальнейшего развития правового статуса граждан, изучения механизма влияния конституционного статуса на отраслевой административно-правовой статус.

Для уяснения содержания административно-правового регулирования прав и свобод граждан необходимо рассмотреть его предмет. Под административным правом традиционно понимается отрасль права (совокупность правовых норм), регулирующая с целью реализации задач и функций государства общественные отношения управленческого характера,

складывающиеся в сфере исполнительной и распорядительной деятельности органов исполнительной власти, внутриорганизационной деятельности других государственных органов, а также в процессе осуществления общественными организациями, их органами внешних юридических полномочий. Сферой реализации административного права являются отношения, возникающие в области государственного управления, влияния государства на разные общественные отношения. Считалось, что особенностью таких общественных отношений, урегулированных административно-правовыми нормами, является неравенство их субъектов, подчиненность одного участника другому [6, С. 32]. Но развитие демократического государства, введение демократических принципов требуют нового взгляда на данную проблему. Решение этого вопроса связано с конституционными требованиями по обеспечению приоритета прав и свобод человека и гражданина в соответствии со ст. 2 Конституции РФ. Учитывая положения Основного Закона, принципиальное изменение взгляда на общественное назначение административного права должно основываться на признании качественно новой роли государства во взаимоотношениях с гражданами, а именно: роли не властвования над человеком, а роли служения человеку.

Правовой статус человека и гражданина – это мера, масштаб определения правового положения личности. Составные части правового статуса наделены свойствами всеобщности, масштабности, которые определяют те пределы, где появляется правовое положение конкретного лица, формируются личные права и юридические обязанности отдельного гражданина. Указанные признаки правового статуса позволяют ему служить в юридической степени социальной свободы.

Административно-правовой статус граждан базируется на основе присущих ему принципов. В административном праве принципы – это основополагающие идеи, управляющие начала, положенные в базу административно-правового регулирования публичных отношений.

Современное административное право построено на общепризнанных принципах демократизма, равенства всех перед законом, оно учитывает международные акты в области прав и свобод человека и гражданина, создает все условия для их реализации и защиты. Данные условия способствуют увеличению роли гражданина в системе государственного управления, благодаря чему гражданин является ведущим субъектом административного права [2, С. 19].

К принципам реализации прав и свобод граждан в государственном управлении относятся: полнота прав и свобод граждан; приоритетность прав и свобод граждан; сочетание интересов личности с государственными и общественными; гласность и информированность; динамизм прав и свобод граждан; невозможность отмены и сужения прав и свобод граждан; равенство граждан перед законом; право граждан на защиту и правовую помощь; научность.

Административно-правовым отношениям свойственны такие же признаки, которые свойственны правоотношениям вообще. Через правоотношения реализуются нормы права. Участники правоотношений обладают взаимными правами и обязанностями. Можно сказать, что в административно-правовых отношениях правовая свобода одного субъекта предусматривает требование, ко второму они носят волевой характер. Участники административно-правовых отношений реализуют свои права и обязанности посредством соответствующих действий. Обязательным условием административно-правовых отношений гарантированность их со стороны государства через обеспечение их силой принуждения.

Государственная власть носит вполне определенный институциональный характер и поэтому должна быть максимально организована, составлять систему соответствующих государственных органов, предназначенных для осуществления властных полномочий.

Поскольку государственный аппарат есть система государственных органов, наличие властных полномочий является важным признаком последних. Деятельность этого аппарата должна основываться на приоритетах интересов личности, реализации прав и свобод граждан.

В административно-правовых отношениях существует наличие зависимости одной стороны от другой. Один субъект является юридически властным, а другой – юридически подвластным. Такой механизм правовой связи участников управленческих отношений называется юридическим владычеством [5, С. 68].

Следует отметить, что современное правовое регулирование административно-правового статуса гражданина РФ находится не только в ведении государства, но и в ведении его субъектов, что позволяет создать действенную систему государственного управления, которая распространяется на административно-правовой статус гражданина [14, С. 218-220].

Гражданин как субъект административно-правовых отношений наделен совокупностью прав и свобод, ему принадлежит право требовать выполнения государственным органом обязанностей по реализации прав и свобод.

Гражданин в административно-правовых отношениях имеет статус подвластной стороны. Это значит, что у него не только обязанности несмотря на то, что право властного принципа принадлежит органу исполнительной власти, их должностным лицам. Юридическая подвластность граждан как субъектов административно-правовых отношений отражается в тех случаях, когда они несут обязанности, установленные административно-правовыми нормами.

Административно-правовые отношения, определяющие содержание статуса граждан, имеют свою структуру. Она включает в себя субъектов, а также их права и обязанности. Субъект права должен быть наделен свойственными ему признаками.

Под общественными отношениями, одним из составляющих компонентов общества, разновидностью социальной системы, следует

рассматривать устойчивые, типично необходимые, нормативно упорядоченные социальные связи, которые проявляют зависимость людей в соответствии с их общими потребностями, интересами, целями и т.д.

Общественные отношения – одна из самых универсальных философских категорий, без которой не обходятся исследования в области обществоведения. Но ее высокая абстрактность обуславливает не только интенсивность употребления, но и неопределенность ее границ, превращение в категорию с нечетким, неконкретным содержанием. По этому поводу Т. Кун отмечает, что «любое расширение содержания понятия ведет к росту погрешности его применения» [9, С. 25].

В рамках предмета нашего исследования рассмотрим только одну составляющую общества – гражданина как субъекта становления, функционирования и развития общественных отношений. Сущность формирования общественных отношений, их правового обеспечения и, в том числе, административно-правового, заключается в изменении, совершенствовании субъекта общественных отношений – гражданина. Своеобразие общественных отношений заключается в том, что они возникают как результат общественных проблем, среди них значительное место занимают юридические, в том числе решающие задачи правового статуса граждан. Фактически общественные отношения являются формой проявления существования людей, объединенных формами взаимосвязи и взаимодействия общества дополненной или расширенной личностью, а личность – сжатое или сосредоточенное общество [13, С. 204].

Признание гражданина субъектом права означает признание его самостоятельным, полноправным членом общества, наделенным правами и обязанностями, а также своими интересами.

Заслуживает внимания конкретизация термина «гражданин» как субъект административно-правовых отношений.

По мнению В.И. Новоселова, сущность гражданина как субъекта административного права понимают так: во-первых, это физическое лицо, человек; во-вторых, это лицо не должно состоять с данным конкретным органом управления в трудовых или в государственно-правовых отношениях [11, С. 17].

В таком ракурсе граждан подробно рассмотрел Д.Н. Бахрах и выделил следующие группы прав граждан:

- 1) на участие в государственном, муниципальном управлении, социально-политической активности;
- 2) на государственное участие, помощь, поддержку компетентных организаций;
- 3) на защиту [3, С. 31].

Личность считается гражданином в отношении конкретных правоотношений, а не абстрактных, ведь один и тот же человек в разных отношениях может выступать как разные субъекты: как представитель власти,

как должностное лицо, как частное лицо. И в каждой конкретной ситуации он наделен определенными различающимися статусами.

А.П. Коренев рассматривает права и свободы граждан в сфере государственного управления как абсолютные и относительные и приводит как обоснование такого разделения степень возможности реализации прав и свобод. Исходя из этого критерия, цитируемый ученый к абсолютным относит те права и свободы, реализация которых зависит от волеизъявления граждан. К относительным отнесены права, реализация которых по волеизъявлению гражданина зависит от фактических возможностей в данном месте и в настоящее время [8, С. 53-55].

В течение жизни под влиянием разных факторов (объективных и субъективных) каждый гражданин занимает большое количество социальных позиций: гражданских, профессиональных, административных и так далее. В зависимости от них образуются для разных социальных сфер интересы и их правовое обеспечение.

Особенности интересов каждого гражданина зависят от его роли и места в структуре общества. Общее понятие правового статуса, который относится ко всем гражданам, может получить конкретизацию и детализацию отдельных групп граждан в связи с содержанием и условиями их деятельности.

Административно-правовой статус граждан можно разделить на общий, специальный и индивидуальный. Каждый гражданин в первую очередь имеет общий статус, который одинаков для всех и может являться одновременно носителем нескольких правовых статусов. Случается так, что специальный правовой статус дополняет общий. Иногда специальный статус влияет на общий, изменяя или ограничивая его.

Конкретизация административно-правового статуса зависит от профессии, семейного положения, возраста и т.д. Специальный правовой статус свидетельствует об особом правовом положении субъектов данной группы отношений, но характеризуется свойственным ему методом правового регулирования, особые административно-правовые статусы людей получают свое обнародование в нормах права.

Все отраслево-правовые статусы гражданина, в том числе административно-правовой, находятся в соответствующей связи с конституционным статусом. Конституционный статус является правовой основой для всех отраслевых статусов, ведь они выступают в качестве конкретизации конституционного права гражданина, также они должны соответствовать конституционному статусу. Конкретизация не может изменять содержание конституционных норм. Данное условие или даже объективное обстоятельство присуще общему и специальному административному статусу.

Анализ административного законодательства показывает, что в законодательстве существует несколько особенностей административно-правового статуса граждан. Так, Д.Н. Бахрах выделил статусы:

- 1) членов административных коллективов;
- 2) субъектов административной опеки;

3) обитателей местности с особым административно-правовым режимом;

4) субъектов разрешительной системы [3, С. 40].

В первую категорию автор включил обучающихся граждан (студенты, аспиранты); милитаризованных служащих (военнослужащих, рабочих военизированных формирований); граждан, свобода которых ограничена в административном порядке (несовершеннолетних, помещенных за правонарушения в специальные учебные заведения и т.п.). Субъектами с определенными особенностями есть: безработные, чернобыльцы, беженцы, инвалиды, дети-сироты, многодетные семьи, больные. К жителям территории с особым административно-правовым режимом отнесены жители приграничной зоны, закрытых городов (территориальных образований), заповедников, зон экономических бедствий, территорий, на которых введено чрезвычайное (военное) положение, карантинных, подвергшихся радиоактивному загрязнению, свободных экономических зон. В субъекты разрешительной системы ученый включил лиц, связанных с правом управления транспортом, правом приобретения огнестрельного оружия, правом эксплуатации радиопередающих устройств.

Обстоятельствами, отражающими специфику административно-правового статуса граждан, влияющими на процесс его правовой регламентации, в конечном счете, с нашей точки зрения, являются возраст, гражданство, профессиональная деятельность.

В зависимости от возраста административно-правовой статус граждан можно разделить на статус пенсионеров и пожилых людей и несовершеннолетних. Статус гражданства людей проявляется через его специфику в отношении иностранцев, лиц без гражданства. Профессиональная деятельность, которая отражается на административно-правовом статусе – деятельность государственных служащих, судей, народных депутатов. Их правовое положение заключается в запрете заниматься определенными видами деятельности, в дополнительных гарантиях неприкосновенности личности, в льготах (пользование транспортными средствами и т.п.).

Отдельно необходимо сказать об административно-правовых режимах, непосредственно связанных со специальным административно-правовым статусом граждан, ведь они содержат права и обязанности субъекта. Все чрезвычайные режимы ограничивают административно правовой статус граждан, поэтому такие ограничения должны закрепляться только законом.

Существуют два основания введения чрезвычайных режимов: фактическое основание (явления, включенные в специальный перечень) и юридическое (соответствующий акт государства). В случае возникновения оснований введения чрезвычайного режима перестают работать повседневные правовые механизмы правовой системы государства. Для решения вопросов чрезвычайного положения власти изменяют правовое обеспечение, а значит и правовой статус граждан – вводят чрезвычайные режимы и организационное обеспечение. Создается ситуационная система управления. Определенные

нормативными актами органы власти наделяются чрезвычайными полномочиями, создаются чрезвычайные органы управления (комиссии, штабы, комендатуры и т.п.). Все это вводится в целях нормализации обстановки, обеспечения прав и свобод граждан.

В условиях военного положения растет полномочия военной власти, происходит переход функций государственной власти к военным органам управления. Военное положение обуславливает правоограничение для граждан, введение дополнительных обязанностей. Правовой статус граждан предполагает наиболее широкие правоограничения для них.

Параметры правовых режимов отличаются друг от друга. Каждый из них закрепляет свойственное для себя определенное количество запретов и положительных обязательств. Они различны по глубине изменений и сроку действия на соответствующей территории.

В каждый конкретный период своей жизни каждый гражданин пользуется полным набором прав и обязанностей, отражающих разнообразие ее социальных ролей в различных сферах общественной жизни. Такой комплекс прав и обязанностей, предоставленных одному гражданину, в юридической литературе квалифицируется понятием индивидуального правового статуса [10, С. 193].

Индивидуальный административно правовой статус указывает на юридическое содержание и положение гражданина в обществе, конкретизирует всю совокупность конституционных прав и свобод человека и гражданина на территории государства.

Три вида административно-правового статуса – общий, специальный и индивидуальный, соотносятся между собой как общее, особое и единичное. Каждый гражданин выступает сразу во всех рассматриваемых ими юридических свойствах. В целом же административно-правовой статус граждан опосредует содержание, особенности и динамику административно-правовых способов их защиты.

Правовое регулирование в области административно-правового статуса гражданина РФ направлено на соблюдение прав и свобод гражданина, выполнение им возложенных на него обязанностей, реализацию прозрачности делопроизводства, которая осуществляется при помощи четко выстроенной системы административных процедур. Система правового регулирования в современной России активно развивается, что отражается не только на увеличении нормативно-правовых актов, но и на изменении самого подхода к государственному управлению [1, С. 53].

Выводы. Административно-правовой статус прав и свобод граждан является самостоятельной совокупностью элементов и признаков, закрепленных в нормах административного права. Права и свободы граждан реализуются через их конкретизацию в нормах отраслей права. Такая конкретизация составляет правовой статус граждан на территории государства.

Таким образом, административно-правовой статус человека и гражданина представляет собой систему, элементами которой являются

административная правоспособность и административная дееспособность. Основываясь на принципах реализации прав и свобод граждан в государственном управлении, административно-правовой статус личности отражается в его общем, социальном и индивидуальном статусе. Именно такие характеристики отражают специфику административно-правовых методов защиты прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы

1. Ахмедов Б.А. Проблемы регулирования административно-правового статуса гражданина Российской Федерации / Б.А. Ахмедов // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 3. – С. 51-53.
2. Ахметов И.И. Административно-правовой статус гражданина РФ / И.И. Ахметов // Вестник магистратуры. – 2021. – № 5-3 (116). – С. 19-21.
3. Бахрах Д.Н. Административное право России : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Д.Н. Бахрах. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2011. – 622 с.
4. Вопросы общей теории права / под общ. ред. С.Н. Братуся, – М.: Госюриздат, 1990. – 406 с.
5. Козлов Ю.М. Административные правоотношения / Ю.М. Козлов. – М.: Юрид. лит., 1976. – 184 с.
6. Козлов Ю.М. Предмет советского административного права / Ю.М. Козлов.. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1967. – 160 с.
7. Конституция общенародного государства : вопросы теории / сб. ст. ; под ред. П.Ф. Ильичева, Д.А. Керимова). – М.: Юрид. лит., 1979. – 379 с.
8. Коренев А.П. Административное право России : (В 3 ч.) / А.П. Коренев ; Моск. юрид. ин-т МВД России. – 2-е изд., с изм. и доп. – Ч. 1. – М.: Щит-М, 1997. – 279 с.
9. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ. И.З. Налетова ; общ. ред. и послесл. С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. – Благовещенск: БГК им. А.И. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 300 с.
10. Матузов Н.И. Личность. Право. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н.И. Матузов. – Саратов, 1972. – 292 с.
11. Новосёлов В.И. Правовое положение граждан в советском государственном управлении / В.И. Новоселов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. – 217 с.
12. Советское административное право / [Д.Н. Бахрах, Е.В. Додин, Я.А. Здир и др.] ; под ред. В.М. Манохина. – М.: Юрид. лит., 1977. – 542 с.
13. Соловьёв В.С. Оправдание добра: Нравственная философия / Вл.С. Соловьёв. – М.: Академический проект, 2010. – 671 с.
14. Шаназарова Е.В. Правовое регулирование административно-правового статуса гражданина РФ / Е.В. Шаназарова, Д.С. Иванов // Modern Science. – 2021. – № 2-1. – С. 218-220.

УДК 340.11.16

П.И. Павленко, канд. юрид. наук, доцент, Донецкий государственный университет (г. Донецк)

(e-mail: pavelpavlenko77@yandex.ru)

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье автор проводит анализ проявления негативных деформационных идей относительно понимания права в условиях исторического развития российского общества. Анализируются разнообразные мнения и представления о праве, которые в прошлом отражали негативное отношение отдельных социальных групп и их представителей к действующему, в определённые исторические эпохи, праву. Понимание внутренней природы деформации, которое формировалось в истории российского общества и государства, помогает определить проблемные аспекты этого явления и избежать появления новых причин и условий для его развития, что будет способствовать «взрослению» правовой культуры и правосознания в обществе.

Ключевые слова: общественное правосознание, деформация правосознания, правовой нигилизм, социально-культурные традиции понимания права.

Pavlenko, P.I.

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE DEFORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

In the article, the author analyzes the manifestation of negative deformation ideas regarding the understanding of law in the conditions of the historical development of Russian society. Various opinions and ideas about law are analyzed, which in the past reflected the negative attitude of individual social groups and their representatives to the law in force in certain historical epochs. Understanding the internal nature of deformation, which has been formed in the history of Russian society and the state, helps to identify problematic aspects of this phenomenon and avoid the emergence of new causes and conditions for its development, which will contribute to the "maturation" of legal culture and legal awareness in society.

Key words: public legal consciousness, deformation of legal consciousness, legal nihilism, socio-cultural traditions of understanding law.

Актуальность темы исследования. Фактически, на протяжении всего исторического пути становления и развития российского общества и государства, вопросы формирования, выявления и трансформации деформации правосознания, как одной из тяжёлых форм отрицания права – правового нигилизма всегда интересовали учёное сообщество. Отрицание права, как системы принципов и правил поведения в обществе, всегда оказывало пагубное влияние на правовую культуру общества, особенно когда российское государство находилось в тяжёлой ситуации.

Сегодня, в то время, когда Российская Федерация находится в сложной внешнеполитической ситуации, которая непосредственно влияет на

общественное настроение внутри страны, и, вместе с тем, на общий уровень политической и правовой культуры, изучение и анализ общественного правосознания является актуальной и своевременной задачей. Анализ проблемы деформации правосознания не только даёт возможность определить природу данного явления и его влияние на восприятие политических, социальных и правовых процессов, а и обозначить систему новых мер, направленных на устранение негативного восприятия права и повышение значимости для общества, особенно в сфере практической реализации.

Постановка проблемы. Анализ рассматриваемой проблемы имеет под собой социальные, культурные, политические, а также исторические корни. Актуализации подвержена не только стадия появления деформации, а и другие стадии, показывающие развитие и трансформацию в связи с различными социальными, политическими, экономическими факторами, имевшими место в истории российского государства и оставившими след в сознании народных масс. В связи с этим, анализ исторического развития этого социально-правового феномена даст возможность исследовать его стадии развития, внутреннюю сущность и влияние на сознание разных социальных групп для нахождения решения этой острой социальной проблемы.

Анализ научных исследований. Исследованию исторического аспекта деформации правосознания в российском обществе посвящены работы многих отечественных ученых, таких как Бабаева В.К., Захарцев С.И., Лях Н.А., Матузов Н.И., Маховиков А.Е., Орехова Н.Л., Смирнов А.М., Соколова Е.С., Стругова Е.В., Туманов В.А., Шмелева О.Ю. и др.

Цель исследования состоит в проведении исторического анализа социально-правового феномена деформации правосознания для определения его свойств, причин и условий его появления, а также его влияния на общество и государство.

Результаты исследования. Деформация правового сознания, которая является объектом исследования научной статьи, по мнению многих российских и советских исследователей (Ильин И.А., Кистяковский Б.А., Крыленко Н.В., Курский Д.И., Новгородцев П.И., Пашуканис Е.Б., Португалов Г.М., Рейснер М.А., Стучка П.И.) имела свою историческую обусловленность, всегда была в «фокусе российской юридической науки» [5, С. 42] и была крайне актуальна.

Выделение нерешённых проблем. Многие важные вопросы, касающиеся деформации правосознания и её теоретико-прикладной природы, не получили достаточного освещения в статье в виду многообразия и сложности исторического появления и развития правового нигилизма. Также не нашла своё отражение в работе специфика правового нигилизма, свойственная различным этно-национальным социальным группам, определяющим фактор изменения деформации, проживающим в различных регионах Российской Федерации. Многие предложения и рекомендации даны в постановочном виде, поэтому исследования исторических аспектов деформации правосознания будут продолжены в обобщённом теоретическом виде.

Цель исследования: провести исторический анализ социального феномена – деформации правосознания для определения причин и условий его появления, а также его влияния на общество и государство.

Изложение основного материала. Сегодня, в первой половине XXI в. современная Россия находится в трудной ситуации как внешнеполитического развития, так и развития внутренних политических, социальных и правовых связей. Общество переживает сложные времена, и поэтому необходимо определить факторы и условия, которые определяют развитие общества в социальном, экономическом, политическом, духовном и правовом плане. По мнению Ореховой Н.Л., правосознание как социальный регулятор играет очень важную роль, который значительно деформировался в последние несколько десятилетий [3, С. 57]. Как отмечает Н.И. Матузов, и с ним можно согласиться, «в последние годы современное состояние отечественного правосознания характеризуется наличием в нем некоего правового вакуума, который необходимо чем-то заполнить. С одной стороны, такой вакуум в сознании людей может быть заполнен духовно-нравственными и религиозными ценностями, а с другой криминальным, уголовным менталитетом с его глубоко нигилистическим отношением к праву» [2]. В связи с данным обстоятельством проблема деформации правосознания актуализируется и с практической точки зрения, показывает, насколько важной для государства и общества является задача по формированию общества с высоким уровнем правовой культуры и уважительным отношением к праву.

В отечественной истории очень часто наблюдалось построение отношений между властью и народом, в которых главенствующую административно-управленческую роль играла политическая элита, а не представители социальных слоёв или общество в целом. Так, с момента образования древнерусского государства имели место попытки формирования подданнической модели взаимоотношений между властью и обществом и уход от вассально-сеньориальных отношений, основанных на двусторонней системе обязательств (Владимир Мономах, Андрей Боголюбский).

Формирование подданнической политической культуры, характеризующейся односторонней зависимостью от власти, императивного характера права и распространённость внеправовых методов решения споров – все это характеризовало период политической и экономической зависимости русских княжеств от Монгольской империи. В это время было уничтожено вече как оплот народовластия, вассально-дружинные отношения, ввиду распространения практики выдачи ярлыков, заменялись подданническими, исчезло представление о необходимости баланса прав и обязанностей. Такая зависимость в значительной мере затрудняла или практически полностью устраняла возможность появления народного (общественного) сознания основанного на традиционных ценностях русского народа.

Русское общество, включая политическую элиту, придерживалось соглашательской тактики в отношениях с высшей инстанцией, права и свободы, как неотъемлемый атрибут субъектов политико-правового процесса, не

формировались законотворческим путём, а даровались правителями. Со стороны духовного развития также не наблюдались процессы, направленные на формирование традиционной социальной и правовой культуры и сознания. Так, подданные политические ориентации идеологически закреплялись принятием христианства в форме православия. Православная церковь не была институтом ограничения политической власти, а напротив – считалась оплотом верховной власти, также, как и в странах Западной Европы, где аналогичная роль принадлежала католической церкви. Власть приобрела божественный характер и абсолютную легитимность через божественное право.

Дальнейшие исторические события (Междоусобная (феодалная) война в Московской Руси, Правление Ивана IV Грозного, «Смутное время», городские бунты и восстания XVII в., усиление крепостного гнета) привели к тому, что государство заняло в общественной жизни России доминирующее положение. Оно не только не выросло из общества, а, наоборот, развитие общества происходило под жестким контролем государства. Кроме этого, патерналистская традиция, которая была всегда присуща российской истории, культуре и политическим процессам, также вносила свои коррективы в формирование образа правосознания, как с положительной, так и отрицательной стороны [1].

Политическая деятельность русского царя и императора Петра I в вопросе развития общественного правосознания носила противоречивый характер. С одной стороны, отношение к государственной власти и управлению, к российским сословиям и обществу в целом, к праву и правовым принципам формировало положительный образ петровской политики. Попытка, через реформы, преобразовать российское общество в духе «общего блага», заимствованное из платонической традиции западной политической философии [4, С. 345], действительно поспособствовало повышению уровня общественного сознания в стране. Среди отдельных социальных групп (представители дворянства, городское население, почитатели либеральных западных взглядов) наблюдалась приверженность петровским политическим взглядам и преобразованиям, которые меняли не только механизм и принципы всего государственного управления, но и сознание относительно государства, власти, права и закона. С другой стороны, петровские реформаторские преобразования подвергались критике со стороны бояр, духовенства, стрельцов, а также части городского населения и крестьян. Это стало реакцией на нововведения в политической, социальной, экономической, духовной и культурной сферах жизнедеятельности общества. Общественное социальное сознание и правосознание подвергались деформации вследствие проявления бюрократии и коррупции при создании системы государственного управления, низкого материального уровня армии и флота, появления новых увеличенных налогов, принятия непопулярных законов, падения авторитета православной церкви и проявления протестантских настроений, что оказало значительное влияние на отчуждение общества от государства и права.

При формировании новой системы права в конце XVII – начале XVIII века сохранялась аналогичная тенденция, как и ситуации с преобразованиями других сфер жизнедеятельности российского общества и государства. Так, в этот период вносились существенные изменения и поправки в уголовное, гражданское, семейное, процессуальное право, проводилась работа по систематизации законодательства и кодификации отраслевых норм, принимались различные регламенты, манифесты, указы и уставы. Всё это многообразие правовых предписаний непосредственно корректировало социальную жизнь и деятельность различных слоёв российского общества, от крестьянства до дворянства. Отношение к этим нормативным актам и правовым положениям, со стороны общества, было неоднозначным. Если, как и в ситуации с политическими реформами, отдельные представители дворянства и городского населения позитивно восприняли изменения в законодательстве, особенно нормативы, регулирующие торгово-промышленную деятельность, заключение брака, заключения договоров товарищества, поставки, личного найма, то другие социальные группы и сословия (бояре, духовенство, крестьянство) весьма негативно восприняли изменения в области регулирования имущественных прав, права наследования, воинской повинности, крепостных отношений. Кроме этого, принятие огромного количества нормативных актов (с 1649 по 1696 г. было принято более 1,5 тыс. актов, имевших силу законов, а за весь период правления Петра I было принято более 4 тыс. правовых актов), также не способствовало повышению общего уровня правосознания и правовой культуры по причине огромного массива законов, правовой безграмотности населения, недостаточной информированности о принятых актах и сложной и запутанной системе работы чиновничьего аппарата при взаимодействии с населением.

В этих условия неудивительным является факт понижения общего уровня правосознания и проявления деформации в отдельных сообществах, потерявших значительную часть своих прав, свобод и возможностей вследствие проведения правовой реформы и коренного изменения правовой системы государства.

В последующий исторический период со второй четверти XVIII века (послепетровская эпоха) до 20-х годов XX века (образование советского государства) также наблюдался как рост, так и спад социального и правового сознания в условиях политической борьбы за власть (дворцовые перевороты XVIII века), усиления императорской власти (правление Екатерины Великой), борьбы против эксплуатации и крепостного права (антифеодальные выступления крестьян, казаков и рабочих), реформ государственной власти и законодательства (реформы Александра I), становления революционного движения и его идеологии (движение декабристов), буржуазных реформ 60-х – 70-х годов XIX в., социалистических революций и Первой мировой войны.

Рост правосознания, во время этих исторических событий, был прежде всего связан с попыткой отдельных социальных групп, как правило – созданных для революционной борьбы с самодержавием, отстаивать свои права и

свободы, создать демократическое законодательство и устранить остатки старой системы механизма государства, мешающие формированию современного правового государства. Однако стоит заметить, что интересы политической элиты и внешняя политика российского государства не давали возможности для реализации этих целей и задач, создавая антинародный образ в понимании представителей народных масс.

Учитывая этот факт, неудивительно, что недовольство народа в начале XX в. переросло в крупнейшее революционное движение за всю историю России, которое полностью изменило вектор развития в политической, социальной и правовой сферах. Деятельность революционных сил, как и все значимые события в истории России, разделила взгляды, мнения и представления общества на два лагеря. Нельзя однозначно утверждать, что среди пролетариата все, однозначно, поддерживали большевиков в вопросах преобразования государства, власти и права, равно и то, что среди представителей буржуазного класса формировалось исключительно негативное мнение относительно политики большевиков. Можно сказать, что в это тяжёлое время общественное мнение большевиков, меньшевиков, пролетариата, представителей буржуазии и других социальных групп формировалось вокруг двух идеологий: первая (идеология большевиков) – это идея предоставления угнетенным народам страны права национального самоопределения, возможности самим решить свою дальнейшую судьбу, создание новой системы государственного управления, установление диктатуры пролетариата, построение социалистического государства и права; вторая (идеология меньшевиков) – была направлена против строгого централизма партии большевиков и наделения её большими полномочиями, пролетариат должен был действовать в коалиции с либеральной буржуазией против самодержавия, отрицала революционный потенциал крестьянства, поддерживала Временное правительство и выступала против построения социализма.

Более популярная идеология большевиков строилась на основе марксистской теории как в вопросах государственного, так и правового преобразования. В понимании марксизма право – это выражение и закрепление воли экономически и политически господствующего класса, социальное явление, в котором классовая воля получает государственно-нормативное выражение. По мнению сторонников марксизма и большевизма, только в будущем, после пролетарской революции, формальное равенство и фактическое равенство станут означать одно и то же, и право наполнится моральным содержанием. Поэтому-то правопонимание, которое представлялось в это время, носило классовый характер, представлялось несвоевременным, являлось вторичным по отношению к экономике и политике, что снижало роль и значение права, и деформировало правосознание.

Феномен правосознания в советское время был также достаточно противоречив. С одной стороны, можно с определенной уверенностью говорить о низком уровне правосознания и правовой культуры в первые годы образования советского государства, с другой стороны, в 1960-1970 гг. уровень

правосознания советских граждан был весьма высок, подтверждением чему является низкий по отношению к США и Западной Европе уровень преступности и правонарушений, уважение к закону, возможность добиться справедливости благодаря правовым принципам и нормам советского законодательства.

Однако и в советское время буква закона не для всех имела равную силу: за одно и то же преступление могла последовать различная мера наказания (или не последовать вовсе), в зависимости от принадлежности к партийной политической элите, связей или должности лица, совершившего противоправные действия, что в негативной степени влияло на формирование образа советского правосознания.

Помимо этого, укреплению правового нигилизма в массовом сознании граждан на рассматриваемом этапе общественного развития способствовали события перестроечного времени, которые сопровождались появлением проблем в установлении рыночной экономики, появлением олигархических кланов, потерей плановой экономики и производства и сокращением социальной поддержки.

Основу отношений составляли преимущественно неформальные политические и экономические связи, но не конституционные и юридические нормы. Ситуацию также усугубила перестройка государственного политического аппарата, которая сопровождалась полным изменением политического и идеологического курса государства. По мнению большинства исследователей, демократические ценности, которые провозглашались государством на первоначальном этапе переходного периода – свобода, равенство, справедливость, – оказались для большинства недостижимыми, а зачастую и фальшивыми. В итоге рост деформации правосознания в начале 90-х годов XX в. в России был значительно высоким, политические, идеологические, социальные и экономические проблемы создавали условия для её укрепления.

Выводы. В настоящее время деформация правосознания представляется серьёзной проблемой как в теории, так и на практике. Как видно из истории России, устранение данного негативного явления социальной и правовой жизни общества является сложной задачей, требующей усилий как со стороны представителей власти, так и со стороны народа.

Для появления феномена правосознания и его деформации в отечественной культуре были исторические и социокультурные основания. В современной действительности по-прежнему существует возможность для воспроизводства нигилистических настроений относительно права. В правоведении и юридическом сообществе отсутствует общепринятое понимание истинной сущности и предназначения права. Только при признании самоценности права, что будет исключать его рассмотрение в качестве средства достижения определенных целей, в обществе могут быть достигнуты стабильность и разумный правопорядок.

Деформация правосознания проявляется в основном относительно формализованных правил поведения и практики их применения. Её устранение из отечественной социальной культуры предполагает формирование правосознания, которое синтезирует опыт мирового философско-правового наследия и ценностей национальной культуры, в которой неизбежно присутствует нравственная оценка норм права. Преодоление правового нигилизма – достаточно сложная и комплексная задача. Для ее решения на теоретическом уровне необходимо правильное теоретическое решение вопроса о регуляции общественной жизни правом и нравственностью.

Список литературы

1. Лях Н.А. Патернализм в России / Н.А. Лях // Россия и АТР. – 2002. – № 4(38). – С. 111-123.
2. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм, как две стороны «одной медали» [Текст] / Н.И. Матузов // Правоведение. – 1994. – № 2. – С. 3-15.
3. Орехова Н.Л. Деформации правового сознания: разновидности, исторические и социокультурные причины / Н.Л. Орехова // Ленинградский юридический журнал. – 2019. – № 1(55). – С. 57-68.
4. Соколова Е.С. «Закон яко фортеция правды»: о теоретико-практических основах законодательной политики Петра Великого / Е.С. Соколова // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 3. – С. 345- 366.
5. Стругова Е.В. О правосознании и его деформации / Е.В. Стругова // Юридическая наука. – 2016. – № 1. – С. 41-48.

УДК: 340.115 + 340.126

В.В. Седнев, д-р мед. наук, профессор, Донбасский государственный университет юстиции Министерства юстиции Российской Федерации (г. Донецк)

(e-mail: wsednev63@mail.ru)

А.В. Войтов, канд. юрид. наук, Донбасский государственный университет юстиции Министерства юстиции Российской Федерации (г. Донецк)

(e-mail: alexv7995vvv@yandex.com)

ЮРИДИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЕНАЦИФИКАЦИИ

В статье рассматриваются одна из составляющих денацификации – анализ содержания нормативных материалов, националистических концептов и нарративов государства Украина. Для оптимизации и формирования единообразия практики принятия решений относительно их денацификации предлагается разработка и внедрение новых видов юридических экспертиз – антидискриминационной и денацификационной. Сформировано понятие

таксономических групп экспертиз. Приводятся концепции обеих видов экспертиз.

Ключевые слова: юридическая экспертиза, нацизм, национализм, фашизм, дискриминация, денацификация.

Sednev, W.V.,

Voitov, A.V.

LEGAL EXAMINATIONS AS A TOOL OF DENAZIFICATION

The article examines one of the components of denazification - an analysis of the content of normative materials, nationalist concepts and narratives of the state of Ukraine. To optimize and create uniformity in the practice of decision-making regarding their denazification, it is proposed to develop and implement new types of legal examinations - anti-discrimination and denazification. The concept of taxonomic groups of expertise has been formed. The concepts of both types of examinations are presented.

Key words: legal expertise, Nazism, nationalism, fascism, discrimination, denazification.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью исполнения решения Президента Российской Федерации В.В. Путина, объявленного в Обращении от 24.02.2022 г., в соответствии со ст. 51 ч. 7 Устава ООН, с санкции Совета Федерации и во исполнение ратифицированных Федеральным собранием договоров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой, о проведении специальной военной операции на территории Украины, среди целей которой указана денацификация.

Также Глава ДНР Д.В. Пушилин, 04 апреля 2022 года на первом заседании Государственного комитета обороны, дал поручение подготовить правовые акты по денацификации, т.к. имевшееся на тот момент законодательство по противодействию экстремистской и террористической деятельности не в полной мере соответствовало задаче денацификации.

Однако на сегодняшний день по-прежнему отсутствует полноценное нормативное урегулирование деятельности по денацификации.

Анализ научных исследований. Впервые термин денацификация был использован после окончания Второй Мировой войны по отношению к Германии и Австрии [9]. Сама политика денацификации в странах бывшего Третьего Рейха представляла собою комплекс мероприятий, направленных на очищение послевоенного германского и австрийского общества от нацистской идеологии.

Нацизм, с точки зрения практики денацификации, предлагается рассматривать как единство [8; 14]:

– идеологии – закреплённой в: а) нормативных правовых актах, б) литературных источниках;

– практики – а) формирование мононационального государства, б) уничтожении инакомыслия (закреплённое в нормативных правовых актах), в) уничтожении инакомыслящих (закреплённое в националистических интерпретациях действительности, актуализируемых СМИ);

– атрибуты – используемая символика, названия топонимов, памятные знаки и объекты, практика общения.

Соответственно денацификация должна затрагивать все три аспекта:

– в сфере идеологии: а) ревизия и отмена принятых нормативных правовых актов, закрепляющих националистическую идеологию и практику, б) контроль литературных источников; введение цензуры (на ограниченный, но достаточно длительный срок);

– в сфере практики: а) закрепление полинационального и полиязычного устройства государства в Конституции, б) и в) ревизия и отмена нормативных правовых актов, закрепляющих противодействие инакомыслию, кроме экстремистского; запрет националистически-ориентированных СМИ; введение цензуры (на ограниченный, но достаточно длительный срок); открытие архивов, содержащих сведения о деятельности националистов;

– в атрибутике: запрет националистической символики, в том числе сходной до степени смешения; смена (возврат прежних) названий топонимов; демонтаж националистических объектов и знаков; формирование нетерпимости к национализму.

Цель статьи – рассмотрение возможностей юридических экспертиз в отношении денацификации нормативных правовых актов, националистических концептов и нарративов украинского государства.

Изложение основного материала.

Понятие "юридическая экспертиза" пока не получило устойчивого определения. Так, предлагается понимать под этим определением: исследование с целью установления соответствия рассматриваемого законопроекта нормативным правовым актам более высокой юридической силы [19, С. 93-94]; правовая оценка формы акта, его целей и задач предмета правового регулирования, компетенции органа, принявшего акт, содержащихся в нем норм, порядка принятия, обнародования (опубликования) на предмет соответствия требованиям Конституции РФ и федерального законодательства [2; 6, С. 54; 17, С. 7];

При этом под "правовой экспертизой", понимается: 1) контроль за соответствием как внешней формы нормативного правового акта, так и его содержания актам, вышестоящим по юридической силе, действующему порядку и юридической технике [1], причём автор считает синонимичными понятия "правовая" и "юридическая" экспертизы (аналогично – А.В. Петренко [13, С. 13]); 2) установление соответствия проектируемого нормативного правового акта требованиям норм права, общественному интересу, социальным потребностям [11; 13, С. 12; 16; 19, С. 93-94]; 3) деятельность специалиста-эксперта, правомочного органа государственной власти, направленную на исследование нормативного правового акта, на его соответствие Конституции Российской Федерации, федеральным законам и требованиям юридической техники [18]. При этом методические рекомендации МЮ РФ (2017) устанавливают, что «Правовая экспертиза предполагает оценку нормативного правового акта с точки зрения соответствия его положений нормам

Конституции Российской Федерации; связи с общей системой действующего законодательства; соотношения с международно-правовыми актами; обоснованности выбора формы акта; обеспеченности финансовыми, организационными и иными мерами, мерам ответственности (санкциями), поощрениями; соблюдения правил юридической техники» [12, С. 6].

Следует согласиться с мнением о том, что данные понятия разделены недостаточно [7, С. 61], ни в объёме, ни в содержании. Для разделения этих понятий целесообразно проанализировать соотношение понятий «юридический» и «правовой».

«Правовой» является прилагательным от существительного «право», которое означает: 1) совокупность социальных регуляторов, которая может быть облечена в соответствующую законодательную форму, а может и не быть облечена в неё; 2) систему общеобязательных социальных норм, охраняемых силой государственного принуждения, обеспечивающего юридическую регламентацию общественных отношений в масштабе всего общества; 3) обеспеченную законом возможность что-то делать, иметь и пр. [4, С. 549-560; 5, С. 409-410; 15, С. 79].

Право, как система, дифференцировано по отраслям, межотраслевым комплексам норм [4, С. 549-550; 5, С. 409-410] и как прилагательное в основном уточняет ряд общеспециальных понятий [4, С. 560-561; 5, С. 418-418]. Аналогично в базовом толковом словаре русского языка словарная статья «правовой» отсылает к статье «право», указывая на несамостоятельность исследуемой лексемы [3, С. 953].

"Юридический" чаще является уточняющим прилагательным в формировании терминов как общего (напр., наука, практика и т.п.), так и специального (напр., обязанность, техника и т.п.) назначения [4, С. 830 – 833; 5, С. 619-620; 15, С. 119]. Согласно базовому толковому словарю русского языка это самостоятельная лексема, со своим толкованием (отдельной словарной статьёй) [3, С. 1529].

Таким образом, анализ соотношения этих понятий показывает, что термин "юридический" является более общим и автономным относительно термина "правовой", хотя понятия и имеют существенную синонимичную общность. Если рассматривать экспертизу в целом как исследовательскую деятельность для нормативно регламентированного установления сведущим лицом фактов, имеющих значение для регулирования правоотношений компетентного лица, то становится очевидным, что правовая экспертиза (в т.ч. и по аналогии с антикоррупционной) рассматривает более узко специфические вопросы, как это и зафиксировано в официальном источнике [12, С. 6], чем юридическая, которая представляет собой более объёмное понятие, описывающее род экспертных исследований и включающее в себя оба вида проводимых на сегодняшний день экспертами (специалистами)-юристами экспертиз: правовую и антикоррупционную. Соответственно в род юридических экспертиз входя как таксоны более низкого уровня – виды – правовая и антикоррупционная, так и те, которые могут быть разработаны, именно как деятельность эксперта (специалиста)-юриста.

Для дальнейшего изложения понятие "юридические экспертизы" будет рассматриваться как род экспертиз, наряду с родами судебных, гуманитарных и т.п., проводимых экспертом (специалистом) - юристом для оценки, толкования (юридическая герменевтика [15, С. 119]) юридических, фактических и социальных аспектов нормативных актов с целью установления существования определённых фактов, их правомерности или неправомерности (юридическая констатация [15, С. 119]), т.к. именно юридическая деятельность осуществляется на профессиональной основе.

Денацификация – комплекс мероприятий, а также их результат, направленных на ликвидацию украинских националистических организаций и объединений, очищение общества, культуры, образования, средств массовой информации, экономики, юриспруденции и политики от любого рода украинской националистической идеологии. Денацификация современного украинского государства должна включать, среди иных мер: оценку имеющихся правовых норм и, при необходимости – их отмену, либо изменение и дополнение, а также отмену действующих законодательных актов и законопроектов, предусматривающих реабилитацию, поощрение (награды, льготы) и/или героизацию нацистских преступников, регламентирующих государственную поддержку и проведение на государственном уровне националистических проектов и мероприятий; искоренение и запрет националистических нарративов, публичных призывов и героизации нацистов в политических программах, в деятельности органов государственной власти и правоохранительных структур, в образовательном процессе и в средствах массовой информации [14].

Для полноценного, обоснованного и оптимального в затратах ресурсов, осуществления указанной деятельности оптимальным решением представляется разработка юридических экспертиз: антидискриминационной и денацификационной.

Антидискриминационная экспертиза осуществляется на предмет выявления в направленном на исследование материале положений, реализация которых может способствовать нарушению равенства прав и свобод человека, деформации традиционных духовно-нравственных ценностей. Сфера применения – защита прав и свобод человека и гражданина, а также традиционных духовно-нравственных ценностей:

- путём оценки как проектов, так и действующих нормативных правовых актов, в том числе и на основе обращений граждан в органы власти;
- анализ реформ образования, науки, СМИ, образовательных и культурных проектов;
- противостояние деструктивной идеологии и переписыванию истории.

Дискриминирующие (изучаемые) факторы – правовые либо лексические конструкции, которые сами по себе либо во взаимосвязи с иными положениями, устанавливают необоснованные ограничения либо привилегии для количественно неопределённых групп населения по какому-либо юридически не значимому признаку, а также положения, искажающие либо замещающие традиционные духовно-нравственные ценности.

Правовая основа антидискриминационной экспертизы. Международные нормы, которые в соответствии со ст. 15 Конституции РФ представляют собой часть правовой системы Российской Федерации: Всеобщая декларация прав человека (1948г.); Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.); Конвенция относительно дискриминации в области труда и занятий (1958 г.), Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 г., вступила в силу с 1969 г.), Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (1960 г., вступила в силу с 1962 г.), Декларация ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках (1978 г.).

Конституция Российской Федерации (Глава 2, прежде всего – ст. 17, 19, ч. 3 ст. 37, пп. в.2) ч. 1 ст. 114) и федеральное законодательство:

ФКЗ от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 29.05.2023) "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации";

ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации от 21.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023);

ст. 5.62., 13.111, ч. 23 ст. 19.5. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.06.2023);

ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 31.07.2023);

ст. ст. 2, 3, 4, 132, 391 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 27.06.2023);

ч. 4 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023);

ст. ст. 4, 136, 286 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (ред. от 24.06.2023);

ст. 25 Закона РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 11.01.2023) "О занятости населения в Российской Федерации";

ст. 5 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 14.06.2022) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации";

ст. 3.1. ФЗ от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 28.12.2022) "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации";

ст. ст. 3, 5 ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2023) "Об образовании в Российской Федерации";

ст. 9 ФЗ от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 21.12.2021) "О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности";

ст. 6 ФЗ от 21.06.1995 № 103-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений";

Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2020 № 3468-р "Об утверждении Государственной стратегии противодействия распространению ВИЧ-инфекции в Российской Федерации на период до 2030 года";

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 "О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)".

Кроме того, соответствующие нормативные правовые акты субъектов Федерации, чьё право на осуществление нормотворческой деятельности предусмотрено Конституцией РФ (пп. "б" ч. 1 ст. 72), в соответствии с которой защита прав и свобод человека и гражданина отнесена к совместному ведению Российской Федерации и её субъектов.

Объекты антидискриминационной экспертизы: система прав и свобод человека и гражданина, а также традиционные духовно-нравственные ценности.

Принципы антидискриминационной экспертизы: комплексность; обоснованность, объективность и проверяемость результатов; компетентность специалистов; сотрудничество с институтами гражданского общества.

Методология антидискриминационной экспертизы основывается на учении о праве, теории нормотворчества и социального правообразования, методах правового регулирования и формах выражения (закрепления) правовых нормативов, равно как и на теории социальных интересов и социального компромисса.

Методы антидискриминационной экспертизы: анализ (включая функциональный, системный и нормативный), методы опережающей информации, экстраполяции, экспертных оценок, а также социологический.

Результат антидискриминационной экспертизы – заключение эксперта (специалиста) о наличии либо отсутствии дискриминирующих факторов и возможности коррекции материала для их исключения (в случае наличия).

Денацификационная экспертиза – оценка нормативных правовых актов (возможна оценка учебной, учебно-методической и иной литературы, используемой в образовательных учреждениях всех уровней, публичных библиотеках) в целях выявления в них факторов, способствующих нарушению прав и свобод человека, выявления националистических, нацистских концептов и их последующего устранения либо отмены нормативных правовых актов.

Сфера применения:

– практика денацификации – путём оценки нормативных правовых актов на освобождённых территориях, до принятия новых; оценки действующего законодательства Украины, на предмет признания экстремистскими нормативных правовых актов;

– также может быть использована в ходе денацификации учебной, учебно-методической и иной литературы, используемой в образовательных учреждениях всех уровней, публичных библиотеках.

Изучаемые факторы – положения нормативных правовых актов, устанавливающие необоснованные ограничения либо привилегии для количественно неопределённых групп населения на основе какого-либо юридически не значимого признака (за исключением ограничений, установленных международным законодательством) на основе националистической идеологии, положения, предусматривающие реабилитацию, поощрение (награды, льготы) и/или героизацию нацистских преступников, регламентирующие государственную поддержку и проведение на государственном уровне националистических проектов и мероприятий, а также иные националистические смыслы и концепты.

Правовая основа денацификационной экспертизы: Международные нормы, которые в соответствии со ст. 15 Конституции РФ представляют собой часть правовой системы Российской Федерации: Всеобщая декларация прав человека (1948 г.); Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.); Конвенция ГА ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята в 1984г., действует с 1987 г.); Резолюция ГА ООН Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости (2014 г.); Всемирная антинацистская хартия.

Конституция Российской Федерации (ст. 17, ч. 2 ст. 19) и федеральное законодательство:

ст. ст. 13.15, 13.37, 13.41, 19.5.1, 20.3, 20.3.1, 20.3.4, 20.29 КоАП РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.06.2023);

ст. ст. 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 212, 280, 280.1, 280.3, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4, 354.1, 361 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (ред. от 24.06.2023);

ФЗ от 19.05.1995 № 80-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941 - 1945 годов»;

ФЗ от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О противодействии экстремистской деятельности»;

ФЗ от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии терроризму»;

Указ Президента РФ от 14.06.2012 № 851 (ред. от 31.01.2023) «О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства»;

Указ Президента РФ от 29.05.2020г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»;

Указ Президента РФ от 02.07.2021г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Изучаемые факторы и правовые основы антидискриминационной и денацификационной экспертиз частично сходны. При этом изучаемые факторы денацификационной экспертизы представляют собой большую степень детализации, относительно антидискриминационной экспертизы. Соответственно происходит уменьшение объёма применения денацификационной экспертизы. Объекты, принципы, методология и методы, результаты обеих представленных экспертиз тождественны. Это означает, что денацификационная экспертиза является подвидом антидискриминационной. При этом уровень широты охвата факторов антидискриминационной экспертизы делает её пригодной для деятельности по защите прав человека, например – в практике работы уполномоченного по правам человека.

Выводы.

1. Понятие "юридическая экспертиза" и "правовая экспертиза" соотносятся как соподчинённые таксономические единицы: класс – экспертизы (нормативно регламентированное установление сведущим лицом фактов, имеющих значение для регулирования правоотношений), род (выделяемый по отраслям знаний сведущего лица) – юридические экспертизы, вид – правовая экспертиза.

2. Денацификация, будучи комплексной, системной и многокомпонентной деятельностью, облигатно включает в себя оценку имеющихся правовых норм и, при необходимости – их отмену, либо изменение и дополнение, искоренение и запрет националистических нарративов, публичных призывов и героизации нацистов в политических программах, в деятельности органов государственной власти и правоохранительных структур, в образовательном процессе и в средствах массовой информации. Данный вид деятельности требует унификации подходов, оптимизации процедур, достоверности, надёжности и обоснованности выводов о необходимости денацификации того или иного правового либо лексического материала. Оптимальным решением представляется внедрение новых разновидностей юридических экспертиз.

3. В род юридических экспертиз предлагается включить новый вид – антидискриминационную экспертизу (выявление положений нормативных правовых актов, их проектов; анализ реформ образования, науки, СМИ, образовательных и культурных проектов, реализация которых может способствовать нарушению равенства прав и свобод человека, деформации традиционных духовно-нравственных ценностей), подвидом которой является денацификационная экспертиза (оценка нормативных правовых актов, также возможна оценка учебной, учебно-методической и иной литературы, используемой в образовательных учреждениях всех уровней, публичных библиотеках, в целях выявления в них факторов, способствующих нарушению прав и свобод человека, выявления националистических, нацистских концептов, нарративов и их последующего устранения либо отмены нормативных правовых актов).

Список литературы.

1. Алешкова Н.П. Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов как обязательная часть качественного правотворческого процесса / Н.П. Алешкова // Российская юстиция. – 2012. – № 10. – С. 23-25.
2. Андреев И.С. Системный подход к понятию экспертизы нормативного правового акта / И.С. Андреев // Журнал российского права. – 2001. – № 6. – С. 51-55.
3. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1534 с.
4. Большой юридический словарь. / Автор и составитель: Борисов А.Б. – М.: Книжный мир, 2010. – 848 с.
5. Большой юридический словарь / Авт.-сост. Додонов В.Н. и др. – Москва: Изд. дом "ИНФРА-М", 1997. – VI,789,[2] с.

6. Ельцов Н.С. Юридическая экспертиза в практике работы органов юстиции / Н.С. Ельцов // Российская юстиция. – 2001. – № 7. – С. 54-55.
7. Ким А.В. Правовая и антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов в территориальных органах Министерства юстиции Российской Федерации: административно-правовое исследование / А.В. Ким: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / – Москва, 2017. – 263 с.
8. Кондратюк С.В. Уточнение понятия "фашизм" в аспекте правоприменения / С.В. Кондратюк // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2022. – Т. 11. – № 4 (41). – С. 10-13.
9. Кун Г. Возвращение из преисподней: денацификация послевоенной Германии / Г. Кун // Историк и художник. – 2007. – № 12. – С. 161-176.
10. Лезина Е. Денацификация Западной Германии. 70 лет с момента завершения программы / Е. Лёзина // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2018. – № 3-4 (127). – С. 192-206.
11. Мамитова Н.В. Правовая экспертиза российского законодательства. Учебно-практическое пособие. / Н.В. Мамитова – М.: Норма, 2017. – 208 с.
12. Методические рекомендации по проведению правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (с иллюстрацией на конкретных примерах) – М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2017. – 56 с.
13. Петренко А.В. Экспертиза как средство оптимизации правового регулирования: проблемы теории и практики / А.В. Петренко: автореферат дис. ... канд. юри. наук: 12.00.01 / – Пенза, 2018. – 32 с.
14. Седнев В.В. Денацификация: операционализация понятий / В.В. Седнев // Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий: материалы VII Международной науч.-практ. конф. (Донецк, 6-7 июня, 2023г.). Секция 3. Теоретико-правовые и философско-психологические основы обеспечения социальных инноваций в деятельности органов государственной власти / ФГБОУ ВО "ДОНАУИГС". – Донецк: ДОНАУИГС, 2023. – 288 с. – С. 182-187.
15. Словарь юридических терминов / Мелехин А.В., д-р юр. н., проф. – КонсультантПлюс, 2009. – 242 с.
16. Стародубцева И.А. Экспертиза нормативных правовых актов как способ предотвращения коллизий: особенности правового регулирования в субъектах Российской Федерации / И.А. Стародубцева // Российская юстиция. – 2012. – № 9. – С. 14-19.
17. Степанищев В.Ф. Роль органов юстиции в обеспечении единого правового пространства Российской Федерации / В.Ф. Степанищев: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. – 238 с.
18. Третьякова Е.-Д.С. Соотношение правовой экспертизы и нормоконтроля (некоторые вопросы теории и практики) / Е.-Д.С. Третьякова // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 9. – С. 51-53.

19. Чухвичев Д.В. Законодательная техника. / Д.В. Чухвичев – М.: ЮНИТИ, Закон и право, 2006. – С. 93-94.

УДК 342.9

Б.Н. Сиренко, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Донецкая академия управления и государственной службы (г. Донецк)

(e-mail: sirenkobogdan@mail.ru)

РАЗВИТИЕ УЧЕНИЙ О ПРИЧИНАХ И УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Статья посвящена анализу развития учений о причинах совершения правонарушений и условиях, им способствующих. Автор обоснованно считает, что усматривается возможным выделить три основных концепции учений о причинах и условиях совершения правонарушений: биологические, биопсихологические и социологические.

Ключевые слова: административное правонарушение; причины совершения административных правонарушений; условия, способствующие совершению административных правонарушений; биологические концепции учений о причинах и условиях совершения правонарушений; биопсихологические концепции учений о причинах и условиях совершения правонарушений; социологические концепции учений о причинах и условиях совершения правонарушений.

Sirenko, B.N.

DEVELOPMENT OF TEACHINGS ABOUT THE CAUSES AND CONDITIONS OF OFFENSES

The article is devoted to the analysis of the development of doctrines about the causes of offenses and the conditions that contribute to them. The author reasonably believes that it is possible to distinguish three main concepts of the teachings on the causes and conditions of committing offenses: biological, biopsychological and sociological.

Key words: administrative offense; causes of administrative offenses; conditions conducive to the commission of administrative offenses; biological concepts of teachings on the causes and conditions of offenses; biopsychological concepts of teachings on the causes and conditions of offenses; sociological concepts of teachings on the causes and conditions of offenses.

Актуальность темы исследования. Проблема профилактики административных правонарушений в нынешних условиях представляет собой актуальную задачу не только для государственных деятелей, но и стала предметом активного обсуждения в научных кругах среди, в частности, ученых, криминологов, философов, практических сотрудников судебных и правоохранительных органов. В современный период развития Донецкой Народной Республики как субъекта Российской Федерации создаются условия,

способствующие увеличению активности населения при разрешении социально важных задач, что находит свое отражение в т.ч. и в организации деятельности государственно-властного аппарата по противодействию общественно-опасным деяниям, административным проступкам и другим нарушениям установленных государством правил, норм и стандартов поведения для всех субъектов правоотношений.

При этом стоит указать, на государственном уровне именно своевременное принятие эффективных мер по профилактике административных правонарушений признается приоритетным направлением в деятельности его властных структур при противодействии нарушениям законности, в т.ч. не представляющим большой общественной опасности.

Проблема противодействия правонарушениям на протяжении всего периода существования человечества была и остается одной из самых значимых как для общества, так и для каждого государства мирового сообщества в отдельности. Указанная задача не выходила из поля зрения ни при каких общественных строях и формациях. Правонарушения совершались при каком-либо политическом режиме вне зависимости от личности государственного руководителя. Поэтому нельзя не согласиться с французским социологом Э. Дюркгеймом, который считал, что правонарушения являются элементом любого здорового общества [3].

Всестороннее изучение административных проступков как своеобразного социального феномена и правового явления, обусловленного как степенью развития социально-экономических формаций в обществе и государстве, так и уровнем правовой культуры граждан, в настоящее время приобретает масштабное как теоретическое, так и практическое значение. При этом важно выяснить, чем обусловлено возникновение аномальных административных правоотношений, каковы причины и условия совершения правонарушений, степень взаимосвязи между личностью субъектов и совершенными противоправными деяниями, не представляющими большой общественной опасности. Выяснению сущности такого деликта как административный проступок, причин и условий его совершения, а также своевременность принятия профилактических мер по его недопущению принадлежит особая роль в обеспечении эффективного правового механизма регулирования общественных отношений, а глубокое, всестороннее и объективное исследование отмеченных проблем современного общества приобретает особый смысл, важность и актуальность.

Анализ научных исследований. На вопросах профилактики правонарушений в своих работах сосредотачивали внимание такие ученые в отрасли криминологии и административного права как, Г.А. Аванесов [1], А.М. Бандурка [2], А.Ф. Зелинский [7], И.И. Карпец [9], В.Н. Кудрявцев [15], Н.Ф. Кузнецова [13], Л.Л. Попов [19], М.Д. Шаргородский [24], В.П. Филонов [22]. Среди современных исследователей представляется возможным выделить работы таких ученых как А.Ю. Гордеев [5], О.Н. Дунаева [14], О.Н. Каширина [10], В.И. Майоров [14],

А.Е. Николаева [17], В.В. Павлов [18], М.А. Яковлева [25] и др. Однако, проблема профилактики административных проступков в условиях Донецкой Народной Республики как субъекта Российской Федерации в настоящее время изучена еще не в полной мере, что и обосновывает актуальность, важность и своевременность настоящей работы.

Цель статьи состоит в исследовании исторического развития учения о причинах совершения правонарушений и способствующих им условиях.

Изложение основного материала. Считаю важным отметить, что в нынешних условиях все еще отсутствует целостное понятие о причинности административных проступков, а эта проблема еще не заняла должного места в административно-правовой сфере. В.И. Ремнев пишет, что «при изучении причинности и причин административных деликтов между криминологией и деликтологией не должно быть никакой «китайской стены» [20, С. 10], с чем мы в полной мере согласны.

По нашему мнению, существует объективная необходимость в критическом переосмыслении основных положений криминологии с учетом перспектив дальнейшего развития ее отдельных институтов с последующим их использованием в сфере деликтологии, поскольку часть административных деликтов, вне зависимости от их повторности, было бы обоснованным и целесообразным изучать на основе существующей теории причинности. Познание административной деликтологии в полной мере зависит от методологической определенности ее детерминированности.

Прежде чем выполнить противопоставление категорий «причина» и «условие», считаем необходимым выяснить содержание понятий «причинность» и «детерминация». Так, детерминизм, с философской точки зрения, определяется как учение о материальной обусловленности каждого явления, которое заключается в таком ограничении спектра исходных возможностей, что оно приводит к данному явлению и определяет его основные характеристики [2, С. 16]. Кроме того, подчеркивается, что причинность входит в процесс детерминации как органическая часть любой связи явлений, более того «...она лежит в основе всех других форм связей и является общим аспектом детерминации явлений» [4, С. 17].

В нашем случае заслуживает внимания точка зрения Дидье Жюлиа, в соответствии с которой детерминация (от лат. *determinatio*) представляет собой причинную обусловленность событий либо явлений. Для позитивно-правового мышления характерно мнение о том, что каждое правомерное или противоправное деяние имеет свои конкретные причины, а те, в свою очередь, являются следствием более глубоких причин [6, С. 241].

Под причинностью же следует понимать философскую категорию, которая служит для определения необходимой, генетической, существенной связи явлений, из которых одно (именуемое причиной), порождает второе, (именуемое следствием). При этом, А.И. Долгова определяет причинность как один из видов связей вещей или явлений – это связь, которая создает и определяет факт порождения какого-либо явления либо процесса [12, С. 198].

В том случае, когда речь идет о причинности, мы оперируем категориями «причина», «следствие» и «причинная связь», что обосновывает необходимость говорить именно о них.

Так, причина представляет собой явление, которое непосредственно предопределяет, порождает другое явление – следствие [12, С. 96].

Кроме того, причина – это сила, которая влечет за собой развитие событий в одном из предполагаемых направлений, и может включать в себя несколько компонентов, среди которых:

– основания, т.е. базовые социальные противоречия, играющие роль пускового механизма;

– условия как внутренние качества, способствующие осуществлению этого события;

– причинные факторы, непосредственно порождающие это явление или событие.

Далее отметим, что при исследовании деликтных детерминант важным, на наш взгляд, является учет существующих видов причинной связи, возникающей между причиной и последствием. Не прибегая к детальному объяснению видов причинной связи, отметим лишь ее важность и необходимость в исследовании причин административной деликтности.

Изучение же проблемы причинных связей в административной деликтности имеет определенные пределы, которые обуславливают взаимное влияние различных форм общественных отношений и граждан с их индивидуальными особенностями. В полной мере это касается административной деликтности, поскольку она является частью всеобщих взаимосвязей, проявляющихся в общей системе общественных явлений.

В то же время, стоит указать – некоторым облегчением, с этой стороны, будет то, что административная деликтность как явление урегулирована административным законодательством и на основе существующей административной практики сформированы категории классификации и систематизации, касающиеся как противоправных деяний, так и правонарушителей.

Такая типология в последние годы образовалась посредством действия норм административного права и отражает реальную действительность, сложившуюся в современном обществе, а также может служить основой условных либо временных представлений в сфере деликтологических исследований, пределы которых обосновываются тем, что в административном праве противоправные деяния (проступки) разграничиваются по объектам посягательства, которые, как правило, различны. Кроме того, отдельные категории противоправных деяний и нарушителей выявляют разнообразные связи и особенности, требующие разностороннего подхода и анализа закономерностей административной деликтности в цепи общих связей в пределах, установленных административным законодательством.

Необходимо отметить, что особенности причинных связей выражаются в следующем.

Во-первых, действующая причина порождает следствие. Для того, чтобы причина начала свое действие, необходимы соответствующие условия, так как они сами по себе не способны породить следствие. Они, в случае начала действия причины, преобразовывают возможность совершения административного проступка в реальную действительность.

Во-вторых, существует последовательность между причиной и следствием. Причина всегда предшествует следствию во времени, хотя такой интервал может быть весьма непродолжительным.

В-третьих, следствие не может выступать фактором возникновения той же причины.

В-четвертых, существует однозначное соотношение причины и следствия: действие одной и той же причины в одних и тех же условиях всегда порождает одно и то же следствие.

В-пятых, причина не сводится к следствию. Следствие не повторяет причину, поскольку выступает результатом преобразования, изменения объекта.

Из вышеуказанного и, учитывая законы логики, представляется возможным заключить, что причинность является центральным моментом, особым случаем детерминированности. В общефилософском смысле причинность всесторонняя, поскольку нет явлений, возникающих из ниоткуда, т.е. беспричинно. В то же время, нет явлений, которые не порождали бы тех либо иных последствий. При изучении всей совокупности административных проступков важно исходить из того, что в правоохранительной практике для привлечения лица к юридической ответственности обязательным условием выступает необходимость установления причинно-следственной связи между совершенным общественно-вредным (общественно-опасным) деянием и наступившими общественно-вредными (общественно-опасными) последствиями.

В свою очередь, условие представляет собой философскую категорию, отражающую отношение предмета к окружающим его явлениям, без которых оно не может существовать. В отличие от причины, непосредственно порождающей то либо иное явление или процесс, условия представляют собой ту среду либо обстановку, в которой последние возникают, существуют и развиваются.

По мнению исследователя А.Ф. Зелинского, «Условия – относительно пассивный фактор, влияющий на развитие причинной связи, но не порождающий следствие. Оно, условие, играет роль катализатора процесса, без необходимых условий не наступит следствие» [7, С. 43].

Кроме того, представляется целесообразным отметить, что разработка теории причин и условий административных проступков невозможна без обращения к разработкам ученых-криминологов в отрасли причин и условий преступности. Согласно системному подходу, ни одно явление не следует рассматривать изолированно, без выявления и анализа системообразующих связей, его места и роли в иерархии систем высшего порядка.

В нашем случае это означает, что явление административных проступков представляется возможным воспринимать вместе с криминальной средой и ее маргинальной прослойкой, другими асоциальными явлениями и процессами, образующими систему факторов и обстоятельств, прямо порождающих административные деликты либо способствующих созданию «комфортных» условий для их совершения.

Считаем аргументированным отметить, что основой противоречия, приводящего к совершению административных деликтов, является преступность и, к сожалению, ее прогрессирующая черта, что представляется возможным подтвердить следующими аргументами:

1. Ежегодно в России к административной ответственности привлекаются десятки миллионов граждан, пополняющих, тем самым, ряды потенциальных преступников.

2. Необходимо учитывать высокий уровень латентности административных проступков, что способствует появлению и укреплению у значительной части населения уверенности в безнаказанности противоправного поведения, снижения уровня доверия к важности деятельности государственных органов, их должностных лиц. Такая ситуация, несомненно, порождает совершение новых административных проступков, постепенно превращая их в категорию «привычных», которые начинают восприниматься «в меру приемлемыми» либо «социально одобряемыми».

3. Ученые, журналисты, специалисты-практики, анализируя факторы, явления, связанные с организованной преступностью, другими общественно-опасными деяниями, в недостаточной мере раскрывают, озвучивают с помощью СМИ проблемы охраны общественного порядка, своевременности принимаемых профилактических мер, а также правоохранительных мероприятий по упреждению и противодействию административным проступкам, которые рассматриваются как «малозначительные», «вредные» и не представляющие большой общественной опасности. Отсюда и борьба с административными проступками носит локальный или ведомственный характер.

4. По мнению многих специалистов, экономические потери от административных проступков представляется возможным сопоставить с ущербом от многих видов преступлений [11, С. 16].

5. Административные проступки представляют собой последствия деятельности многих криминальных группировок, тесно связанных с совершением ряда общественно-опасных деяний, особенно экономической направленности.

6. Мировой и отечественный опыт противодействия уголовно-наказуемой деятельности свидетельствует о тесной взаимосвязи с преступностью отдельных административных проступков, в частности, это азартные игры, проституция.

7. Зачастую отдельные виды административных проступков, в зависимости от ряда факторов, имеют тенденцию к перерастанию в преступления.

Всю совокупность концепций, объясняющих причины совершения противоправных деяний вообще и административных проступков в частности, представляется возможным разделить на несколько групп. К ним относятся: теории, объясняющие причины правонарушений с позиции личных качеств человека, в т.ч. с позиции врожденных качеств, а также теории, увязывающие причины правонарушений с факторами социального порядка. Споры и разногласия между представителями этих направлений начались давно и не утихают до сих пор.

Считаем вполне уместным отметить, что первый существенный шаг в этом направлении сделали представители антропологического курса, которое связывают с именем итальянского врача-психиатра Ч. Ломброзо, начавшего свой труд «О преступном человеке» словами: «... однажды утром я нашел на черепе каторжника целую серию атавистических отклонений аналогичную тем, что имеют место у низших позвоночных. Я осознал, что проблема сущности и происхождения преступников была решена для меня» [12, С. 100].

За всю свою жизнь он изучил более 11 тыс. преступников, измеряя при этом их рост, вес, руки, ноги, а также разглядывал цвет внутренних органов. Все это он проделывал с одной целью – получить право с полной уверенностью заявить: преступник – это атавистическое существо, содержащее в себе инстинкты первобытного человека.

Под воздействием критики, Ч. Ломброзо сделал уступку: он ввел понятие «случайного преступника», для которых в специально разработанных мерах предупреждения предусматривались исправительные дома. Однако, при этом стоит обязательно отметить, что Ч. Ломброзо был врачом, который основное внимание в процессе выполнения своей трудовой деятельности уделял лечению.

Заслуживает внимания тот факт, что теория указанного итальянского специалиста породила огромное количество споров. Еще при его жизни группа английских ученых под руководством Ч. Горинга провела комплексное исследование около 3 тыс. человек, по результатам которого они пришли к выводам, что различия между преступниками и злоумышленниками не существует, а, следовательно, нет такого феномена как «преступный человек».

К такому заключению также пришел английский врач Н. Ист, занимавшийся всесторонним изучением поведения, образа жизни и сферы деятельности четырехсот подростков-правонарушителей. Однако, эта тема не была закрыта, – в 1939 году в США вышло исследование антрополога Э. Хутона «Американский преступник», в котором он, на основании исследования более 10 тыс. заключенных, утверждал, что преступники стоят «ниже по уровню развития» и что снизить преступность можно путем полного уничтожения умственно отсталых или путем их полной сегрегации. [8, С. 89].

При этом, стоит указать, основной недостаток в аргументации Э. Хутона состоит в том, что он говорил о неравенстве развития преступников и добропорядочных граждан, поскольку первые не находились бы в тюрьме.

Далее стоит отметить, что на смену антропологам пришли психологи в лице представителей конституциональной психологии, основателем которой является немецкий психолог и психиатр Э. Кречмер. Проблемы своих исследований он формулировал, отталкиваясь от выработанных в обществе народных наблюдений: «Интриган – с горбом и кашлем, женщина из народа – низкого роста, круглая, как шар» и т.д. [8, С. 66]. Э. Кречмер же непосредственно не пытался найти связь между соответствующим телосложением и противоправным поведением субъекта.

Это сделал американский исследователь У. Шелдон, который выделил три основных телосложения человека, а также разработал систему, позволяющую классифицировать индивидов по построению тела, а затем использовать эти данные для определения их темперамента и поведения.

Важно также указать, что в начале 50-х гг. XX в. в США у преступника, совершившего несколько убийств, была выявлена дополнительная хромосома Y. Приблизительно в то же время такая хромосома была найдена и у убийцы во Франции. С проверкой теории выявления «хромосомы насилия» были проведены массовые исследования в этих странах, результаты которых были опубликованы в 1975 г. в Париже. Дополнительная хромосома Y была найдена у 1,0 – 1,4% преступников, отбывающих уголовное наказание. Общие результаты исследования показали, что среди лиц, совершивших правонарушения и имеющих генотип XXY, удельный вес правонарушений против личности и общественного порядка составил около 9% в то время, как у правонарушителей без такой аномалии эта цифра была значительно выше.

Были и другие теории, пытавшиеся доказать тенденции наследования, в частности, теория «близнецов», и теория «семейного древа». Так, считалось, что однойцовым близнецам должно быть характерно большее количество одинаковых черт правонарушителя, чем разнойцевым. Работая в этом направлении, датский криминолог К. Криситиансен исследовал около 6 тыс. пар близнецов. По его исследованиям, совпадение случаев совершения правонарушений у однойцевых близнецов – 35%, а у разнойцевых – 12%. Кажется, разница очевидна, но для нас важен другой вывод: на поведение близнецов большое влияние оказывают также условия жизни наряду с наследственностью.

Второе исследование касалось родословных древ двух династий: Джуксов и Эдвардсов. В первой из 1 200 членов 140 были преступниками, а во второй – большинство занимало высокие общественные посты и достигало значительных успехов в науке. Если преступные черты наследуются у Джуксов, то Эдварсы должны быть чистыми, за исключением, по-видимому, случайных правонарушений. Но выяснилось, что и в семье Эдвардсов тоже встречаются преступники.

Отметим, что в середине XIX века возникли биопсихологические теории происхождения правонарушений и преступности вообще. Их возникновение связывают с именем З. Фрейда, австрийского врача и психолога. Сам З. Фрейд не занимался проблемами преступности, однако его последователи сделали все, чтобы адаптировать его учение к объяснению причин совершения противоправных деяний.

Кроме того, указанный специалист в области медицины пытался сформулировать методику лечения неврозов, суть которой состояла в оказании помощи пациенту в распознавании причин своих страхов – когда человеку известно о них, то он психологически уже готов к противодействию этим фобиям. В результате дальнейших размышлений указанный врач-психолог заключил, что в глубине сознания индивида «живут» не только приобретенные фантомы: человек рождается с пристрастиями, которые следует ограничивать, к примеру, сексуальное влечение – либидо.

На последнем этапе деятельности З. Фрейд придает своему учению философское звучание – разрабатывает структуру личности, состоящую из трех инстанций – «Я», «Оно», «Идеал – Я». Первая из них связана с сознанием человека и управляет его побуждениями. Иными словами, каждый из нас судит о себе по своим, сознательно совершенным поступкам, либо от которых добровольно отказался. Из этого «Я» исходит инициатива по вытеснению из сознания психотравмирующих обстоятельств.

Однако, в человеке также имеет место «Оно», включающее в себя те же побуждения. Вытеснение сливается с «Оно» и является его частью. «Я олицетворяю то, что можно назвать разумом в противоположность «Оно», соответствующее страсти» [23, С. 96]. Вытеснение побуждений порождает «Идеал – Я», что и признается первоначальной природой человека. В случае, когда «Я» в постоянном конфликте с «Оно», – это может повлечь душевное расстройство и другие опасные последствия как для психики индивида, так и для ритма его жизнедеятельности.

В дальнейшем учение З. Фрейда получило свое развитие в процессе деятельности его учеников. Так, К. Юнг, швейцарский психолог и психиатр, основал направление «аналитическая психология» и выделил в бессознательном две части: личное бессознательное и коллективное бессознательное. Первое содержит все, что человек пытается вытеснить из сознания, но оно остается в качестве следа в бессознательном. Содержание второго, т.е. коллективного бессознательного, не приобретает в процессе жизни, оно представляет собой врожденные инстинкты и первоначальные формы постижения – *архетипы*. Аналитическая психология Юнга «социологизирует» фрейдизм. Коллективное бессознательное – это уже не только инстинкты, биологическое влечение, но и история человечества. Поэтому, причины правонарушений, скорее, социальные и содержатся в пережитках прошлого в сознании человечества [23, С. 98].

В такой способ, труды З. Фрейда, К. Юнга, а также их последователей, в частности, А. Адлера, Э. Фромма доказали, что человек является социальным

существом, а ответ на вопрос «Что есть человек?» надо искать не только в нем, но и между людьми, т.е. в их взаимоотношениях. Тем самым они дали начало социологическим теориям причин и условий совершения противоправных деяний.

Сторонники характерных преступных качеств лица также не исключали роль внешних обстоятельств. Непосредственно Ч. Ломброзо говорил о «случайных преступниках», совершавших правонарушения под влиянием внешних обстоятельств, которых он насчитал около 16 единиц. В частности, он выделял: климатические, метеорологические, образовательные, цивилизационные и другие факторы.

В свою очередь, его ученик Э. Ферри различал три группы таких обстоятельств:

– *антропологические* (органические аномалии мозга, костей, рефлекторной деятельности, умственные и психические аномалии, образование, род занятий, воспитание и др.);

– *физические* (климат, смена дня и ночи, метеорологические условия, годовая температура);

– *социальные* (религия, состояние промышленности, экономический и политический строй, построение исполнительных органов, органов правосудия, постановка законодательства вообще) [23, С. 102].

Теория «факторов преступности», которую в XIX веке наиболее полно сформулировал А. Кетле, бельгийский ученый, социолог-позитивист, один из основателей научной статистики, иностранный член-корреспондент Петербургской Академии Наук (1847), выступил своеобразным «мостиком» в последующие социологические теории правонарушений. В своих исследованиях он опирался на философский позитивизм О. Конта («положительное состояние человеческого разума, когда отторгается стремление познать внутренние причины явлений, а осуществляется переход к наблюдению, установлению связей между разными явлениями и некоторыми общими фактами»).

При этом ряд факторов, считающимися положительными, в частности, рост экономики, повышение финансового состояния общества могут перевоплотиться в негатив. Так, Г. Тард, французский социолог, заключил, что и богатые люди склонны к противоправным деяниям и, соответственно, совершают преступления и правонарушения. Как объяснить противоправные поступки богатых индивидов, которые, казалось бы, располагают всеми факторами и обстоятельствами для вполне беззаботной жизни? Он находит объяснение причинам правонарушений посредством действия «*закона подражания*», в соответствии с которым не только человек, но и общество развивается по таким закономерностям.

Так, Г. Тард считал, что подражание возникает на бессознательном уровне, а свойства людей исходят из существующих социальных образцов, к числу которых относятся, в частности, стереотипы поведения, нравы, вкусы, привычки, т.е.: правонарушитель находится в социальной связи с гражданами,

являющейся условием распространения соответствующих типов поведения, в т.ч. и неправомерного. «Преступник – существо общественное, он всегда чувствует потребность во вдохновении примером и одобрением группы людей» [23, С. 110].

Также считаем важным отметить, что видное место в теории правонарушений занимает теория «дифференцированной ассоциации» Э. Сазерленда, в соответствии с которой «Лицо становится делинквентом в результате превосходства у него оценок, способствующих нарушению норм права, над оценками, не способствующими нарушению норм права» [21, С. 91].

По мнению Э. Сазерленда, противоправному поведению учатся от лиц, уже усвоивших негативные ценности. Когда в сознании человека преобладают понятия, оценки, способствующие нарушению закона, то он легко переступает его. Однако, в обществе существуют взгляды и ценности, противостоящие правонарушениям. Индивид находится под влиянием и тех и других, как положительных, так и отрицательных (дифференцированных) общественных ценностей. И то, что воспринимает правонарушитель посредством своего противоправного поведения, находится в противоречии с тем, что воспринимается в связи с правомерным поведением. Отсюда и название «дифференцированная ассоциация». Взгляд на правонарушение как на «обычную функцию общества» является очень распространенным.

В свою очередь, Э. Дюркгейм, основатель французской социологической школы, утверждал, что для успешного развития цивилизации необходимо существование определенного пространства свободы, в котором индивиды имеют разные возможности для самовыражения как в сторону идеалов, так и в направлении нарушения социальных запретов. «Чтобы в обществе существовали равные возможности выражения для героев, романтиков, идеалистов, в нем должны существовать возможности самовыражения и для преступников. Свобода не может существовать, если нет возможностей для отклонений в разные стороны – и к идеалу, и к аномии, которая отрекается от норм» [3, С. 456].

В нашем случае, считаем обоснованным также уделить внимание теории Р. Мертона, который из социальной и культурной структуры общества выделил два элемента: первый – содержит цели, намерения, интересы, определяемые этой культурой, а второй – контролирует способы достижения этих целей. При этом стоит указать, что равновесие между этими элементами существует до тех пор, пока граждане получают удовольствие от того, что они достигают своих целей незапрещенными средствами.

В каждом обществе имеются социальные группы, где преступность среди ее членов рассматривается как эталон, так как признается единственным средством достижения тех либо иных целей, поскольку возможность добиться успеха в таком коллективе незапрещенными средствами весьма незначительна. Фактор антисоциального поведения заложен в непрочной связи между целью и средством ее достижения. В одних социальных группах эта интеграция выше, а

в иных – ниже. Поэтому, распространенность правонарушений в «иных» группах имеет более значительные масштабы [16, С. 128].

Таким образом, с учетом вышеизложенного, представляется возможным подытожить, что настоящая работа по анализу причин и условий правонарушений имеет несколько очевидных моментов:

1. Невозможно анализировать причины и условия таких деликтов как административные проступки без надлежащего изучения общих теорий причин и условий правонарушений.

2. Некоторые правонарушения, которые ранее признавались преступлениями, в современных условиях признаются видом административного проступка (к примеру, проституция).

3. Концепция объективных и субъективных факторов и условий совершения административных проступков является ничем иным, как, прежде всего, слиянием социологических и биопсихологических теорий причин правонарушений.

Выводы. Таким образом, на всех этапах исторического развития учений о причинах и условиях совершения правонарушений, принимая во внимание вышеизложенное, представляется возможным выделить три основные концепции: *биологические*, утверждавшие, что причины правонарушений исходят от биологических свойств правонарушителя, т.е. отрицательные качества, склонность к противоправному поведению передаются с рождением (Ч. Ломброзо, Э. Глюк, Э. Хутон, К. Кристиансен); *биопсихологические*, доказывающие, что склонность к совершению правонарушений кроется в психике человека, в его инстинктах (З. Фрейд, К. Юнг, У. Шелдон); *социологические*, обосновывающие, что причины и условия правонарушений кроются в обществе и являются его неотъемлемой частью, а поскольку природа человека и сам человек существо социальное, то на него и действует общество, как положительно, так и отрицательно (Э. Сазерленд, А. Кетле, Г. Тард, Р. Мертон и др.).

Список литературы

1. Аванесов Г.А. Вся жизнь в науке... Избранные научные труды / Г.А. Аванесов. – Москва: ЮНИТИ, 2019. – 838 с.
2. Бандурка А.М. Юридическая психология: учебник / А.М. Бандурка. – Х.: ХНУВС, 2014. – 683 с.
3. Бачинин В.А. Философия права и преступления: учебник для студентов юридических вузов / В.А. Бачинин. – Х.: Фолио, 1999. – 606 с.
4. Власов В.С. Причины и условия преступности в СССР: учебное пособие / В.С. Власов. – Ярославль: Ярославский ун-т, 1987. – 68 с.
5. Гордеев А.Ю. К вопросу о положительном опыте предупреждения преступлений в зарубежных странах / А.Ю. Гордеев // *Matters of Russian and International Law*. – 2017. – № 7. – С. 115-121.
6. Жюлиа Дидье. Философский словарь: пер. с французского / Дидье Жюлиа. – М.: Международные отношения, 2000. – 537 с.

7. Зелинский А.Ф. Криминология: курс лекций. – Х.: Прапор, 2006. – 260 с.
8. Иншанов С.М. Зарубежная криминология / С.М. Иншаков. – М.: ИНФРА-Норма, 1997. – 383 с.
9. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность / И.И. Карпец. – М.: Рос. право, 1992. – 431 с.
10. Каширина О.Н. О некоторых аспектах проведения субъектами профилактики правонарушений мониторинга в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации / О.Н. Каширина // Инновационная экономика и право. – 2018. – № 1 (10). – С. 106-108.
11. Криминальная мотивация / Ю.М. Антонян, В.В. Гульдан, В.Н. Кудрявцев [и др.] / М.: Наука, 1986. – 304 с.
12. Криминология: учебник для юридических вузов / под ред. А.И. Долговой. – М.: Изд-во Норма, 1999. – 780 с.
13. Крылова Н.Е. К 90-летию со дня рождения Н.Ф. Кузнецовой / Н.Е. Крылова // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 11. Право. – 2017. № 6. – С. 3-5.
14. Майоров В.И. Современные концепции взаимодействия полиции и общества как средства противодействия преступности: опыт зарубежных стран и России / В.И. Майоров, О.Н. Дунаева // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 1 (39). – С. 145-153.
15. Маркунцов С.А. Научные взгляды В.Н. Кудрявцева: вчера, сегодня и завтра / С.А. Маркунцов, С.В. Полубинская // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Том 16. – № 3. – С. 4-33.
16. Мертон Р. Американская социологическая мысль: Тексты [перевод с английского] / Р. Мертон; под ред. В.И. Добрякова, – М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. – 496 с.
17. Николаева А.Е. Проблемы правового регулирования профилактики правонарушений на региональном уровне / А.Е. Николаева // Символ науки. – 2019. – № 7. – С. 48-52.
18. Павлов В.В. Профилактика правонарушений / В.В. Павлов // StudNet. – 2020. – № 10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-pravonarusheniya> – (дата обращения: 22.08.2023).
19. Попов Л.Л. Эффективность административно-правовых санкций в сфере охраны общественного порядка: монография / Л.Л. Попов. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2021. – 208 с.
20. Ремнев В.И. Актуальные вопросы административной деликтологии в современный период / В.И. Ремнев // Актуальные проблемы административной деликтологии: Сборник научных трудов, К.: КВШ МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского. – 1984. – 182 с.
21. Социология преступности (Современные буржуазные теории): сборник статей / под ред. проф. Б.С. Никифорова. – М.: Прогресс, 1966. – 368 с.
22. Филонов В.П. Состояние, причины преступности в Украине и ее предупреждение: монография / В.П. Филонов. – Донецк: Донеччина, 1999. – 640 с.

23. Хохряков Г.Ф. Криминология: учебник / Г.Ф. Хохряков; под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Юристъ, 1999. – 512 с.
24. Шаргородский М.Д. Избранные труды / М.Д. Шаргородский; ассоц. «Юрид. Центр». – СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2004. – 655 с. – (сер.: Антология юрид. науки).
25. Яковлева М.А. Авторский взгляд на систему субъектов профилактики правонарушений в современной России / М.А. Яковлева // Юридическая наука. – 2019. – № 8. – С. 81-87.